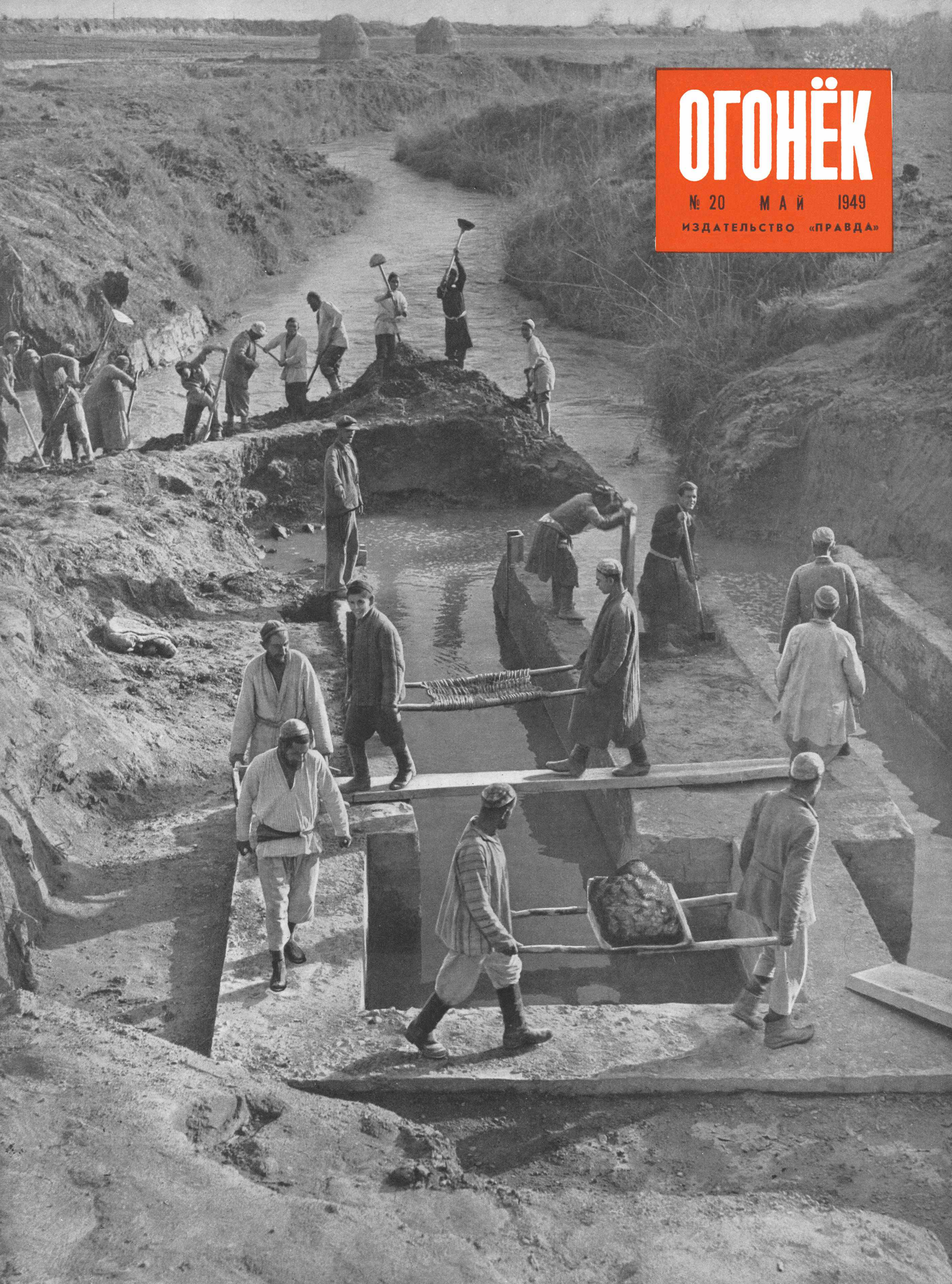

ОГОНЁК
№ 20 МАЙ 1949
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Каждую новую мысль Семен Федорович Черненко проверяет на тысячах опытов в своей прекрасной оранжерее.

Перу С. Ф. Черненко принадлежит много теоретических трудов, представляющих большую ценность для мичуринской науки.

ВЕРНЫЙ УЧЕНИК МИЧУРИНА

«Я горячо рекомендую для массового размножения перворазрядные сорта яблонь моего ученика...»

Слова эти принадлежат Ивану Владимировичу Мичурину, яблони — Семену Федоровичу Черненко. Сурово требовательный к себе и к своим ученикам, Мичурин был скуп на похвалы, и если он уже хвалил, значит, это был действительно достойный ученик.

Семен Федорович Черненко родился в 1877 году. Сын крестьянина, он с ранних лет работал садовником у помещиков на Украине. Увлекаясь дерзновенными мыслями Мичурина, Черненко мечтал о новых дивных сортах яблонь. В те далекие годы, когда официальная наука считала Мичурина лишь забавным чудаком-садоводом, а церковь преследовала его за богохульство, надо было обладать настоящим мужеством и ясным умом, чтобы видеть в Иване Владимировиче своего учителя. И Семен Федорович, не колеблясь, стал верным последователем гениального преобразователя природы.

Самым счастливым днем в жизни Черненко было 1 февраля 1926 года, когда Мичурин пригласил его к себе на работу в питомник (ныне Центральная генетическая лаборатория имени Мичурина). Практик-исследователь с большим опытом, 50-летний Семен Федорович не постыдился сесть на студенческую скамью рядом с юношами и девушками. Молодость была на их стороне, но огромные знания и опыт, десятки созданных сортов яблонь были несравненным преимуществом седого студента.

В 1932 году Черненко окончил плодоовощный институт и остался в нем преподавателем. Вскоре он получил звание профессора, а затем — ученую степень доктора сельскохозяйственных наук. Не отрывая науку от практики, как того требовал Мичурин, Семен Федорович неустанно занимается выведением новых сортов. Семьдесят сортов яблонь Черненко известны по всей стране. Его сорт «пепин-Черненко» — один из лучших на Украине, им дорожат также садоводы высокогорных районов Армении и Киргизии. Лучшее, что создал и за что удостоен Сталинской премии профессор С. Ф. Черненко, — это его яблони: «победа», «розовое превосходное», «первенец», «оранжевое», «суворовец» и «июльское».

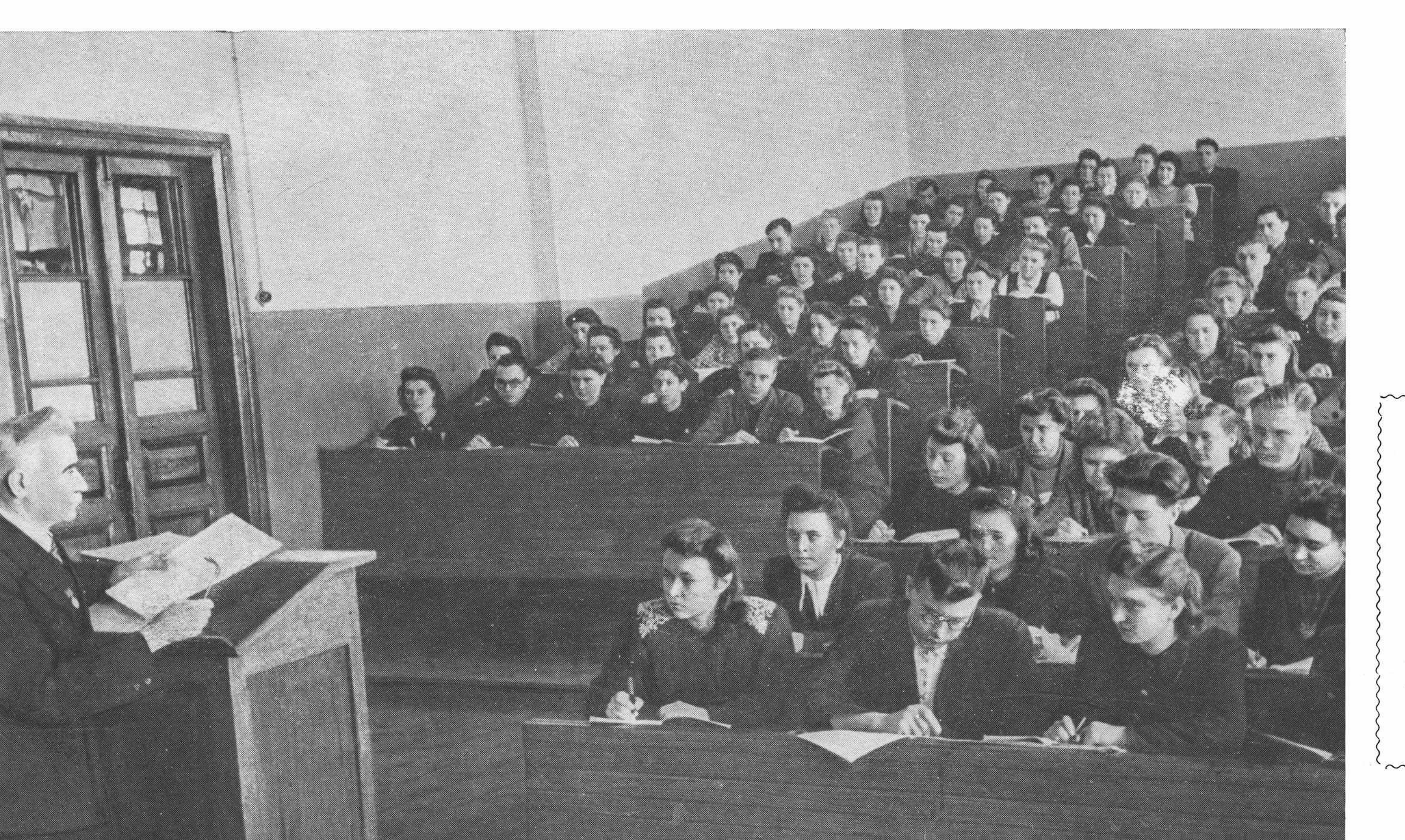
Особенно примечателен сорт «июльское»: его плоды созревают на полмесяца раньше любого из самых ранних сортов, известных садоводам.

Фото Я. Берлинера

Первый научный помощник С. Ф. Черненко — его дочь Екатерина Семеновна.

Профессор С. Ф. Черненко читает лекцию в аудитории того института, где он сам 20 лет назад был студентом.

На первой странице обложки: строительство гидроэлектростанции в колхозе имени Свердлова, Сталинабадской области, Таджикской ССР.

Фото О. Кнорринга

На последней странице обложки: сплав леса в Карело-Финской ССР.

Фото С. Фридлянда

ОГОНЁК

№ 20 (1145) 15 МАЯ 1949

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

27-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Подписка на Четвертый государственный заем восстановления и развития народного хозяйства СССР на Московском заводе шлифовальных станков, в модельном цехе. Оформляет подписку токарь по дереву А. М. Маричев.

Фото Дм. Бальтерманца

ДЫХАНИЕ БУДУЩЕГО

Н. МАР

Есть в нашей стране замечательный университет народного технического творчества. На его «факультетах» разрабатываются и разрешаются животрепещущие технические проблемы советской металлургии, машиностроения, угольной, строительной индустрии и многих других отраслей отечественной промышленности. Аудитории этого университета социалистического труда находятся в Москве и Ленинграде, Киеве и Одессе, Магнитогорске и Тбилиси, в десятках, сотнях промышленных городов нашей Родины...

Имя этому университету — стахановские «вторники». Начатые более года назад редакцией газеты «Труд», «вторники» эти сейчас с успехом проводятся по всей стране.

Первый «вторник», навсегда оставшийся в памяти его участников, был посвящен закройщице московской фабрики «Буревестник» Марии Левченко. Эта простая русская женщина революционизировала такое старое дело, как раскрой кожи. Она успевала за одну смену сработать за двух закройщиков «высшей руки». Но Мария Левченко не просто убыстрила темп работы. Она создала новые методы раскроя, резко погнала вверх кривую производительности и дала огромную экономию кожи, из которой фабрика дополнительно сшила около пяти тысяч пар обуви. С трибуны первого «вторника» Мария Левченко читала московским обувщикам лекцию, обоснованную экономическими расчетами и технологическими схемами, лекцию о том, что́ она создала своей творческой мыслью.

Почин был подхвачен. Ручеек первого стахановского «вторника» превратился в полноводную реку. «Вторники» проводятся на Урале и в Белоруссии, на Волге и в Закавказье, в Сибири и на Дальнем Востоке...

Вслед за кожевниками на кафедру взошли токари, угольщики, сталевары, текстильщики, каменщики, плотники, пекари, химики. Теперь эти люди, труд которых поднят социалистическим строем до вершин творчества, не только знакомят товарищей со своим практическим производственным опытом. Они демонстрируют на лекциях чертежи приспособлений, усовершенствованные ими станки и машины. Они смело вторгаются в области конструкции, технологии, экономики, обогащая технику, ставя все на службу кровному делу своей жизни и борьбы — делу торжества коммунизма. Эти простые люди, воспитанные нашей партией как творцы и новаторы, неутомимые носители нового, вступают в пределы науки, двигая ее вперед. Не случайно на лекциях стахановцев можно увидеть седовласых профессоров, студентов, молодых инженеров. Это — одно из живых свидетельств того, как в нашей стране стирается грань между физическим и умственным трудом. Весомые, зримые черты коммунизма — вот что являют собой стахановские «вторники».

История человечества со времен сооружения афинского Акрополя и до километровых конвейеров мистера Форда — это история борьбы между теми, кто трудом своим создает все ценности мира, и теми, кто их хищнически присваивает. Капитализм сковывает человека труда, уродует его, превращает в автоматический робот, культивируя в нем, по выражению Маркса, только одностороннюю сноровку и подавляя весь мир его производственных наклонностей и дарований... Капитализм с его машинной техникой превратил рабочего в автомат, в придаток к конвейеру, к машине. Мысль, творчество, фантазия — все это при капитализме либо заковано в тяжелые цепи принудительного труда либо, при выгоде, скуплено на корню, оптом.

Много лет назад цинично говорил об этом Генри Форд, объявленный в Америке «гением рационализации».

— Для большинства людей, — заявил он, — наказанием является необходимость мыслить. Идеальной им представляется работа, не предъявляющая никаких требований к творческому инстинкту.

Объявив рабочего скотом, мистер Форд превратил рабочего в механизированные мышцы, руки и ноги, которым вовсе не требуется голова. Правда, если в голове рабочего появляется мысль, которая может дать доллары, исключение допускается. Известно, например, что тот же Форд, встретившись с отказом специалистов отливать стекло непрерывной лентой, прибегнул к помощи мастеровых. Из сверкающего потока стекла мистер Генри вычерпал для себя три миллиона долларов. Незачем говорить о том, что изобретателям достались жалкие центы...

Америку с ее современным уровнем техники неслучайно называют «телемеханической Каледонией», т. е. механизированной каторгой, ибо даже технический прогресс в условиях капитализма, как это хорошо известно, является для рабочего источником пытки, потому что машина не рабочего освобождает от труда, а его труд от всякого содержания.

Размышляя о великой будущности нашего народа, Владимир Ильич Ленин писал, что трудящиеся в эпоху социализма «могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатый родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами».

Ровно тридцать лет назад, в мае 1919 года, рабочие Московско-Казанской железной дороги вышли на первый коммунистический субботник. Они совершили великий почин, о котором Владимир Ильич Ленин писал, что коммунистические субботники необыкновенно ценны как фактическое начало коммунизма...

Вспомним незабываемые дни августа 1935 года, когда на всю страну прозвучали удары отбойного молотка Стаханова. Товарищ Сталин указывал, что «стахановское движение представляет будущность нашей индустрии, что оно содержит в себе зерно будущего культурно-технического подъема рабочего класса, что оно открывает нам тот путь, на котором только и можно добиться тех высших показателей производительности труда, которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму и уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим».

Жизнь полностью подтвердила вещие слова Ленина и Сталина. Социалистический строй превратил труд советского рабочего в яркий, богатый чувствами и переживаниями процесс интеллектуальной деятельности. Социализм открыл токарю и литейщику дорогу в науку, утвердив его право и обязанность обогащать, двигать научные знания, подталкивать вперед технический прогресс в нашей стране.

Какой мыслитель, какой писатель не счел бы сказочным то, что свершилось с 26-летним ленинградским токарем, ныне лауреатом Сталинской премии, Борткевичем? Три года назад Борткевич, сняв солдатскую шинель, пришел в цех и встал к своему токарно-винторезному станку. Это был обычный станок. С высоты нового, социалистического отношения к труду Борткевич взглянул на свой станок, на свою работу. Если использовать как следует технические возможности станка, решил Борткевич, можно снимать больше деталей. И вот токарь превысил технические нормы на одних операциях в 3—5 раз, а на других — в 15—20 раз. Мысль стахановца революционизировала токарное дело!

Обо всем этом Борткевич рассказывал на «вторнике», демонстрируя свои чертежи, сообщая свои подсчеты. Он требовал от конструкторов создать еще более совершенные токарные станки. Потом он выступил с докладом на заседании коллегии Министерства станкостроения СССР. Вскоре достижениям молодого стахановца была посвящена книга «Скоростные методы работы токаря». Теперь сотни, тысячи токарей работают по методу Борткевича, растет движение скоростников.

У советских людей есть великая цель. Социалистический строй дал простор их великой энергии. Московский текстильщик Александр Чутких посвятил свою лекцию на одном из «вторников» проблеме отличного качества выпускаемой продукции. Эта тема не могла бы придти в голову американскому или австралийскому рабочему. Слесарь фордовского завода прекрасно понимает, что его личное благополучие и судьба его детей меньше всего зависят от того, какого качества будут выпущены автомобили... Для Александра Чутких труд — это дорога к коммунизму, к счастью народа, а следовательно, к его собственному счастью. Чутких далеко не безразлично, какого именно качества ткани будут выпущены для советских людей. Наш рабочий класс полон заботы и страстного стремления давать продукцию не только большую по количеству, но и самого лучшего, безукоризненного качества. В этом также находит свое отражение новое, коммунистическое отношение советских людей к труду.

Стахановские «вторники» — это органическая, неотъемлемая частица нашей советской действительности. Они показывают миру, что в Советском Союзе рабочий считает своим естественным, от сердца идущим призванием догонять лучших и добиваться общего подъема. Патриот, хозяин страны, новатор, он полон творческого огня, созидательного порыва, горячего стремления сделать труд своего народа еще более производительным.

«Вторники» показывают бурный рост технической культуры рабочего класса Советской страны. Если собрать стенограммы всех состоявшихся стахановских «вторников», то откроется картина победоносной битвы за высокую производительность труда, битвы, в которой не только более умело были применены старые роды технического оружия, но и создаются рабочими руками новые его виды, еще более совершенные.

Бакинский нефтяный мастер Алексей Орлов разработал новые методы ускоренного ввода в эксплоатацию месторождений горючего. Он показал, какие значительные экономические преимущества дают его технологические новшества.

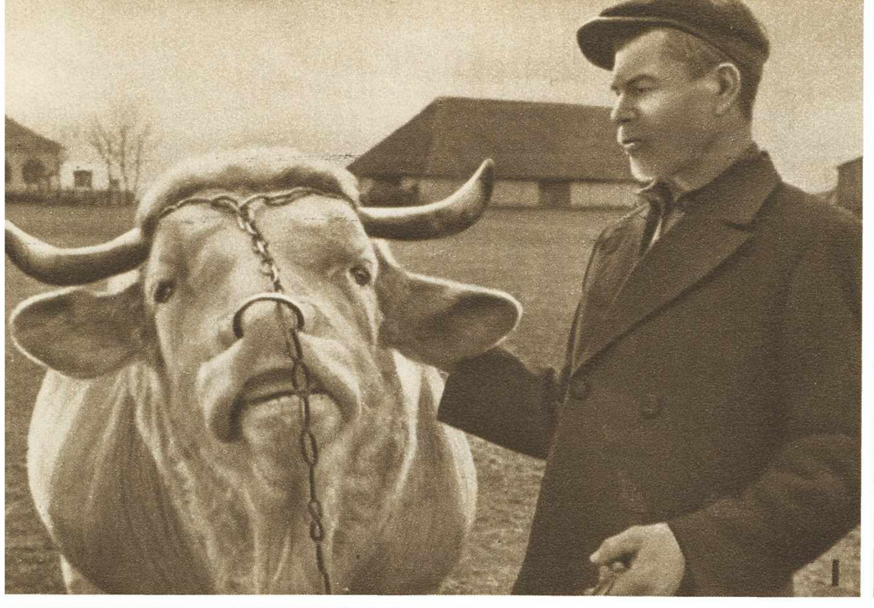
Стахановец угольной шахты «Западная-Капитальная» Илья Цомая на «вторнике» в Новошахтинске, Ростовской области, не только вел речь об улучшении эксплоатации новых врубопогрузочных машин, но дал инженерам и ценные отправные пункты для конструирования новых, более совершенных агрегатов.

Советский рабочий одухотворен большевистской жаждой движения вперед во славу Родины, во имя торжества коммунизма. Этим объясняется, что каждый третий рабочий нашей автотракторной промышленности является изобретателем или рационализатором, что изобретатели Автозавода имени Сталина только за один год сэкономили государству около 9 миллионов рублей.

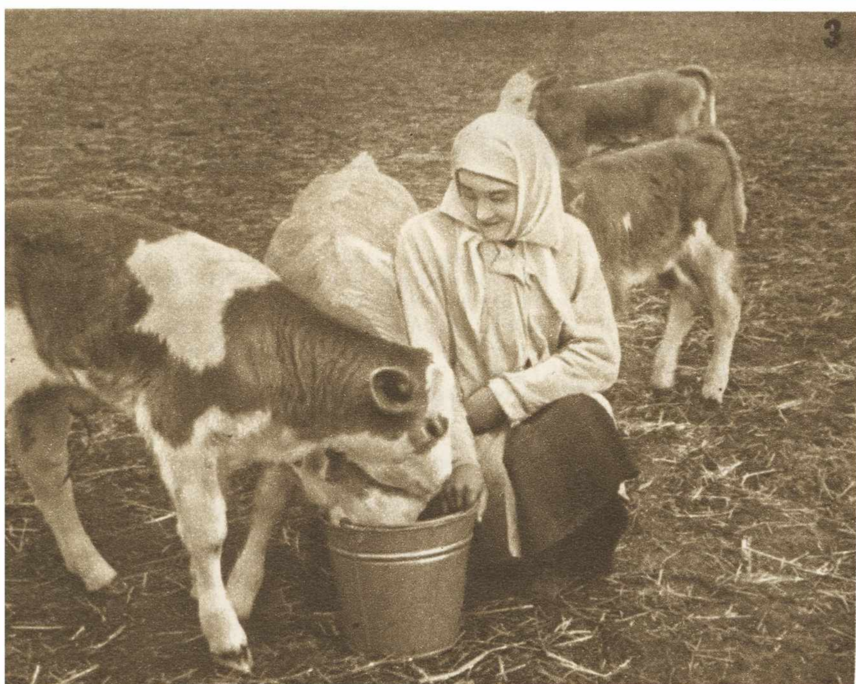
В различных городах страны проведены сотни стахановских «понедельников», «сред» и «четвергов»... Сегодня это технический университет десятков тысяч рабочих. Завтра еще шире раздвинутся его стены и эта академия коммунистического труда, несомненно, будет иметь еще более значительную аудиторию.

— Я люблю свой труд, — говорит лауреат Сталинской премии Александр Чутких, — и я очень хочу хорошо работать для всех наших людей, работать для будущего, для коммунизма.

Он уже близок, этот завтрашний день... Зримые черты коммунизма, живое дыхание будущего, которое становится все более ощутимым, осязаемым, — вот что мир слышит в этих словах, вот что мир видит в делах советского рабочего.

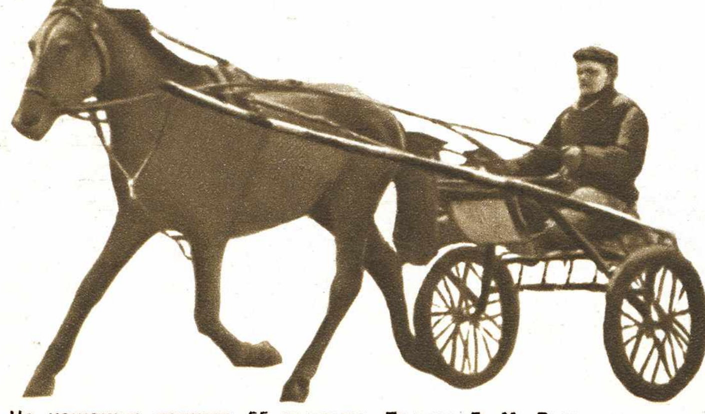
Утро в колхозе

Фотоочерк А. Гостева

Колхоз имени Калинина, Переяслав-Хмельницкого района, Киевской области, славится высокими урожаями пшеницы, богатой животноводческой фермой, конюшней чистокровных орловских рысаков, птичником, пасекой. Колхозники создали прочную славу своему коллективному хозяйству.

Раннее утро, но в колхозе все давно на ногах.

1. М. И. Коваль, один из лучших животноводов колхоза, ведет быка-производителя «Рыцаря» на водопой.
2. В колхозе около 400 гусей, уток, кур. Птичница М. В. Марюта вышла на берег водоема кормить уток.
3. Юная телятница колхоза Аня Емец занялась своими питомцами. Она твердо обещала вырастить 12 породистых телят, родившихся нынешней весной.
4. Утро выдалось теплое. Пасечник О. М. Коржик раскрыл ульи и приступил к осмотру рам.
5. Досрочно завершен сев яровых культур. Полеводческие бригады приступили в это утро к севу бобовых. Председатель колхоза И. С. Емец (слева) и секретарь партийной организации колхоза И. Л. Корюненко выехали в поле осмотреть качество посевных работ.

На конюшне колхоза 55 рысаков. Тренер Д. М. Ващенко, вырастивший немало чистокровных коней, объезжает молодняк.

МУЗЕЙ *революции*

В. ПОЛТОРАЦКИЙ

Фото Г. Зельма

«...Здесь мы увидели молодость наших отцов, торжество Октябрьской социалистической революции и еще глубже почувствовали всенародную пламенную любовь к великому Сталину».

Это — одна из многочисленных записей в книге посетителей Музея Революции СССР. Ее оставили молодые рабочие московской Трехгорной мануфактуры.

Музей Революции уже давно приобрел мировую известность. За 25 лет здесь побывало более 13 миллионов человек. Книги с записями впечатлений посетителей музея занимают несколько полок большого шкафа.

«Музей Революции столь богат документами и всевозможными чудесными вещами, что надо было бы посетить его несколько раз для полного усвоения. Меня особенно взволновали картины, рисунки, документы. Они заставляют переживать героическую борьбу русского народа в годы, предшествовавшие Великой Революции, убеждаться в самопожертвовании тысяч рабочих, крестьян и солдат, в дальновидности и мужестве первых большевиков, группировавшихся вокруг нашего бессмертного товарища Ленина, дело которого так блестяще продолжает Иосиф Сталин»,— записал внук Карла Маркса доктор Э. Лонге.

«Музей наполняет разум знаниями и возбуждает прекрасные чувства»,— пишет кишиневский учитель Трофименко.

«Это — чудесное пособие для изучающих основы марксизма-ленинизма»,— заявляет группа сержантов-дальневосточников.

В самом деле, перед посетителями музея развертывается вся героическая история революционного движения в России. Мы видим, чувствуем, осязаем, как год от году растет и крепнет руководящая и направляющая сила этого движения — большевистская партия. Мы как бы вновь переживаем огненные дни Октября, перед нами проходят история организации советской власти и рождения Советской Армии, гражданская война.

Можно ли без волнения смотреть на реликвии революции? Вот номер ленинской «Искры». Ведь к нему прикасались руки подпольщиков, его прятали от сыщиков и жандармов, эту искру берегли, чтобы разгорелась она в великое пламя.

Подарок товарищу Сталину от жен офицеров штаба СКВО.

Музей Революции СССР.

Труден был путь борьбы. Жестоко расправлялись царские жандармы с участниками революционного движения. Вот один из подлинных документов того времени:

«Счет за приобретение материалов для приведения в исполнение смертного приговора Военно-окружного суда над двумя лицами:

1) Извозчик	— 2 р. —	
2) 2 веревки	— 1 р.	10 к.
3) 2 кольца	—	60 к.
4) 2 мешка	— 2 р. —	
Итого:	5 р.	70 к.»...

...Но люди высокой цели шли во имя свободы на все. Слава мужеству борцов революции!

Вот оружие, с которым в 1905 году вышли на баррикады дружинники Пресни. А вот знамя балтийских моряков. Под этим знаменем шли они к Зимнему, и свежий октябрьский ветер расправлял над матросскими бескозырками красное полотнище.

Вот в рамке под стеклом первые оттиски первых декретов советской власти. Остановишься перед ними — и живо представляешь себе те, уже далекие дни, когда такие же вот листки, только что отпечатанные, еще пахнущие типографской краской, были расклеены на стенах домов. Возле каждого из листков собиралась толпа. Какой-нибудь пожилой слесарь или солдат читал вслух короткие, поленински ясные строки:

«...помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа».

Переходишь из зала в зал, как из эпохи в эпоху. Вот карта с надписью «Республика Советов в огненном кольце». И тут же панорама обороны Царицына. Обстановка решающих дней. Сталин — организатор победы...

В фондах музея около 340 тысяч документов, книг, картин, фотографий и других экспонатов. Как удалось все это собрать?

Музей создавался народом. Люди, участвовавшие в революционной борьбе, старые большевики, рабочие, красногвардейцы приносили и присылали сюда все, что сохранилось у них: книги, письма, фотографии, различные вещи. Работники музея любовно размещали эти реликвии в залах, воссоздавая историю революции в ее важнейших этапах...

Кроме основного помещения, что на улице Горького, в Москве есть два филиала Музея Революции.

Когда-то на Лесной улице была небольшая лавочка: «Оптовая торговля кавказскими фруктами». Лавочка принадлежала Силовану Кабидзе. Он сам с женой, ребенком и прислугой жил в квартире при лавке. Лавочка была декорацией. На самом деле здесь, в подвале, помещалась подпольная большевистская типография. В ней печатались листовки, прокламации и нелегальный орган ЦК партии «Рабочий».

Ныне перед посетителями музея лавочка и типография предстают в том виде, какой имели они сорок с лишним лет назад, в 1905—1906 годах. Тут можно встретить Марию Федо-

Экскурсия школьников в зале, посвященном гражданской войне.

В зале подарков товарищу И. В. Сталину.

ровну Икрянистову, работавшую «прислугой» у «хозяина» фруктовой лавочки. Тов. Икрянистова была подпольщицей из Иваново-Вознесенска...

Второй филиал музея Революции—Историко-революционный музей Красной Пресни. В нем собраны материалы о революционных событиях 1905 года, о декабрьском вооруженном восстании, про которое в «Кратком курсе истории ВКП(б)» говорится:

«Особенно упорный и ожесточенный характер носило восстание на Красной Пресне в Москве. Красная Пресня была главной крепостью восстания, ее центром. Здесь сосредоточились лучшие боевые дружины, которыми руководили большевики».

Перед посетителями Краснопресненского музея предстают также волнующие дни Октябрьской социалистической революции и Красная Пресня в годы Великой Отечественной войны.

Основная экспозиция музея Революции, воспроизводящая историю революционного движения в России, заканчивается материалами периода гражданской войны. Но в музее отражена и сегодняшняя жизнь народов нашей социалистической Родины. Расцвет этой жизни, ее волнующее многообразие показывает выставка подарков советского народа и зарубежных друзей И. В. Сталину.

В залах, где размещена эта замечательная выставка, бывает особенно много народу. Здесь каждая строчка и каждый предмет отражают любовь народа к родному Сталину.

Изумительные ковры, вытканные искусными руками туркменских женщин. Украинская вышивка. Резная мебель — произведение гуцулов. Сабля, замечательно отделанная чеканщиками Дагестана. Шкатулка работы палехских мастеров. Модели самолетов, кораблей, паровозов и танков. Альбомы и книги. Уральские самоцветы, хрусталь.

Вот книга. В ней стихотворное послание товарищу Сталину от белорусского народа. Страницы этой книги сделаны из шелка, и каждая буква вышита шелком. Семьдесят лучших рукодельниц Белоруссии вдохновенно вышивали эти строки.

А вот подарок из Индии — зернышко риса. Кажется, обыкновенное зернышко. Но если посмотреть на него через лупу, то можно прочесть послание товарищу Сталину, состоящее из 382 печатных знаков.

Перечислить все подарки нет возможности. Но каждый из них, даже самый маленький, велик по своему значению. Все, что есть у людей самого лучшего, шлют они в дар своему вождю.

Это не выставка, а песня о счастье.
Песня о жизни.
Песня о самой большой любви.

Вот на первый взгляд очень скромный подарок: «Диссертация врача В. М. Короткова. Лечение ран сульфидином». Но небольшое письмо, приложенное к диссертации, звучит, как повесть о замечательной человеческой жизни.

В Оренбургской губернии в бедной семье жил простой мальчик. С двенадцати лет он стал чернорабочим. Революцию встретил юношей. Добровольцем пошел на фронт, в Красную Армию. Там вступил в партию большевиков. После гражданской войны начал учиться. Стал врачом. Вел большую исследовательскую работу. Самостоятельно открыл способ лечения ран сульфидином. И это открытие — плод долгих и упорных исканий — он посвятил любимому Сталину.

Каждое событие в жизни народа, в жизни многих людей нашей страны отражено в подарках и письмах, присланных на имя товарища Сталина. Москва, Грузия, Казахстан, Дальний Восток, Заполярье, Ленинград, Молдавия рапортуют великому Сталину о жизни своей и работе. Есть письма и подарки от целых республик — девять миллионов подписей стоит под письмом украинского народа. И есть письма и подарки от одной семьи или от одного человека.

Все это дары большого, чистого сердца.

В этих дарах и словах благодарности и любви раскрывается сегодняшний сверкающий день нашей Родины. Расцвет социалистической промышленности, сельского хозяйства, науки и искусства. Жизнь двухсот миллионов советских людей, озаренная гением Сталина.

Подарки и письма от народов Чехословакии, Польши, Румынии, Болгарии и других стран говорят о том, как велики любовь и уважение к великому Сталину зарубежных народов.

Книга отзывов о посещении этой выставки — сама по себе своеобразный подарок. В ней имеются записи на всех языках мира. Здесь встретишь строки, оставленные и государственными деятелями и школьниками. Разве не трогательны такие две строчки: «Глубоко тронуты громадной любовью всех народов мира к товарищу Сталину». И подпись: «Мать и дети Пшеничниковы...»

А вот другая запись:

«Хожу я по залам
в волненье глубоком
И песню от сердца
в восторге слагаю
О Сталине нашем,
родном и любимом.
Посетитель из Чувашии».

Простые, бесхитростные слова. Их писал не поэт. Может быть, никогда этот человек и не пытался писать стихи, а тут вот пришел, увидел необыкновенные дары великому Сталину, и захотелось ему как-то по-особенному выразить свои чувства. Так сами по себе сложились стихи...

«Мы увидели эту замечательную выставку и даем обещание учиться, жить и работать на благо нашей любимой Родины, на радость учителю и отцу, великому Сталину»,— пишут воспитанники ремесленного училища.

Музей Революции — своеобразная школа жизни.

«Значение подобных музеев для всей нашей партии и для подрастающего поколения молодежи, в особенности, огромно», — писал А. А. Жданов в книге посетителей музея двадцать пять лет назад.

Молодые советские люди полнее узнают здесь о героической борьбе старшего поколения революции и еще яснее видят и чувствуют, как просторна для счастья наша прекрасная Родина.

Филиал музея Революции — подпольная типография большевиков в 1905—1906 годах. М. Ф. Икрянистова рассказывает школьницам о работе подпольной типографии.

На выставке подарков товарищу Сталину. Дар украинского народа.

Далеко за селом встретили польские крестьяне делегацию советских колхозников.

ВСТРЕЧА в Сливицах

(Письмо из Польши)

Мих. ЯРОВОЙ

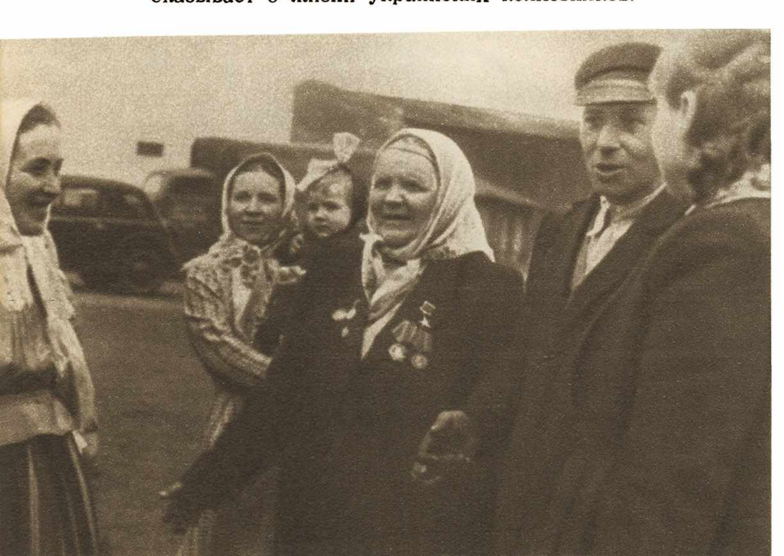

Федору Ивановичу Дубковецкому, председателю колхоза «Здобуток Жовтня», Киевской области, в знак гостеприимства поднесли хлеб с солью.

Герой Социалистического Труда Прасковья Андреевна Малинина, заведующая племенной фермой колхоза им. XII годовщины Октября, Костромской области, выступает на митинге.

Герой Социалистического Труда Елена Семеновна Хобта, звеньевая колхоза имени Шевченко, Киевской области, рассказывает о жизни украинских колхозников.

— Пани Софья приехала!

Первыми эту весть разнесли по хатам ребятишки. Они так кричали под каждым окном, что, казалось, и в горах Судетских, у подножья которых стоит село Сливицы, были слышны их звонкие голоса:

— Пани Софья приехала!

— Приехала! Приехала!

Люди спешили в хату к Русеку. Женщины обнимали и целовали пани Софью, мужчины молча жали ей руку и доставали табак, готовясь к продолжительной беседе. Им было о чем поговорить.

Софья Русек родом с Краковщины. Для нее, дочери бедного крестьянина, счастливая жизнь казалась прежде несбыточной мечтой. Но после войны, когда в Польше к власти пришло народно-демократическое правительство, эта мечта молодой женщины начала становиться явью. Безземельные и малоземельные крестьяне получали помещичьи владения, переселялись на воссоединенные, исконные польские земли — в Опольскую Силезию, Дольний Шлёнск, Штеттинское воеводство и в другие места.

Софья Русек и ее муж Владислав вместе с другими выехали сюда, на земли Опольской Силезии. Переселенцы устроились в бывшем имении крупного немецкого помещика. На шестнадцать хозяйств переселенцев пришлось 169 гектаров земли, но тягла было в наличии всего четыре лошади, а сельскохозяйственные машины оказались переломанными.

Как жить? Переселенцам посоветовали организовать кооператив. Так и было сделано. Люди работали дружно, и жить становилось лучше. Но все же такая форма коллективного землепользования крестьян не удовлетворяла. Индивидуальное преобладало над общим и мешало более быстрому движению к лучшей жизни. Взоры людей все чаще стали обращаться к востоку.

Среди крестьян селения Сливицы, что стоит у самой Чехословацкой границы, пошли разговоры о советских колхозах: неплохо, мол, побывать там, посмотреть, как живут люди, поучиться.

И желание хлеборобов сбылось. Софья Русек вместе с другими польскими крестьянами и крестьянками в канун нынешней весны побывала на Украине, посмотрела жизнь колхозную. В Сливицах с нетерпением ожидали ее возвращения. И вот она вернулась...

Софья Русек долго рассказывала землякам обо всем, что ей довелось увидеть на Киевщине и в других местах, что ее взволновало и на всю жизнь оставило в душе неизгладимый след. Но о чем бы Русек ни говорила, всякий раз сводила она речь к престарелой украинской колхознице Елене Семеновне Хобте, с которой Софье довелось познакомиться в селе Гланышево, Переяслав-Хмельницкого района. Как солнце отражается в капле воды, так вся красота советской колхозной жизни нашла отражение для Софьи Русек в жизненном пути этой простой украинской крестьянки.

Софья поведала о том, как Елена Хобта, уже до войны прославленная мастерица высоких урожаев, отказалась работать на немцев, оккупировавших ее родное село. О том, как фельдкомендант Краузе грозил Хобту повесить, как ее зверски избили и отправили в переяславскую тюрьму.

— Партизаны выкрали Елену Семеновну, — взволнованно рассказывала Софья Русек, — спрятали ее в потаенных местах, и дождалась она светлого дня — прихода Советской Армии. А как только фронт отодвинулся на запад от Киева, Елена Семеновна собрала свое звено и сказала: «Что ж, подружки, — за работу!» И ее звено начало трудиться еще лучше, чем раньше...

Софья Русек кончила рассказ о советской колхознице, проявившей великий патриотизм и твердость духа в черные дни гитлеровской неволи, а после войны получившей за отличные урожаи звание Героя Социалистического Труда. Слушавшие ее крестьяне были взволнованы до глубины души, многие женщины не могли удержать слез.

— Этой женщине много лет? Дряхлая она? — спрашивали люди Софью Русек.

Этот вопрос был естественным. Люди привыкли к тому, что с годами приходит и старческая немощь. Но Софья Русек на Советской Украине приметила другое: там люди не стареют душой. Видно, сам свободный, радостный труд придает людям силу, молодит их.

— Кто? Елена Семеновна дряхлая?! — воскликнула Софья Русек. — Да я, молодая, ей завидую! Она такая боевая, в ней столько жизни, что когда стоишь рядом с ней, слушаешь ее, то и сама словно загораешься.

— Говоришь, ей седьмой десяток пошел?

— Да, ей уже шестьдесят семь лет.

— Ну, расскажи еще про нее...

Что же еще? Кажется, обо всем уже рассказала...

И Софья Русек поведала односельчанам о том, как к заболевшей Елене Хобте приезжал специально присланный из Киева профессор, как на другой день ей привезли из Киева в автомобиле ящик продуктов: сельдей, колбасы, вина, чаю, сахару, печенья.

— Это ей Никита Сергеевич Хрущев, секретарь Центрального Комитета коммунистической партии большевиков Украины, прислал, — сказала Софья Русек, — чтобы Елена Семеновна быстрей поправлялась. Товарищ Хрущев и сам вскоре приехал навестить больную.

— Так-таки взял бросил все дела и приехал? — удивился один из слушателей.

— Человек для советской власти дорог — вот и приехал. Я сама слышала, как в Киеве на съезде колхозников Елена Семеновна об этом напомнила Никите Сергеевичу прямо с трибуны съезда.

— Ну, а он что?

— Да ничего. Улыбнулся. Ему ведь не впервые навещать сельских людей. Он у многих бывал: и у больных, и на свадьбах, и на крестинах.

Уважение руководителей советского государства к простым рядовым труженикам, повседневная забота о них глубоко запали в сердца людей, слушавших рассказ Софьи Русек. И долго еще, чуть только выпадал свободный час, они приходили в хату к Русекам и просили молодую крестьянку поведать про Украину и про бабушку Хобту.

В первых числах апреля выехал в город по делам председатель кооператива Владислав Русек, муж Софьи. Он вернулся под вечер с радостной вестью: в Польше гостят советские колхозники! Есть среди них и украинские хлеборобы и, кажется, в числе делегатов Елена Семеновна Хобта.

Эта весть вызвала общее радостное волнение.

— Где же они сейчас? — спросили сразу несколько человек.

— В Варшаве, на крестьянском конгрессе.

— Надо бы пригласить их к нам! Софью послать бы к ним с нашим приглашением!..

— Я уже в уезде говорил об этом, да не только я один,— из других сел тоже приглашают. Может быть, и повидаемся...

И советские крестьяне приехали в Сливицу. Все село высыпало к бывшему помещичьему двору. Широкие ворота были украшены, словно триумфальная арка, зелеными гирляндами, красными и бело-красными полотнищами, приветственными лозунгами. На самом видном месте высились портреты товарища Сталина и президента Польской республики Болеслава Берута. Не успели отзвучать приветственные речи, как к Елене Семеновне Хобте подбежала Софья, обняла старуху и стала крепко целовать:

— Бабушка, милая бабушка!

Елена Семеновна сразу узнала Софью Русек, прижала ее к своей груди и трижды поцеловала.

— Ну вот, Софьюшка, снова повидались,— сказала Елена Семеновна, не выпуская молодую крестьянку из своих объятий.— И будет время, еще не раз повидаемся. Живем теперь так, словно друг к дружке во двор калитка есть...

Софья Русек взяла под руку Елену Семеновну и в окружении остальных крестьянок повела ее во двор показывать кооперативное хозяйство. Люди широко расступались, давая дорогой гостье дорогу.

— Я, бабушка, как приехала домой, так все время про ваше колхозное устройство да житье рассказывала.

— Ну и что же, Сонюшка, понимают тебя ваши люди?

— Понимают, Елена Семеновна, понимают. Месяц тому назад мы приняли Устав артели. Теперь у нас все пойдет по-иному. Так ведь?

— Пойдет, пойдет. Будете хорошо жить! Это уж — дело верное.

— Вон, бабушка, стоит молодой парень,— указала Софья на Яна Кокошко, беседовавшего с терским казаком, председателем колхоза имени Тельмана, Ставропольского края, Героем Социалистического Труда Михаилом Ивановичем Артемовым.— Так вы знаете, как стали мы у себя работу оценивать, подобно вам, в трудоднях, этот Ян Кокошко в день засевает по восемь гектаров! Каждый день на два гектара больше нормы.

— Хорошо! Молодец ваш Ян! — улыбается Елена Семеновна. — С такими вы в срок все посеете!

Елену Семеновну ведут от сарая к сараю, от склада к складу. Показывают два трактора, что купила артель, одиннадцать лошадей, семьдесят свиней, такое же количество коров, почти полсотни овец — все, что кладет основу зажиточной жизни артели. А потом идут с ней за ворота, туда, где вешний ветерок гуляет по зеленям озими, шумит в ветлах, откуда ясно видны Судетские горы, испещренные еще белыми снежными пятнами.

— Здесь,— показывает Софья Русек,— мы будем строить себе дома. Ведь в этих казармах, где помещик держал своих батраков, культурно жить нельзя. Правильно, бабушка? Мы новые дома себе поставим, чтобы свету, солнца в них было побольше, чтобы электричество горело и песни звучали из репродукторов...

...Давно уже сидели гости за столами в клубе, беседуя с членами молодой польской сельскохозяйственной артели, а Елены Семеновны все еще не было. Вместе с Софьей Русек, с новыми товарками, с которыми старая женщина быстро сдружилась, побывала она в хатах крестьян, подержала на руках грудных младенцев, погладила малышей по русым головкам, всплакнула с вдовами, по душам поговорила о жизни. И когда она, сопровождаемая толпой крестьян, вошла в клуб, все встали, рукоплесканиями приветствуя в ее лице жизнь советских крестьян — ту полную радости и счастья жизнь, к которой так страстно тянутся здесь, в Сливицах, люди, при новом, демократическом строе Польши познавшие свободный труд.

Когда были подняты стаканы с вином, председатель артели Владислав Русек сказал:

— Выпьем за нашу дружбу! Выпьем за Генералиссимуса Сталина творца нашей дружбы, творца счастья трудового народа!

Осушила свой стакан и Елена Семеновна Хобта. Наполнив его еще раз, она обратилась к собравшимся:

— Давайте выпьем за вас, польские братья! Желаю вам счастливой жизни. Живите и работайте так, чтобы ваши дети, ваши внуки были благодарны вам!

Эти слова старой колхозницы все восприняли как материнское благословение.

И люди низко ей поклонились.

Варшава, апрель 1949 года.

Товарищеский обед в честь делегации советских колхозников.

Пабло НЕРУДА

Омраченной родине

Из поэмы

Я НЕ СТРАДАЛ

Но ты не страдал! Я не страдал. Я страдаю
только страданиями моего народа. Я живу
в самых недрах моей родины — шарик
ее бесконечной и горячей крови.

Нет у меня времени на собственную боль.
Страдать заставляют меня только судьбы
тех, кто одарил меня своим чистым доверием
и кого изменник сбросил на дно
мертвого колодца,— оттуда
придется начинать, выращивая снова розу.

Когда палач потребовал от судей,
чтоб они осудили
сердце мое, гудящее рассерженным ульем,
народ открыл предо мною свой лабиринт необъятный
подземелья, где спит его любовь,
и там он оберегал меня
до возвращения света и воздуха.
Мне говорили: «У тебя есть долг перед нами,
это ты отметишь холодным клеймением
грязное имя злодея».
Я не страдал и в этом мое страданье,
в том, что я не проходил по темным
тюрьмам, где каждый заключенный — брат мой,
не приносил ему страсть мою, похожую на рану,
но когда он спотыкался, и я спотыкался,
когда его били в спину, били меня,
каждая капля крови страдальца
пробиралась в песню мою, и песня кровоточила.

ОНИ ПОЛУЧАЮТ ПРИКАЗЫ ПОКОРИТЬ ЧИЛИ

Они хотят сделать с тобой то, что удается им
в Греции.
Для господ — банкеты, и пули —
народу в горах; ведь надо остановить полет
новой Самофракийской Победы, надо вешать,
убивать, разорять, все глубже вонзать убийственный
нож,
который держит рука в Нью-Йорке, надо сломить
огнем
гордость человека, расцветающую
во всех частях света, как будто она рождается
из земли, орошаемой кровью.
Надо вооружать Чан Кай-ши и негодяя Гонсалеса[1],
надо давать им деньги на тюрьмы, на самолеты,
чтобы бомбить соотечественников, надо давать им
подачки, пачку долларов, остальное они сделают
сами;
они лгут, развращают, танцуют на могилах,
и жены их блистают дорогими нарядами.
Что им агония народа! — эти муки
необходимы господам — властителям меди.
Есть факты:
генералы уходят из армии и служат
денщиками североамериканских компаний,
и на селитренных промыслах «чилийский» генерал
саблей приказывает открыть огонь, когда сыновья
пампасов
вынуждены требовать повышения платы.
Так команда подается сверху, долларовым мешком,
так карлик-изменник получает приказ,
так генералы превращаются в полицейских,
так точат ствол дерева родины.

Перевел с испанского **О. САВИЧ**

[1] Гонсалес Видела — президент Чили.

«Свобода труда» по-американски

Реакционная печать и радио капиталистических стран ведут клеветническую кампанию против Советского Союза и стран народной демократии под лживой вывеской «защиты свободы труда».

Инициаторы кампании попытались было протащить через органы Организации Объединенных Наций фальшивку о «принудительном труде» в СССР. Они потерпели крах. С них была сорвана фарисейская маска «рабочелюбия». Им напомнили о таких проявлениях «свободы труда» при капитализме, как армии безработных по обе стороны Атлантического океана, танки и слезоточивые газы против французских горняков, открытая торговля людьми в колониальных дебрях Азии и Африки, истребление целых племен на тихоокеанских островах во славу священной «свободы предпринимательства».

Идеологические приказчики капитализма идут по проторенной тропке, на которой они не раз ломали себе шею: они в тысячный раз пытаются приписать уродства и зверства империализма лагерю социализма и демократии, валить с больной головы на здоровую.

Прямым издевательством над фактами является то, что ложь о «принудительном труде» фабрикуется в Соединенных Штатах, стране, где принудительный труд процветает в наиболее грубых и откровенных формах. В некоторых странах Западной Европы правые социалисты до сих пор еще бубнят о «священном праве» рабочего отстаивать лучшие условия труда. Правда, эта демагогия уживается с полицейскими «операциями» разных шельб и жюль-моков против бастующих рабочих. Но ни в одной стране капитализма нет такой всеобъемлющей и организованной системы подавления рабочих, борющихся за свои трудовые права, какая существует в стране доллара. Трудовое бесправие американского рабочего — это «идеал», к которому стремятся эксплоататоры во многих капиталистических государствах.

Весь 14-миллионный негритянский народ США фактически поставлен в рабское положение, обречен на самый черный, неквалифицированный труд, лишен равенства в оплате труда. Миллионы негритянских арендаторов и батраков Юга — это крепостные, прикованные к землям плантатора цепями издольщины и неоплатных долгов. Не лучше обстоит дело и с белыми рабочими. Шахтеры, нефтяники, строители, рабочие десятков других профессий опутываются паутиной произвольных вычетов и штрафов, кабальной задолженностью хозяину по квартирной плате, по продуктам, купленным в заводской лавке. Вся потогонная система капиталистического предприятия, неограниченное право «босса» выбрасывать рабочего на улицу сводят «свободу» американского пролетария к «свободе» выбирать между голодом и принудительно навязанными условиями труда.

Капиталистические монополии США ведут открытую войну против непокорных профсоюзов и забастовочного движения. К услугам капиталистов в этом деле весь аппарат государственной власти полиция, суд, ядовитая пропаганда печати. «Как разрушают профсоюзы» — этими словами озаглавил прогрессивный английский журналист Дерек Картэн один из разделов своей книги «Такова Америка».

Об «объективности» государственной власти США в вопросе о «свободе труда» можно судить по целой цепи законов послевоенного времени, направленных против профсоюзов. Уже в 1945 году был внесен в сенат закон, вдохновителем которого был мыловаренный король Фокс, об ограничении права рабочих создавать профсоюзы. Через год последовал закон Кэйза, фактически запрещающий забастовки. Вершина этого антирабочего законодательства — закон Тафта — Хартли, который знаменует собой попытку магнатов Уолл-стрита навсегда покончить с профсоюзами.

Огромная машина сыска и шпионажа, незаконные аресты и провокации, весь арсенал полицейских средств «Федерального бюро расследований» (американской охранки) помогают монополиям в борьбе против профсоюзов и забастовочного движения. Любой шериф в любом американском штате готов устроить облаву на бастующих рабочих по телефонному звонку местного заводчика. Американский журналист Джон Гантер пишет в своей книге «Америка изнутри», что в ряде штатов одно появление профсоюзного активиста на заводе или шахте с целью организовать профсоюз «автоматически влечет за собой заключение в тюрьму». Террор против верных рабочему классу профсоюзных работников входит, как известно, в инквизиторскую «программу» пресловутой «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности».

Вся история американского профсоюзного движения предвоенных и послевоенных лет — это цепь кровавых расправ полиции и охранки с активистами профсоюзов и бастующими рабочими. Это вынужден был сказать в своей книге «Моя позиция» даже такой реакционер, как Гарольд Стассен, хотя «объективность» его вызывалась тогда больше соображениями предвыборной демагогии. Он писал, что нередко «из конца в конец Америки» забастовки подавлялись «силой оружия и военно-полевых судов» и что «во многих районах страны раздавался грохот ружейных залпов».

Видный немецкий экономист Ю. Кучинский рассказывает в работе «История условий труда в США», как накануне войны за какие-нибудь полторы недели было убито девять руководителей стачек в пяти американских штатах. Эта «практика» сейчас не только остается полностью в силе, но продолжает расширяться.

Однако воротилы американских трестов в своей борьбе за полную ликвидацию малейших признаков свободы труда в промышленности не довольствуются услугами конгресса, полиции и судебного ведомства. Они тратят сотни миллионов долларов на «собственную» заводскую полицию, используют фашистские организации, привлекают для расправы с рабочими частные «фирмы», специализировавшиеся на стачколомстве и убийстве вожаков рабочих.

Американский журнал «Форчюн» посвятил в свое время большую статью «специалисту» сих дел Перлу Бергоффу, имевшему в Нью-Йорке сеть «контор» по обслуживанию промышленных корпораций вооруженными бандами штрейкбрехеров. Клиентами Бергоффа являлись такие гиганты финансового капитала, как рокфеллеровский трест «Стандарт Ойль», алюминиевая компания Меллона, стальной трест Карнеги, муниципалитеты Нью-Йорка и Чикаго. «За 50 тысяч долларов, — писал «Форчюн»,— Перл Бергофф абсолютно гарантирует вам ликвидацию забастовки, разгром профсоюзов и ваше безраздельное господство на предприятии». «Этот рыжий бандит с тяжелой челюстью,— пишет Дерек Картэн, — имел целую собственную армию, состоящую из хулиганов и шпионов». В послужном списке Бергоффа — 172 сорванных стачки, его стараниями были ликвидированы десятки профсоюзов».

В журнале «Литерари Дайджест» однажды появился репортаж о внутренней полиции заводов Форда. В ее распоряжении имеются усовершенствованная электрическая сигнализация, тайные микрофоны в цехах, вооруженные отряды, готовые в любую минуту и при малейшем конфликте наброситься на рабочих. Нечего говорить, что и этот внутренний полицейский центр управляет целой сетью шпионов, шныряющих по квартирам рабочих, по рабочим столовым, по заводским цехам.

Излюбленным инструментом подавления рабочих являются для капиталистов реакционные фашистские организации, общеамериканские и местные, в помощь которым при надобности мобилизуются отсталые мещане из так называемых «добровольных отрядов бдительности». Монополистам охотно помогают против рабочих такие фашистские сообщества, как Ку-Клукс-Клан, «Америка прежде всего», всякие белые, черные и желтые «крестоносцы», «голливудские гусары», «часовые республики» и прочие. Во главе этих организаций стоят обычно крупные промышленные тузы вроде Джона Х. Пью, директора одной из крупнейших нефтяных компаний, или химического короля Ламмота Дюпона. Фашистское движение в США «гармонически» сочетает задачи удушения демократии и задачи охраны «священной частной собственности».

Рядом с этими организациями политического бандитизма подвизаются провокаторские группы, специально создаваемые предпринимателями. Названия их настолько красочны, что не требуют комментариев: «Лига борьбы за свободное предпринимательство», «Рыцари частной инициативы», «Ассоциация промышленной свободы», «Строители лучшего бизнеса», «Союз промышленной стабилизации» и т. д. В американской печати неоднократно описывалось тесное сотрудничество банд ку-клукс-клановского типа, шаек «рыцарей частной собственности» и местных «вигилянтов» в кровавых расправах с бастующими рабочими. Это сотрудничество имело место, в частности, во время классической «антипрофсоюзной кампании» в Эбердине (штат Вашингтон), когда убийство стачечников из-за угла и расстрел рабочих собраний сопровождались изгнанием рабочих семей из города и прочими зверствами.

Таковы некоторые наиболее бьющие в глаза черты «свободы труда» в Соединенных Штатах.

Нетрудно понять, почему американские реакционеры облекли свою очередную антисоветскую истерию в форму кампании о «принудительном труде».

Капиталистам не дает спать страшная для них правда современности: тот факт, что сотни миллионов людей уже сбросили цепи наемного рабства, познали радость и преимущества свободного труда и пользуются его плодами. «Буржуазия всех стран,— говорил И. В. Сталин на XVIII съезде партии, — твердит, что народ не может обойтись без капиталистов и помещиков, без купцов и кулаков. Рабочий класс нашей страны доказал на деле, что народ может с успехом обойтись без эксплоататоров».

Бессильную ярость буржуазии вызывают великие победы освобожденного труда в Советском Союза, быстрый, уверенный, неуклонный подъем и расцвет нашей социалистической экономики, нашей культуры, благосостояние масс. Ярость душит хозяев капиталистического мира, которые видят, как страны народной демократии утверждают у себя свободную трудовую жизнь без капиталистов и помещиков. Бешенство рабовладельцев доходит до точки кипения, когда они убеждаются, что и миллионы вчерашних цветных рабов разбивают оковы колониального гнета и готовят конец всевластию белых господ.

Клеветать как можно громче на свободных советских людей, на трудящихся стран народной демократии побуждает капиталистических дельцов трусливая надежда, что этим способом можно будет прикрыть язвы капиталистического строя, особенно ярко обнажившиеся после войны. Кризис стучится в двери Уолл-стрита, углубляется экономический хаос в Западной Европе, сотни миллионов простых людей отвергают преступную политику подготовки новой войны и голосуют за мир. Антисоветская клевета — это дежурный «якорь спасения», который подсовывают королям биржи их малоизобретательные идеологические лакеи.

Но пропаганда о «принудительном труде» не скроет от простых людей мира мерзостей капиталистического строя. Эта пропаганда неизбежно обращается против ее авторов.

Простые люди во всем мире, в том числе и трудящиеся Америки, не дают и не дадут отгородить себя завесой лжи от великой правды страны социализма. Они были и будут на стороне Советского Союза, где покончено навсегда с капиталистическим рабством, где труд стал впервые в истории человечества источником довольства и счастья для самих трудящихся.

Л. ВЕТРОВ

Лауреат Сталинской премии Н. В. ТОМСКИЙ. Скульптурный портрет дважды Героя Советского Союза **А. С. Смирнова.**

Проект 26-этажного здания гостиницы в Москве, на Дорогомиловской набережной. Автор проекта—лауреат Сталинской премии **А. Г. Мордвинов.**

Проект 32-этажного административного здания в Москве, в районе Зарядья. Автор проекта — лауреат Сталинской премии **Д. Н. Чечулин.**

Проект 26-этажного здания Московского государственного университета на Ленинских горах. Авторы проекта — лауреаты Сталинской премии **Л. В. Руднев, С. Е. Чернышев, П. В. Абросимов, А. Ф. Хряков.**

ПУШКИНСКАЯ СЕССИЯ В ПСКОВЕ

На территории Псковской области находятся заповедные пушкинские места — Михайловское, Тригорское, Петровское. Здесь же могила великого русского поэта.

Недавно Институт литературы Академии наук СССР провел в Пскове выездную научную сессию, посвященную 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина.

В актовом зале Дома Советов собрались учителя, врачи, студенты, рабочие, представители партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций Пскова и области. Сессию открыл директор Института литературы Академии наук СССР, заслуженный деятель науки, профессор Н. Ф. Бельчиков.

Были заслушаны доклады: профессора В. А. Мануйлова — «Пушкин и советская литература», доктора филологических наук Н. И. Мордовченко — «Пушкин и Белинский», доктора филологических наук В. Г. Базанова — «Пушкин и декабристы», профессора Б. П. Городецкого — «Народно-историческая драма «Борис Годунов» и заведующего литературным музеем Института литературы М. М. Калаушина — «Всесоюзный музей А. С. Пушкина и Пушкинский заповедник».

Доклады на сессии и концерты, состоявшиеся после заседания, транслировались по всей области.

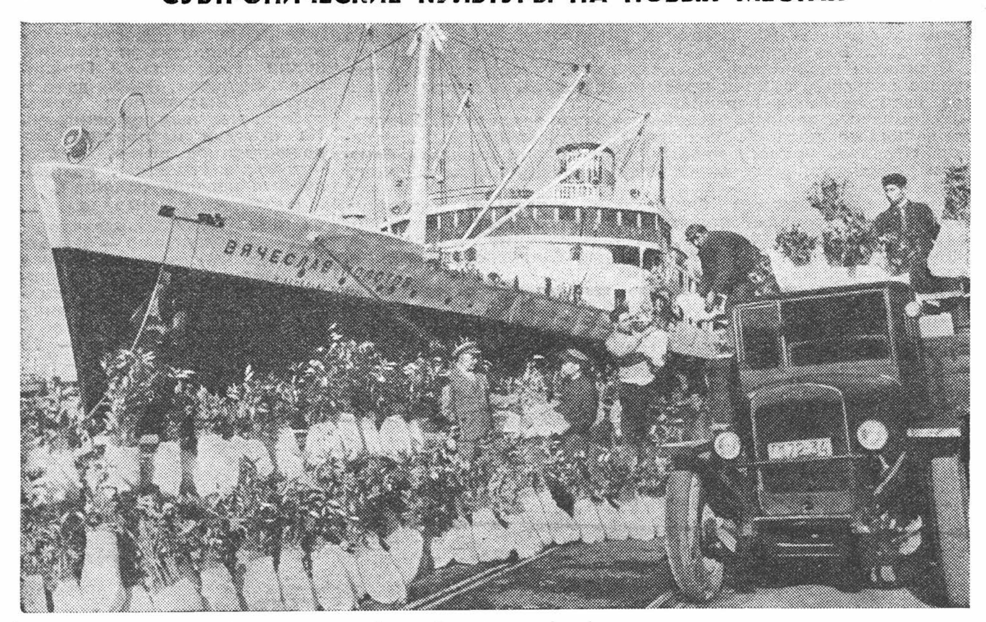
Пушкинисты выступали не только на сессии. Доктор филологических наук Н. И. Мордовченко сделал доклад в Педагогическом институте имени С. М. Кирова. Профессор Б. П. Городецкий рассказал о жизни и творчестве великого поэта работникам искусства Пскова.

Гости побывали в Пушкино-Горском районе и ознакомились с ходом восстановления Пушкинского заповедника Академии наук СССР.

В. МАНИОН

На снимке: группа участников сессии. Фото В. Мартынюка.

СУБТРОПИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ НА НОВЫХ МЕСТАХ

Погрузка саженцев субтропических культур на теплоход «Вячеслав Молотов» в Батумском порту.

Фото М. Квирикашвили и В. Тархова

На кораблях, на самолетах и в вагонах из Грузии на Украину, в Крым, на Северный Кавказ были доставлены тысячи саженцев субтропических культур. Грузинские колхозники с честью выполнили свои обязательства. Цитрусоводы Абхазии сверх правительственного задания дополнительно дали колхозам Крыма 5 тысяч саженцев лимонов и апельсинов и 50 тысяч корней эвкалиптов. Саженцы, доставленные из Сухуми в Ялту, уже высажены в грунт.

Цитрусовые высаживаются и на землях Одессщины. Перед началом посадочных работ в Одессу прибыла шефская делегация колхозников Махарадзевского района, Грузинской ССР. Агрономы Г. Накаидзе и А. Глонти, кандидаты сельскохозяйственных наук С. Мгалоблишвили и А. Каличава побывали во многих колхозах Одессщины. На плантации колхоза имени Хрущева с их помощью саженцы были высажены в траншеи. В колхозе «Червоный партизан», в звеньях Анны Кумпан и Антонины Корниенко, шефы провели практические занятия по уходу за растениями.

Большую помощь молодым цитрусоводам Закарпатской области оказали колхозники Аджарии. Они доставили в Мукачево семена чая, эвкалипта, хурмы, маслины, миндаля, инжира и граната. С помощью грузинских специалистов здесь производится посев чайных кустов, начаты опыты высаживания чая гнездовым способом.

На новые плантации в Ленкоранском и Масаллинском районах Азербайджана перекочевали саженцы морозостойкого и высокоурожайного сорта лимона «новогрузинский», выведенного в Кобулети.

Цитрусовые, субтропические культуры разводят теперь у себя колхозники Краснодарского края, Крыма, юга Украины, Молдавии, Средней Азии, Азербайджана и Дагестана.

ПУШКИНСКИЕ ДНИ В ЛАТВИИ

В школах, вузах, рабочих и колхозных клубах Латвийской республики проводятся пушкинские чтения. В библиотеках, музеях организованы выставки, посвященные 150-летию со дня рождения великого поэта.

В Академии наук Латвийской ССР, в государственном университете, педагогическом и учительском институтах состоятся научные сессии, посвященные творчеству А. С. Пушкина.

В городах и уездах республики огромный спрос на книги А. С. Пушкина. Латгосиздат выпустил ряд произведений поэта на русском языке. Скоро выйдет большой однотомник избранных произведений на латышском языке. В него вошли «Евгений Онегин» и «Медный всадник» в новом переводе Яниса Плаудиса, «Руслан и Людмила» — перевод Юлия Ванага, «Полтава» и «Цыганы» — перевод Павла Вилипа и другие.

Многие произведения А. С. Пушкина выходят отдельными изданиями. Они богато иллюстрированы лучшими художниками Латвии.

Театры республики готовят юбилейные пушкинские постановки. Театр оперы и балета Латвийской ССР покажет оперу «Борис Годунов», Художественный театр — инсценировку повести «Дубровский», Русский и Латышский драматический театры Риги — спектакли-концерты по произведениям А. С. Пушкина. Латышские композиторы Я. Медыньш, Н. Грюнфельд, П. Лиците, М. Зариньш, А. Жилинский пишут музыку на произведения поэта.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ А. С. ПУШКИНА

Издательство Академии наук СССР выпускает к 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина полное, в десяти томах, собрание сочинений великого поэта.

Десятитомник печатается на основе большого академического издания и включает все произведения Пушкина. В текст внесены некоторые изменения, произведенные в результате самых последних разысканий. Впервые приводится полный текст поэмы «Вадим». В отдельных случаях тексты вновь проверялись по автографам Пушкина.

В отличие от большого академического издания в десятитомнике, рассчитанном на массового читателя, приведены лишь такие варианты и наброски, которые имеют самостоятельное художественное значение.

Все тексты сопровождаются краткими пояснениями, в которых опущены библиографические и текстологические подробности.

Книги нового издания небольшого, удобного формата, печатаются на хорошей бумаге и оформлены просто и изящно.

В отличие от многих прежних собраний сочинений А. С. Пушкина, издание которых часто растягивалось на долгие годы, десятитомник будет выпущен в течение нескольких месяцев. Все издание должно быть закончено к юбилейным дням. Четыре тома уже разосланы подписчикам.

ВЕСЕННЯЯ ПУТИНА

На морях нашей страны все шире развертывается весенняя путина. На Каспии и в дельте Волги, на Азовье, у берегов Сахалина рыбаки вышли на лов.

За зиму хозяйственные организации, моторно-рыболовные станции и промысловые колхозы провели серьезную подготовку к путине, чтобы обеспечить выполнение государственного плана — в сравнении с прошлым годом на одну треть увеличить добычу.

К весне верфи выпустили сотни новых сейнеров, мотоботов, рыбниц и других судов. Государство предоставило в распоряжение колхозников много новых, усовершенствованных орудий лова.

Первыми вышли на промысел рыбаки Сахалина. В этом районе косяки сельди подходят к берегам в конце апреля на очень короткий срок и затем вновь уходят в открытое море. Советские рыбаки, переселившиеся на Южный Сахалин из-под Астрахани, с Азовского побережья и из других местностей, уже хорошо освоились со своеобразными местными условиями промысла. Как показывают результаты первых недель путины, уловы высокие. Несмотря на частые и сильные штормы, у берегов Южного Сахалина вылавливается в отдельные дни сотни тысяч пудов рыбы. Уже в начале мая сахалинской сельди было добыто в два раза больше, чем за всю прошлогоднюю весну. Переселенческие рыбацкие колхозы «Большевик», «Астраханец», «Красный кубанец», «Труженик моря» и другие досрочно завершили задания по добыче рыбы на 1949 год.

За три с лишним года, прошедших после воссоединения Южного Сахалина с Советским Союзом, восстановленные и новые рыбообрабатывающие предприятия оснащены современным оборудованием и выпускают высокосортную продукцию.

Значительно более успешно, нежели в прошлом году, проходит весенняя путина и на Каспии, хотя здесь из-за холодной затяжной весны она началась с большим опозданием. Множество моторных судов, тысячи гребных и парусных бударок и реюшек промышляют сельдь, воблу, леща, судака. Развертывается лов красной рыбы — осетра, белуги, севрюги. На приеме улова от рыбаков и доставке его к заводам работают многочисленные транспортные суда. Свежий улов перерабатывается также на плавучих рыбозаводах. Для обслуживания рыбаков в открытом море постоянно находится пароход «И. Сталин», на борту которого имеются библиотека-читальня, лекционный зал, кинотеатр, баня, выходит печатная газета.

Дагестанский рыбный трест, руководимый тов. Серажутдиновым, уже выполнил годовую программу добычи рыбы. Прошлогодний весенний лов превышен более чем в два с половиной раза.

Работающие глубьевыми неводами бригадиры Ельчанинников и Моченихин из колхоза «Заветы Ильича» (Дагестанская АССР), Беленицин из артели «Ленинские всходы» (Астраханская область), в прошлом году втрое перевыполнившие свои промысловые планы, ныне также досрочно завершили свои годовые задания и сейчас продолжают набирать темпы. На них равняются все каспийские рыбаки, участвующие во всенародном соревновании за выполнение пятилетки в четыре года.

На Азовье, в районе городов Жданова и Ейска, идет массовый лов тюльки. Началась путина в низовьях Дуная, у берегов Балтики, на Белом море.

С. МОРОЗОВ

ВЕЛИЧАЙШЕЕ В ИСТОРИИ ВОЙН СРАЖЕНИЕ

Фильм «Сталинградская битва» о легендарном сражении у стен Сталинграда в 1942 году советский зритель смотрит с глубоким волнением и чувством гордости за свою Родину, за свою армию и за свой народ-богатырь, народ-победитель.

В приказе Верховного Главнокомандующего товарища Сталина от 23 февраля 1943 года говорится о Сталинградской битве, как «о величайшем в истории войн сражении».

Разгром немецких войск под Сталинградом определил коренной перелом в дальнейшем ходе войны и положил начало уничтожению гитлеровской армии.

Фильм начинается с показа наступления больших сил немецких войск на Сталинград.

В первых кадрах картины мы видим, как товарищ Сталин, склонившись над картой, разъясняет товарищу Василевскому планы и намерения немецкого командования, которое стремится захватить крупнейший стратегический пункт — Сталинград, чтобы осуществить свой авантюристический план обхода Москвы с востока.

В роли Верховного Главнокомандующего товарища Сталина артист А. Дикий.

Уже в первых словах великого полководца о слабости и растянутости флангов немецкой армии раскрывается мысль о возможности окружить войска Паулюса и Готта и уничтожить их. Полководческий гений Сталина сказывается прежде всего в том, что он учитывает обстановку, соотношение сил и все факторы, действующие в ходе войны. Поэтому он ставит задачу командующему фронтом генерал-полковнику Еременко оборонять Сталинград, изматывать и громить врага, отстоять город.

Развернулось грандиозное сражение. Наступавшие немецкие войска столкнулись с беспримерным героизмом, стойкостью, отвагой и храбростью советских воинов. Настали критические для Сталинграда дни. Немцы, неся большие потери в жестоких боях, приблизились непосредственно к городу. Товарищ Сталин посылает в Сталинград в качестве представителя Государственного Комитета Обороны одного из своих ближайших соратников Г. М. Маленкова и генерала Василевского. Сталинградцы создают батальоны народного ополчения. Оборона города-героя поручается 62-й армии под командованием генерал-лейтенанта Чуйкова. По городу расклеены воззвания к населению, к советским воинам — отстоять город, превратить каждый дом в крепость активной обороны. Начались уличные бои. Вражеская авиация непрерывно совершала налеты. Город в огне... Рушатся здания, гибнут люди... Но не сломить врагу стойкости и мужества советских воинов.

В картине убедительно и ярко показано, как товарищ Сталин, повседневно помогая сталинградцам в трудные дни, подтягивает новые резервы, перегруппировывает войска и детально разрабатывает план Сталинградской операции. Так, в ходе напряженных боев создается мудрый сталинский план разгрома врага, намечен момент начала операции. И когда фильм переносит нас на заседание Политбюро ЦК ВКП(б), где товарищ Василевский докладывает этот сталинский план перед советским зрителем встает грандиозный масштаб замыслов гения военной мысли.

В первой серии фильма показан первый период Сталинградской битвы. Осуществление плана разгрома немецких войск под Сталинградом будет развернуто во второй серии этой значительной и волнующей картины. Но когда перед финалом, на заседании Политбюро, утверждается сталинский план, зритель чувствует и понимает: трудная задача будет успешно решена советскими войсками потому, что подготовлена и разработана эта операция великим Сталиным.

В создании художественной летописи Великой Отечественной войны советское киноискусство, выпустив первую серию картины «Сталинградская битва», добилось нового успеха.

Высокий идейно-художественный уровень фильма прежде всего определился отличным литературным сценарием Н. Вирты. Режиссер-постановщик картины В. Петров сумел найти яркое художественное воплощение, образное решение фильма. Подлинное операторское мастерство показал Ю. Екельчик, великолепно снявший сложные батальные сцены, особенно боевые эпизоды в Сталинграде и переправу дивизии генерал-майора Родимцева.

Хорошо подобранный актерский ансамбль обеспечил успех картины. Артисты Ю. Шумский (Василевский), Н. Симонов (Чуйков), С. Бржесский (Родимцев), Н. Черкасов (Рузвельт), В. Станицын (Черчилль), М. Астангов (Гитлер), кроме портретного сходства, сумели правдиво передать и черты характера изображаемых персонажей.

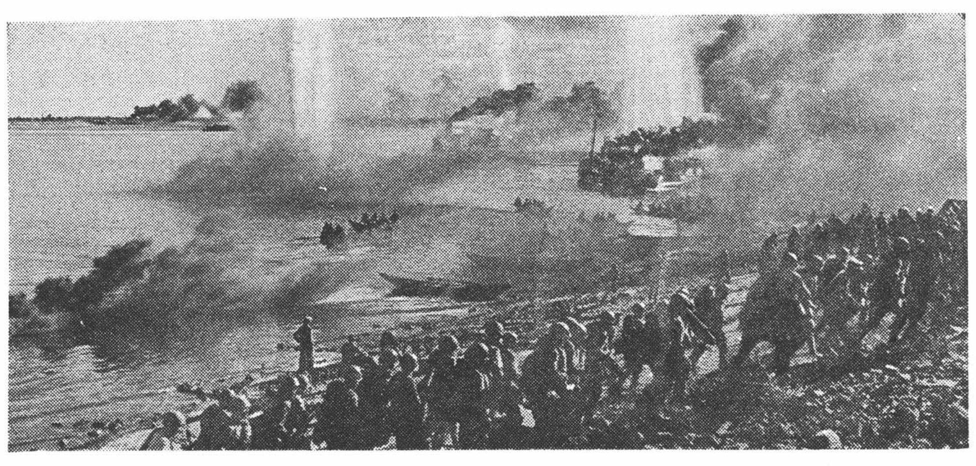
Особое место занимает в фильме игра артиста А. Дикого, исполняющего роль Верховного Главнокомандующего товарища Сталина. Артисту удалось убедительно передать близкие и родные каждому советскому человеку черты великого вождя народов.

В фильме показаны ближайшие соратники товарища Сталина, руководители партии и правительства — товарищи Молотов, Маленков, Жданов, Берия, Калинин, Ворошилов, Андреев, Микоян, Каганович, Хрущев, Щербаков, Шверник, Булганин.

Фильм «Сталинградская битва» вызывает чувство любви и благодарности советских людей к родному товарищу Сталину, гениальному полководцу, обеспечившему нашу победу в годы Великой Отечественной войны.

Н. СЕМЕНОВ

«Сталинградская битва» (первая серия). Производство киностудии «Мосфильм». Сценарий Н. Вирты. Постановка В. Петрова, главный оператор — Ю. Екельчик. Главный художник — Л. Мамаладзе. Композитор — А. Хачатурян.

Кадр из фильма «Сталинградская битва». Высадка войск дивизии генерала Родимцева.
Фото Д. Суворова

КОРОТКО

СТОЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПАНАСА МИРНОГО — выдающегося украинского писателя-демократа — отмечают трудящиеся Советской Украины. Подготовлен к изданию сборник, в котором будут опубликованы новые материалы из литературного наследия писателя. Широко готовятся к юбилею трудящиеся Полтавы, где писатель провел большую часть своей творческой жизни. Новыми экспонатами пополняется мемориальный музей Панаса Мирного.

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ПРОФСОЮЗНЫЙ ЛЕКТОРИЙ организован в Минске. В программе занятий цикл лекций по истории профдвижения в СССР, по истории мирового профдвижения, по вопросам организационно-массовой работы, заработной платы и т. д.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ САЛОН открыт в Челябинске. Среди картин копии известных полотен Шишкина и Репина, копии произведений Герасимова, Ефанова, Налбандяна и других. Выставлены также работы местных художников. На стендах каслинское художественное литье, златоустовские гравюры, великолепные изделия палешан.

ПАМЯТНИК НИЗАМИ — великому азербайджанскому поэту и мыслителю — открыт в Баку. Скульптура Низами выполнена лауреатом Сталинской премии Ф. Абдурахмановым. Пьедестал памятника выложен из красного гранита. Общая высота его — 15 метров.

НАКАНУНЕ ШКОЛЬНЫХ ЭКЗАМЕНОВ

Советские школьники готовятся к весенним экзаменам. В жизни школы наступает самая ответственная пора.

Как идет подготовка к экзаменам?

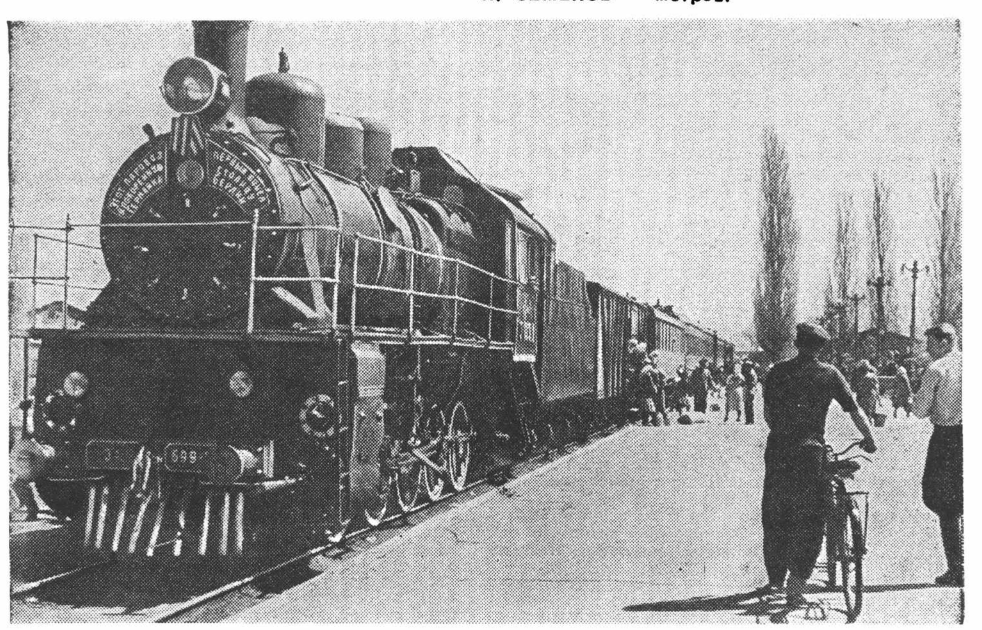
В Министерстве просвещения РСФСР корреспонденту «Огонька» сообщили:

— Во всех 118 тысячах начальных, семилетних и средних школах Российской Федерации экзамены начинаются 20 мая. Около 100 тысяч юношей и девушек оканчивают в этом году десятый класс. Выпускники сейчас упорно готовятся к экзаменам, которые продлятся по 25 июня, а в нерусских школах — по 30 июня. Для десятиклассников письменные экзамены будут проводиться по русскому языку и литературе (а в нерусских — также и по родному языку), алгебре (включая арифметику), геометрии и тригонометрии. Устные экзамены на аттестат зрелости проводятся по билетам, составленным Министерством просвещения РСФСР. Министерство подготовило все необходимые материалы, инструкции, тексты для контрольных заданий. Все это доставлено в школы городов, краев, областей. Для школ районов Крайнего Севера, а также труднодоступных горных районов материалы отправлены авиапочтой.

Итоги минувших четвертей учебного года дают основание полагать, что наши школьники придут к весенним экзаменам с твердыми знаниями, еще более высокой, чем в прошлом году, подготовкой.

Подготовка к экзаменам идет и в так называемых педагогических классах при женских средних школах, которые дают пополнение кадров учителей для младших классов. Сейчас будущие педагоги проходят производственную практику. Закончив одиннадцатый класс, они уже осенью начнут свою учительскую деятельность.

На пригородной линии столицы Казахстана Алма-Аты курсирует паровоз «ЭУ 699-11». На постаменте прожектора этого паровоза медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.» и надпись: «Этот паровоз первым вошел в покоренную столицу Германии Берлин».
Фото С. Чистоклетова

ПРОЕКТ ЗДАНИЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Группе московских зодчих—действительным членам Академии архитектуры СССР Л. В. Рудневу, С. Е. Чернышеву и архитекторам П. В. Абросимову и А. Ф. Хрякову — присуждена Сталинская премия первой степени за проект 26-этажного здания Московского государственного университета на Ленинских горах.

Корреспондент «Огонька» беседовал с руководителем авторского коллектива Львом Владимировичем Рудневым.

— Перед нами,—сказал Л. В. Руднев,— стояла почетная и в то же время очень ответственная задача. Мы должны были создать проект такого многоэтажного сооружения, которое обеспечило бы максимально благоприятные условия для учебы и жизни студентов, отличалось оригинальными формами и пропорциями и своей композицией сочеталось с исторически сложившейся архитектурой города.

Здание Московского государственного университета воздвигается на самом высоком месте Ленинских гор. Хорошо видимый из многих точек столицы, архитектурный ансамбль университетских зданий будет органически вырастать из окружающих его городских строений и зеленых массивов Ленинских гор и сольется в одно целое с архитектурным пейзажем Москвы.

Для университета отведен огромный участок площадью в 160 гектаров. Здесь будет размещено около двадцати зданий — центральное здание, корпуса общежитий для студентов и аспирантов, здания химического, физического и биологического факультетов, корпуса с квартирами для профессорского состава, вспомогательные лаборатории и т. д.

На первом плане всей этой грандиозной архитектурной композиции находится 26-этажное центральное здание. Словно величественный символ советской социалистической науки, здание это поднимется на высоту около 200 метров. В нем расположатся ряд факультетов, ректорат, актовый зал, аудитории, клуб, музей, библиотеки, гимнастический зал и бассейн.

К центральному зданию с обеих сторон примкнут многоэтажные общежития на 6 тысяч комнат для студентов и аспирантов. Для каждого запроектирована отдельная комната.

В отдельных шестиэтажных корпусах разместятся химический и физический факультеты. Здание биологического факультета будет окружено густой зеленью лесопарка и ботанического сада, которые займут территорию в 30 гектаров. В ботаническом саду расположатся оранжереи, опытные поля, питомники, аквариумы, пруды.

Особое внимание в проекте мы уделили планировке местности перед фасадом центрального здания, обращенным к Москве-реке. Здесь запроектирована обширная парковая территория с главным подъездом к университету в виде широкого парадного проспекта, который берет свое начало в центральной точке Ленинских гор и развивается далее в систему открытых площадей, бульваров, скверов.

Мы горды и счастливы,— сказал в заключение Л. В. Руднев,— что нам выпала высокая честь увековечить в монументальных архитектурных формах величие и гуманизм нашей замечательной сталинской эпохи. (См. в этом номере фотографию проекта здания университета.)

В. ВАСИЛЬЕВ

СИБИРСКИЕ ШАХТЕРЫ В ДОНБАССЕ

Соревнование донецких и сибирских шахтеров началось по почину горняков Сталинской области, которые обязались добыть в 1949 году сверх плана 300 тысяч тонн угля. Сибиряки в свою очередь дали слово добыть сверх годового задания 360 тысяч тонн. Обе стороны приняли на себя и другие весьма серьезные обязательства.

Для подписания договора на соревнование сибирские шахтеры послали в Донбасс делегацию. В состав ее вошли лучшие труженики Кузнецкого бассейна: мастер высокоцикличной работы Яков Чекмарев с шахты имени Кирова в Ленинске-Кузнецком, бригадир навалоотбойщиков шахты имени Ярославского Федор Раб, горный мастер шахты Полысаевская Зариф Закиров, знатный забойщик из Киселевска Василий Семыкин, забойщик из Сталинска Василий Лиханов. Все пятеро — замечательные мастера своего дела — удостоены высокого звания Героя Социалистического Труда.

В числе делегатов также председатель Кемеровского областного комитета профсоюза угольщиков И. Г. Михайленко, начальник шахты «Маганак» А. С. Александров и другие.

Донецкие шахтеры встретили собратьев по труду, как и подобает советским людям, радушно и гостеприимно.

Сибиряки желали увидеть как можно больше: они спускались в шахты, осматривали в горняцких поселках магазины, столовые, общежития, клубы, заходили в дома шахтеров, расспрашивали хозяев об условиях их труда и размерах заработной платы. В цехах Горловского машиностроительного завода делегаты наблюдали за сборкой горного комбайна «Донбасс».

— Хорошая машина! — похвалил один из делегатов.— У нас на шахтах есть комбайны Макарова, но они предназначены для работы на более мощных пластах. Нам бы вот такую машину!

— А мы,—сказали машиностроители,— как раз отправляем вам три комбайна.

После этого сибирские гости снова спускались в шахту и знакомились с угольным стругом и горным комбайном в действии. Они внимательно ко всему присматривались, запоминали новое и хорошее, что им следует позаимствовать, замечали и недостатки. Позже, при подписании договора на соревнование между шахтерами Донбасса и Кузбасса, делегаты поделились своими впечатлениями.

— Мы своими глазами видели,— говорили они,— что в Донбассе трудятся по-настоящему. Восстановлены города, шахты, заводы. Все это радует и воодушевляет нас.

Откровенно и доброжелательно, как истинные друзья, посланцы Кузбасса сказали и о недостатках, какие привелось заметить им на шахтах Сталинской области, и советовали перенять у сибирских шахтеров опыт бережливого использования рабочей силы, оборудования и материалов, разработать стахановские планы экономии.

Расставаясь, донецкие шахтеры и их гости взаимно пожелали друг другу больших успехов в социалистическом соревновании.

Сталино.

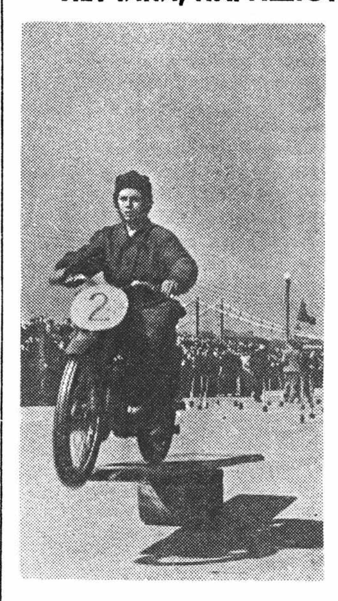
Ал. ИОНОВ

В Горловке (Донбасс) состоялось подписание договора на социалистическое соревнование между шахтерами комбината «Артемуголь» и «Кемеровуголь». На снимке (слева направо): делегаты горняков Кузбасса начальник участка шахты имени Кирова треста «Ленинуголь» Герой Социалистического Труда Я. Г. Чекмарев и навалоотбойщик шахты имени Ярославского Герой Социалистического Труда Ф. П. Раб после подписания договора беседуют с начальником горловской шахты «Кочегарка» Героем Социалистического Труда, депутатом Верховного Совета СССР М. И. Логвиненко и забойщиком шахты имени Калинина (комбината «Артемуголь») Героем Социалистического Труда А. Е. Тюренковым.

Фото Л. Азриэля

ЛЕТЧИКИ, ПАРАШЮТИСТЫ, МОДЕЛИСТЫ

Мотоциклист берет препятствие. Прыжок с трамплина.

Фото А. Гостева

Высоко в майском солнечном небе серебряной птицей парит самолет. Вдруг вокруг него, как от разрывов зенитных снарядов, возникают белые облачка. Это раскрываются купола парашютов. Они растут, медленно приближаясь к земле.

Студенты Московского авиационно-строительного техникума, члены московской организации Добровольного общества содействия авиации, проходят практические занятия.

За сравнительно короткий срок своего существования организация московского ДОСАВ проделала большую работу по распространению авиационно-технических знаний среди трудящихся столицы. На многих предприятиях существуют активно работающие ячейки ДОСАВ.

Занятиями в ячейках руководят мастера парашютного спорта, рекордсмены-авиамоделисты, бывшие офицеры советского воздушного флота. Они делятся с членами Общества своими знаниями и опытом.

Кроме изучения самолета члены Общества слушают доклады и лекции о роли авиации в Великой Отечественной войне, по истории создания русского и советского воздушного флота.

Идя навстречу желанию трудящихся столицы, живо интересующихся авиацией, Общество организует выставки, демонстрирующие силу и мощь воздушных сил нашей Родины. В парках и кинотеатрах устраиваются встречи с летчиками — героями Отечественной войны и старейшими авиаторами — Россинским, Аноще́нко и другими. В дни десятой годовщины со дня смерти Валерия Чкалова на заводах, в учреждениях, учебных заведениях столицы было проведено больше 800 лекций и докладов, посвященных великому летчику сталинской эпохи.

Особенно большое желание овладеть авиационными специальностями проявляет молодежь.

Тысячи юношей и девушек — слесарей и артистов, работников научно-исследовательских учреждений, школьников, студентов — со всем пылом молодости овладевают различными авиационными специальностями. Работницы фабрики имени Бабаева изучают метеослужбу. Молодежь Московского трубного завода увлекается парашютным спортом.

В большинстве школ столицы работают авиамодельные кружки. При Московской городской авиамодельной лаборатории занимаются девяносто школьников. Летом они будут инструкторами авиамоделизма в пионерских лагерях.

Сейчас в московских организациях ДОСАВ закончились теоретические занятия. Члены Общества, успешно сдав зачеты по теории, переходят к практике на летних площадках.

Ф. РОДИОНОВ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ДОМ ЖУРНАЛИСТА

На днях в Москве после восьмилетнего перерыва открылся Центральный дом журналиста.

На открытие собрались руководители центральных и московских газет, издательств и корреспондентский актив.

Председатель организационного бюро тов. Заславский сделал короткое сообщение о предстоящей работе Центрального дома журналиста. Представители «Правды», «Известий» и журнала «Огонек» приветствовали московских работников печати и пожелали им плодотворной творческой деятельности.

В Центральном доме журналиста в течение мая будут проведены вечера, посвященные работе репортера ТАСС, разъездных корреспондентов, очеркистов. В ближайшие дни состоятся творческая встреча московских фотокорреспондентов, вечер, посвященный короткому рассказу и очерку в газете и журнале, а также вечер воспоминаний «В. В. Маяковский — газетчик».

Наряду с этим будут проведены лекции, доклады, концерты. При Центральном доме журналиста начинают работать секции публицистов и очеркистов, фельетонистов и сатириков, репортеров, фото- и кинокорреспондентов, литературных редакторов, журналистов многотиражек, корректоров, художников-карикатуристов, редакторов научно-технической литературы.

ЛЕГКОАТЛЕТИЧЕСКАЯ ЭСТАФЕТА

Соревнование на Садовом кольце

Фото Э. Гутгарца

8 мая состоялась традиционная легкоатлетическая эстафета на приз газеты «Вечерняя Москва» по Садовому кольцу. После упорной борьбы первой финишировала команда спортивного общества «Динамо». Это ее девятая победа.

На одном из этапов был разыгран приз памяти братьев Знаменских. Его выиграл заслуженный мастер спорта Александр Пугачевский. 1100 метров он пробежал за 2 минуты 53,6 секунды.

На снимке: команда-победительница проходит круг почета на стадионе «Динамо».

Арест и ссылка М. Е. Салтыкова-Щедрина

По архивным материалам

Салтыков вступил в литературу в конце 1840-х годов. «Воспитанный», по собственному его определению, на «полном страсти слове Белинского» и на идеях утопического социализма, он сразу же примкнул к самому передовому демократическому отряду русской литературы, к так называемой «натуральной школе». Направление это, характерное стремлением к правдивому изображению жизни общества, в первую очередь его социальных низов, идейно вдохновлялось Белинским и рассматривалось им как одна из реальных сил в освободительной борьбе русского народа.

В первом же своем крупном произведении, повести 1848 года «Запутанное дело» (ей предшествовала повесть 1847 года «Противоречия»), Салтыков с небывалой дотоле в русской литературе силой и резкостью заговорил о социальных несправедливостях жизни и вместе с тем указал на невозможность мирного устранения их. С особой яркостью настроение политического протеста сказалось в двух сценах повести. Герой ее, придавленный нищетою юноша-бедняк, мечтает (во сне) о том, что скоро уже не будет «жадных волков» — эксплоататоров, — так как их всех «убьют», и в его рассуждениях о восставшей толпе, которую он видит в театре, но которую хотел бы видеть в действительности, чтобы влиться в нее и заодно с ней понюхать «обаятельного дыма» — дыма восстания.

Салтыков напечатал «Запутанное дело» в мартовской книжке журнала «Отечественные записки» за 1848 год (за подписью М. С.). В феврале в Париже грянула революция. В России она вызвала взрыв восторга и надежд среди демократической интеллигенции, но и немедленно привела к правительственной реакции, еще более свирепой, чем прежде. В апреле Салтыков был уже арестован и выслан в Вятку. Его отправили туда за обнаруженное в его повести «вредное направление и стремление к распространению революционных идей, потрясших уже всю Западную Европу». Это были слова, сказанные о повести Салтыкова самим Николаем I.

Арест и ссылка Салтыкова не раз освещались в литературе. Однако ни одно из существующих изложений этих событий не свободно от искажений истины. Обращение к архивным документам III отделения позволяет выяснить фактическую сторону вопроса с достаточной полнотой.

* * *

С самого начала 1848 года в III отделение собственной его императорского величества канцелярии — орган высшей полиции империи и центральное учреждение по политическому розыску — стали поступать все более тревожные сведения о готоящихся во Франции и остальной Европе революционных событиях. О сгущавшихся тучах усиленно сигнализировали среди других агентов и секретных сотрудников III отделения и его соглядатаи в литературе — Ф. Булгарин и Б. Федоров. Они посылали начальству донос за доносом на передовую литературу и ее журналы «Современник» и «Отечественные записки». Особенно резкие политические обвинения предъявлялись последнему изданию. «Отечественные записки, — заявлял в одном из своих доносов Дубельту Булгарин, — превратились в открытую трибуну для пропаганды французского разрушительного влияния, угрожающего алтарям, тронам и общественным установлениям». Руководители III отделения должны были обратить на эти органы печати особое внимание и принять экстренные меры.

И действительно, 23 февраля, т. е. на следующий день после получения в Петербурге первых достоверных известий о начавшихся в Париже событиях, шеф жандармов и начальник III отделения граф А. Ф. Орлов представил Николаю I «всеподданнейший» доклад «О журналах «Современник» и «Отечественные записки», в котором предлагал резко усилить цензурно-политический надзор за обоими изданиями. На следующий день царю была представлена (через наследника) записка о печати барона М. А. Корфа, а затем и еще одна записка на ту же тему — графа А. Г. Строганова. Оба они привлекали внимание высшей власти в первую очередь опять-таки к «Современнику» и особенно к «Отечественным запискам» как к «наиболее вредным журналам», проводящим «коммунистические идеи».

Николай I, обеспокоенный вестями из Франции, получив почти одновременно ряд сигналов о неблагополучии в надзоре над периодической печатью, встревожился и немедленно принял свои меры. Возвращая Орлову 26 февраля его доклад, царь написал на нем: «Необходимо составить особый комитет, чтобы рассмотреть правильно ли действует цензура, и издаваемые журналы соблюдают ли данные каждому программы. Комитету донести мне с доказательствами, где найдет какие упущения цензуры и ее начальства (т. е. министерства народного просвещения) и которые журналы и в чем вышли из своей программы». Далее перечислялся состав комитета из шести лиц под председательством генерал-адъютанта князя А. Д. Меншикова. Комитету предписывалось занятия «начать немедля».

В делах 1-го секретного архива департамента полиции сохранился весьма любопытный документ, относящийся уже к 1883 году. Документ не имеет заглавия, но по содержанию должен быть назван «Всеподданнейшей запиской директора департамента полиции (им был в это время В. К. Плеве) о направлении периодической прессы в связи с общественным движением в России 1840—1870 годов». Составленная на основании архивных материалов III отделения, эта обширная «записка» была представлена 24 августа 1883 года царю Александру III (на подлиннике его рукой написано: «Читал»). Один из разделов «записки» назван: «Предвестники нигилизма». Жандармский историограф следующим образом излагает здесь причины и обстоятельства создания меншиковского комитета:

> «Первыми пионерами назревавшего в некоторых литературных кружках отрицательного отношения к историческому призванию нашего нынешнего государственного строя и к основам существующего общественного быта, первыми провозвестниками идей, впоследствии получивших наименование нигилистических, были журналы: «Отечественные записки» и «Современник». Оба эти журнала обратили на себя внимание еще в 1848 году статьями нескольких молодых авторов, причислявших себя к так называемой **натуральной школе**. Новое направление вызвало высочайшее повеление об учреждении Комитета, которому было поручено рассмотреть правильно ли действует цензура и издаваемые журналы соблюдают ли данные каждому программы. Государь император Николай Павлович, прочитав выписки из этих журналов, изволил признать, что они допускают в статьях своих мнения в высшей степени преступные, могущие поселить в нашем отечестве правила коммунистические, неуважение к вековым и священным учреждениям, к заслугам людей всеми почитаемых, к семейным обязанностям и даже религии, повредить народной нравственности и вообще приготовить у нас те пагубные события, которыми в то время были потрясены западные государства, и повелел объявить за подпиской редакторам этих журналов — Андрею Краевскому и Ивану Панаеву, чтобы они под опасением строгой ответственности не дозволяли себе помещать в издаваемых ими журналах статей столь вредного направления».

«Записка» не называет имен тех «молодых авторов, причислявших себя к так называемой *натуральной школе*», которые привлекли к себе в 1848 году столь пристальное внимание властей предержащих. Мы знаем теперь, что среди этих авторов и их произведений «записка» имела в виду и Салтыкова с его «Запутанным делом». «Записка» умалчивает о главной репрессии, которой ознаменовалась кратковременная деятельность меншиковского комитета. Обращение к документам III отделения позволяет устранить и эту недосказанность документа, опять-таки связанную с Салтыковым.

Возникший из «высочайшей резолюции», лишь перед царем ответственный, комитет формально не был связан ни с одним из правительственных учреждений. Он именовался в официальных бумагах «особым», и его существование было обставлено строжайшей тайной. Но в империи Николая I нити всех политических тайн сходились в III отделение, имевшее право вмешиваться во все. Оно не только не устранилось от занятий комитета, как это утверждал М. Лемке, а за ним и другие исследователи, но фактически через вошедшего в его состав Л. Дубельта направляло и корректировало всю его деятельность, осуществляя свою функцию высшего политического надзора. Архивные документы с полной отчетливостью устанавливают эту связь.

К разрешению основной задачи, высочайше поставленной перед особым комитетом, — проверке периодической печати или (по позднейшему определению Салтыкова) ревизии русской литературы «по случаю Февральской революции» — было приступлено 11 марта. В этот день на специальном заседании комитет распределил между своими членами просмотр отдельных изданий. «Отечественные записки» достались П. И. Дегаю — ученому-юристу, сенатору и статс-секретарю.

Очевидно, уже 19 марта Дегай представил свой отзыв или какую-то часть его. Этой датой помечено письмо правителя дел комитета К. И. Фишера в III отделение, в котором он просил сообщить имена авторов ряда анонимных статей, напечатанных в «Отечественных записках», а также в «Современнике». «Сведения эти, — писал Фишер, — понадобились для доклада государю императору о результатах занятия комитета». Значит, к 19 марта основная работа была уже закончена и было приступлено к сведению полученных отзывов и редактированию «всеподданнейшего» доклада.

Требуемые сведения были получены III отделением в тот же день и рукою Дубельта вписаны на полях письма Фишера. Но среди раскрытых авторов анонимных и псевдонимных статей мы не находим имени Салтыкова: Дегай не запрашивал о повести «Запутанное дело» и об ее авторе. Сохранившийся подлинник его «записки», представленной в комитет, не оставляет на этот счет ни малейших сомнений. Подробно перечисляя цензурные упущения «Отечественных записок», приводя многочисленные указания на «совершенно недопустимые» статьи и заметки, Дегай ни словом не обмолвился о двух наиболее ярких и одиозных в цензурном отношении произведениях последней просмотренной им книжки журнала: «Запутанном деле» Салтыкова и большой работе его друга,

замечательного русского экономиста В. Милютина «Пролетарии и пауперизм в Англии и Франции».

В отношении пропуска работы В. Милютина уже высказывалось предположение, что это объясняется личным влиянием на членов комитета Н. А. Милютина, который служил тогда в министерстве внутренних дел.

Это объяснение, распространенное и на повесть Салтыкова, кажется наиболее вероятным и нам. При этом ничего рискованного оно в себе не содержит.

Хотя Н. А. Милютин в это время занимал всего лишь должность начальника отделения в департаменте полиции исполнительной, но он был любимым племянником влиятельного министра государственных имуществ графа П. Д. Киселева и другом статс-секретаря А. П. Корнеева, близкого приятеля Дегая. С другой стороны, Н. А. Милютин живо интересовался литературой и был лично знаком с Белинским, Герценом, Панаевым, Краевским. Он посещал, в частности, организованные этим последним «субботние собрания» литераторов и сочувственно относился к «Отечественным запискам». Использовать свои связи для предотвращения нависшей над журналом беды Н. А. Милютина могли побудить не только непосредственная опасность, угрожавшая его брату и товарищу последнего, т. е. Салтыкову, которого, он, конечно, знал, но и просьбы сильно перепуганного Краевского, близко знакомого с ним. А выручать своих друзей и знакомых из беды или попросту оказывать им те или иные услуги являлось прямо-таки страстью молодого Н. А. Милютина. Это подчеркивают в своих воспоминаниях многие лица, хорошо знавшие его в ту пору.

Так или иначе, но сгущавшаяся над Салтыковым гроза прошла, казалось, стороной. Комитет уже готовил заключительный доклад царю, а «Запутанное дело» даже не было ни разу названо ни в одном из протоколов и документов. Но вдруг все изменилось—и грянула катастрофа.

29 марта комитет собрался на свое последнее заседание. Председательствовал князь А. Д. Меншиков. Предлагая на рассмотрение членов комитета проект заключительного «журнала», который должен был быть представлен царю, Меншиков зачитал его текст. Сводка материалов, могущих служить доказательствами «упущений цензуры» (а таких доказательств и требовал Николай I от комитета), расположенная в протоколе в порядке нарастания одиозной яркости примеров, завершилась... «Запутанным делом». Повесть Салтыкова была тем самым признана наиболее «предосудительным» и «резким» из всех рассмотренных комитетом произведений, оказалась поставленной в этом отношении впереди статей Белинского, и появление ее на страницах «Отечественных записок» было признано одновременно и самым крупным промахом цензуры и наиболее ярким доказательством «вредного направления» журнала.

Что же произошло? Кто неожиданно привлек к повести Салтыкова внимание комитета? Кто раскрыл тактику официального докладчика по «Отечественным запискам» Дегая и сорвал его ход, направленный дружеской рукой Милютина? На это можно ответить теперь с полной определенностью: III отделение. Доказательством тому служит обнаруженная нами в делах этого учреждения специальная записка о «Запутанном деле», подписанная некиим М. Гедеоновым.

Изложив и процитировав со своими замечаниями содержание и наиболее острые места салтыковской повести, Гедеонов закончил записку такими словами:

«Невозможно выписать из повести все предосудительные выдержки, потому что вся повесть написана в самом разрушительном духе.

По моему мнению, общий смысл ее следующий:

Богатство и почести — в руках людей недостойных, которых следует убить всех до одного.

Каким образом уравнять богатство? Не карательною ли машиной кандидата Беобахтера, то есть гильотиною?

Этот вопрос, которым дышит вся повесть, не разрешен сочинителем, а потому именно объясняется заглавие повести «Запутанное дело».

Кто такой М. Гедеонов? Это мелкий рептильный литератор, сотрудник булгаринских изданий и одновременно «старший чиновник» цензурной экспедиции III отделения, специально наблюдавший за журналами, в первую очередь за «Современником» и «Отечественными записками». Ф. Булгарин в неизданном письме к Р. М. Зотову от 29 января 1843 года называет Гедеонова «другом» Дубельта.

Записке Гедеонова был, разумеется, сразу же дан ход. Пересланная в меншиковский комитет, она, следует полагать, доставила не очень приятные переживания Дегаю. Ему, вероятно, пришлось что-то придумывать для объяснения столь странного пропуска в своем докладе сочинения, написанного «в самом разрушительном духе». Но для комитета нечего было и желать более выразительного доказательства «упущений цензуры», и записка Гедеонова почти полностью и текстуально перешла в заключительный «журнал» комитета от 29 марта 1848 года, но все же в смягченном виде, без того заключительного вывода, который приведен выше.

Николай I прочел и утвердил заключительный «журнал» меншиковского комитета 2 апреля. А около 20-го числа того же месяца, при очередном докладе военного министра князя А. И. Чернышева, царь заметил ему, что у него служит чиновник (Салтыков служил в то время в канцелярии военного министерства), напечатавший сочинение, «в котором оказалось вредное направление и стремление к распространению идей, потрясших всю Западную Европу». «Это слова государя князю Чернышеву, который ничего подобного не подозревал у себя в канцелярии»,— записал на другой же день, 21 апреля, в своем дневнике Нестор Кукольник — сослуживец Салтыкова.

Но откуда, однако, Николай I узнал, что автор «Запутанного дела» служил в министерстве Чернышева? В «журнале» об этом не упоминалось, и даже самое имя «сочинителя» не было там названо. Как указано выше, повесть появилась в печати за подписью М. С. Эти сведения Николай I почерпнул — тут нет сомнений — от шефа жандармов и начальника III отделения графа А. Ф. Орлова.

О последующих событиях мы узнаем из того же дневника Н. Кукольника.

Получив от царя замечание, Чернышев был взбешен и собирался «упечь» Салтыкова в солдаты, на Кавказ. Пока же он распорядился арестовать Салтыкова. Это и было выполнено в ночь с 21 на 22 апреля. Для разбора его дела он назначил специальную следственную комиссию, в которую вошли, в частности, комендант Петропавловской крепости и будущий председатель следственной комиссии по делу петрашевцев генерал-адъютант И. А. Набоков, директор канцелярии военного министерства генерал-адъютант Н. Н. Анненков и назначенный делопроизводителем комиссии Н. Кукольник. Последнему было поручено ознакомиться с содержанием уже обеих повестей Салтыкова и доложить о них комиссии. 23 апреля Кукольник записал в дневнике: «Прочел «Запутанное дело» и «Противоречия» просмотрел; в этой ровно ничего нет. А в «Запутанном деле» заметно некоторое увлечение коммунистическими и западными революционными идеями. Но тоже нивесть как страшно. С летами взгляд может отрезвиться. Но виден несомненный талант».

Кукольник не только склонялся к снисхождению сам, но и весьма активно старался расположить к этому всех остальных членов следственной комиссии. Была подыскана и соответствующая «формула обвинения», носившая чисто формальный характер и предусматривавшая незначительность наказания. По существовавшему еще с 1824 года распоряжению, чиновники не имели права выступать в печати «без дозволения начальства». Энергичному и ловкому Кукольнику удалось уговорить членов комиссии повернуть дело Салтыкова в эту сторону. В результате Чернышеву был представлен 25 апреля доклад, в котором проектировалось ограничить наказание Салтыкову лишь увольнением из канцелярии и семидневным арестом на гауптвахте собственно «за напечатание сочинения без ведома начальства». Но у Чернышева—«человека с замурованным сердцем»,— по выражению Герцена, эти предложения вызвали новый припадок бешенства. «Князь Чернышев неумолим, — записал 25 апреля после доклада Кукольник.— Разгневан на следственную комиссию, с заключением ее не согласен, не допускает снисхождения. В солдаты, однако, не разжалуют, но доложат сегодня государю об увольнении из канцелярии и о высылке на службу в Вятку».

Представленный Николаю I доклад, повидимому, не был утвержден сразу. Царь затребовал справку об отце Салтыкова. Чернышев привез ее 27 апреля. Ознакомившись с нею, Николай I решил судьбу Салтыкова, отправив его «на служение в Вятку», т. е. в ссылку. Срок ее не был обозначен.

О «высочайшем повелении» Салтыков был извещен немедленно, в тот же день — 27 апреля. Он тут же обратился к своему бывшему начальству по канцелярии генерал-адъютанту Н. Н. Анненкову с просьбой разрешить ему на сутки до отправления отлучиться с гауптвахты «на честное слово» для свидания с родными и для сборов в далекий путь. Он хотел также получить советы пользовавшего его врача, так как был болен и проходил курс лечения.

Но судьбой Салтыкова всецело распоряжалось уже III отделение. С выполнением «высочайших повелений» оно не задерживалось. И когда просьба арестованного дошла до кабинета шефа жандармов, Салтыков находился уже на пути в Вятку. Он выехал туда 28 апреля, в 9 часов вечера, прямо из помещения гауптвахты. Сопровождал его жандармский штабс-капитан. Он вез врученные ему в III отделении два пакета с секретными бумагами. В одной из них Орлов поручал ссыльного «особому надзору» вятского гражданского губернатора А. И. Середы, с тем чтобы последний «о направлении образа мыслей Салтыкова и поведении его постоянно доносил его величеству». Другая бумага была адресована в Казань, начальнику 7-го округа корпуса жандармов (в этот округ входила Вятка). Шеф жандармов предлагал ему «немедля сделать распоряжение, дабы за упомянутым чиновником (Салтыковым) имелось секретное наблюдение и со стороны местного штаб-офицера корпуса жандармов».

Жандармская тройка мчала Салтыкова в далекую Вятку через Шлиссельбург, Вологду, Кострому, Макарьев на Унже, по бесконечному лесному тракту северных губерний.

«Помню,— писал потом Щедрин,— что когда мы въехали в эту непросветную лесную полосу, я как будто от сна очнулся и в голове моей ясно мелькнула мысль: да! это так!.. Я понял, что все это не сон. Что я сижу в тарантасе, что передо мной дорога, по которой куда-то меня везут, что под дугой заливается колокольчик, что правая пристяжная скачет и вскидывает комьями грязи... Не таинственным миром чудес глядели на меня леса макарьевские и ветлужские, а какою-то неприветливою пошло-отрезвляющею правдою будничной жизни... Мне казалось, что здесь, на этом рубеже, я навсегда покинул здание мысли, любви и счастья, к которым так безрасчетливо привязалось мое молодое воображение...»

В пути были восемь дней и 7 мая достигли цели путешествия. Прямо с дороги Салтыков был отвезен в дом губернатора А. И. Середы.

Начальник губернии не вышел к Салтыкову, а распорядился тотчас же отправить его к полицмейстеру. Последнему губернатор предписал «иметь лично за тит. сов. Салтыковым непосредственный строгий надзор и доставлять... ежемесячные об образе жизни и поведении его подробные и верные сведения». Губернатор при этом не мог не знать, что, по существующим установлениям, за сосланным по политическому делу должно быть учреждено с первого же дня секретное наблюдение и по жандармской линии. Салтыков оказался, таким образом, под двойным и даже тройным надзором — губернатора, полицмейстера и жандармского штаб-офицера. Его дальнейшая судьба предоставлялась естественному ходу вещей.

С. МАКАШИН

Рассказ

Вл. ДУДИНЦЕВ

Рисунки В. Высоцкого

Когда начались осенние дожди, рельсы были уже уложены до того глухого участка в ущелье, который строители называли «избушкой Снарского». Паровоз, оставляя над пропастями облачка пара, пронзительно свистя, медленно поплыл по площадке, вырубленной высоко в скалах. Он толкал перед собой платформу со штабелем шпал и ящиками взрывчатки, накрытыми брезентом. На платформе, прямо на сырых от утреннего дождя шпалах, сидели взрывники в зеленых от паров мелинита сапогах, с позеленевшими брезентовыми сумками через плечо. Трое из них были очень молоды — старшему не больше восемнадцати лет. Зато бригадиру их, Прокопию Фомичу Снарскому, незнакомый человек дал бы лет сорок, а то и все сорок пять. Он действительно был уже в летах — ребята-взрывники знали, что дяде Прокопу давно пошел шестой десяток.

Снарский небрежно полулежал на самой верхней шпале. Он был в твердом брезентовом комбинезоне, желто-зеленом от многолетней работы со взрывчаткой. Маленькая голова дяди Прокопа до бровей и до ушей была накрыта черно-зеленой фуражкой. Худое лицо со впалыми щеками, с коричневым блеском на выпуклых скулах хранило каменное и, на первый взгляд, даже свирепое выражение, а висячие усы придавали Снарскому сходство с запорожцем. Он курил обгорелую люльку, держа ее рукой, на которой нехватало двух пальцев, и наблюдал сверху за своими взрывниками.

Старший из них, Васька Ивантеев, надев на себя до пояса тяжелый моток бикфордова шнура, выдавал черный шнур четырнадцатилетнему киргизу Мусакееву, самому тихому и аккуратному ученику Снарского. Мусакеев, сложив ноги калачиком, резал шнур перочинным ножом на полуметровые куски. У него все время чесалось за ухом. Иногда с недоверчивой улыбкой он вдруг быстро оборачивался к третьему взрывнику — Гришуке, — что сидел на самом краю платформы. И тот сразу же принимал чинный вид, словно все время он так и сидел, болтая ногами над пропастью, любуясь отрезком шнура.

— Григорий! — гремел сверху Снарский.

И Васька Ивантеев, как старший, тоже бросал в его сторону строгий взгляд.

— А я ничего, дядя Прокоп,— голос у Гришуки был тонкий и лукавый, и еще лукавее была его улыбка, спрятанная в губах.

По-детски красны были эти губы, окруженные юношеским пухом. Снарский видел его тонкую шею и голый затылок, как бы накрытый сверху лихой каштановой шевелюрой (Гришука вчера сдавал в городе экзамен и заодно постригся).

Этот третий взрывник, кроме шуток, успевал еще готовить запалы для завтрашней работы на всю бригаду. Неспеша он брал за конец черный отрезок шнура, надевал на него капсюль — картонную папироску с угрожающей и таинственной красной сердцевиной — и затем быстро прикусывал зубами капсюль, чтобы крепче держался.

Паровоз уже второй час осторожно плыл по новым рельсам. Ближние и дальние скалы отвечали свистками на его пронзительные свистки. Пропасти из своих глубин, вымытых дождем, посылали взрывникам прямо в лицо резкие струи ветра. По склонам и отрогам гор на ущелье спускалась зима. Уже все вершины белели от снега, и первые мутные растянутые волокна дождевого тумана прокосились низко в ущелье вслед за ревущей внизу водой.

— Григорий! — раздался в молчании наставительный голос Снарского.— Испорчу я твои пятерки! Билет взрывника не получишь!

Все посмотрели на Гришуку. Тот улыбнулся и опустил голову.

— Дядя Прокоп, — заметил он, не поднимая головы. — Вот ты опять заругался, а сам ведь зубами капсюль прикусываешь! Я видел!

— Что не надо, то и видишь, — Снарский замолчал и, не находя слов, стал с грустью смотреть на Гришуку.

— Себя с дядей Прокопом не равняй. — вступился Васька Ивантеев.

— «Видел»! Мало ли что ты видел! — Прокопий Фомич поднял трехпалую руку. — А этого не видел? Мог бы ведь и с пальцами ходить, они мне не мешали. Попробуй только возьми еще раз в рот! Видел...— он сердито усмехнулся и стал смотреть в сторону.— Дядя Прокоп тридцать лет с этой привычкой гуляет, у него это и колом не вышибешь.

— А вдруг подведет привычка? Тебе что, жить надоело?

— Снарский свое дело уже сделал, теперь ты сумей. Снарскому можно и помирать, — басок Прокопия Фомича стал солидным. — По моим дорогам вон сколько народу ездит! Полстраны!

— Рановато помирать, дядя Прокоп! Небось, жить-то хочешь?

— Да что я, хлеба с изюмом не ел? — он с веселой усталостью посмотрел на всех. — Водки, что ли, не пил? Смотреть на нее не хочется!

— А все-таки посматриваешь! — заметил Гришука, и все засмеялись. — Дядя Прокоп, — сказал он немного погодя и еще ниже опустил голову. — А нас ты не любишь? Любишь,— значит, хочешь жить!

— Люблю! — Снарский скрыл улыбку. — Да если бы я только знал, что мне такого беса, как ты, подсунут! Я ему слово, он мне два!..

— Ну-ка сядь со мной, отдохни, — приказал Васька Ивантеев, и схватил Гришуку за рукав.

Но тот вырвался и быстро взглянул Ваське прямо в глаза.

– С ним, Василий, не шути теперь,— Снарский строго посмотрел на Гришуку. — Он экзамен на «пять» сдал!

В это время издалека по горам прикатился в ущелье долгий вздох. Взрывники подняли головы. Вздох повторился громче, резче.

— Большой заряд, — сказал Ивантеев. — Алешка Савельев палит.

Полчаса все сидели на шпалах, не двигаясь: ждали новых взрывов.

— Дядя Прокоп,— сказал наконец Гришука. — А что, Савельев, наверно, здоровый, а?

— Пять лет назад был точь-вточь, как ты.

— Вот бы посмотреть!

— Не увидишь. Он от нас, а не к нам движется. Без остановки ломится, в самые горы уже залез.

— Дядя Прокоп. — Гришука вдруг поднял на Снарского карие глаза и сразу же опустил. — А что, Савельев тоже у вас учился?

— Вопрос понятный, — Снарский значительно улыбнулся. — Глубокий вопрос. Алексей — мой первый ученик из всех здешних. Пять лет назад, когда я сюда приехал, он был землекопом. Заметь это, Гриша.

— Имеешь все шансы, — Васька, смеясь, посмотрел на Снарского.

— А ты чего? — Гришука, красный, обернулся к Ваське. — Тебя-то мы как-нибудь перегоним. Хоть ты и билет имеешь.

И вдруг, заглянув в пропасть, Гришука закричал:

— Река-то! Мусакеев, смотри, была белая пена, а теперь что делается! Кровь!

Все поднялись. Внизу, по дну ущелья, летел красный, как сурик, поток. Снарский глянул вниз через край платформы и сразу же сел:

— Так и знал. Алексей тряхнул глыбовую осыпь. Молодец!

— А откуда краска взялась? — спросил Гришука.

— Горы видел у нас? Красные: глина. Как дождь, сразу с гор грязь летит. Там ее целое море заперто в горах. А закупорка слабая: из той же глины. Алешка, видно, всю окрестность с места тронул. Вот оно и пошло, — Снарский приподнялся и еще раз посмотрел вниз через край платформы. — А много ведь ее, краски, а?

На них наплыло мутное мокрое облако, и все замолчали, подняли воротники, а Мусакеев и Гришука надели шапки. Облако становилось плотнее. Взрывники забрались под брезент, долго ехали в молчании, лежа на шпалах. Потом паровоз, шипя, выпустил пар и остановился. Дальше пути не было. Стал слышен тонкий свист дождя.

— Мелинит и шнур пусть остаются, — скомандовал Снарский. — Под брезентом им ничего не сделается.

Взрывники спрыгнули с платформы, пошли по скользким шпалам, уложенным без рельсов, — вкривь и вкось. Прокопий Фомич быстро шагал впереди, невысокий, одного роста с Гришукой и Мусакеевым. Он торопился. Шпалы кончились, зажурчал под ногами мокрый гравий. Снарский налетел на тачку, брошенную рабочими и полную воды. Сразу за тачкой площадка обрывалась на краю затянутого пеленой дождя каменного оврага, выходящего к ущелью из гор, как из ворот. Взрывники спустились в овраг, на его покатое, убегающее к пропасти дно. В дождливом тумане запахло дымом. И, наконец, они увидели свою бревенчатую избушку, построенную на каменной плите, — «избушку Снарского».

Но прежде чем войти, все четверо остановились у двери, прислушиваясь. Под мелким дождем овраг звенел вокруг них, как луг, полный кузнечиков. И сквозь этот игольчатый шорох водяной пыли ясно слышались новые звуки — жирный плеск, тяжелое хлюпающее движение.

— Так и знал, — резко сказал Снарский и, шлепая сапогами по воде, пошел за избу.

Взрывники услышали его протяжный, раздумчивый свист, толкаясь, побежали к нему. И сразу за избой, на метр ниже плиты, перед ними открылся широкий поток красной глины, быстро плывущей к обрыву. Посредине потока, поверх грязи, переплетаясь, неслись вниз красные водяные шлеи.

— Ишь ты, Алексей чего наворотил, — сказал Снарский, подбоченясь, качая головой. — Придется завтра переселяться.

И пошел в избу. Следом за ним в темные сени ввалились и взрывники, громко топая сапогами, чтобы услышала жена Снарского, Настя. Наклоняя головы, они вошли через низкую дверь в темную чистую избу, освещенную керосиновой лампой, до половины занятую двумя этажами нар, стали сбрасывать в углу мокрые сапоги, телогрейки. Стоя около нар, за ними наблюдала Настя, пожилая крупная женщина, в нарядном платье — синем в голубую клетку. Она всегда надевала что-нибудь нарядное, ожидая мужа.

— Ну, приехали, наконец? — она подошла к Снарскому, высокая, выше мужа на голову. — Садись! — толкнула его полной рукой. — Садись, говорю, дай сапоги хоть сниму.

И он послушно сел на лазку, вытирая кулаком усы, подчиняясь ее сильным рукам.

— Рад без памяти, домой добрался! Можно подумать, домосед, — приговаривала Настя, стаскивая с него мокрый комбинезон.

— Да где же у нас с тобой дом-то?

— Поговори у меня, — она потянула мужа за ухо. — Где я, там и дом. Снарский, — сказала она вдруг. — Ты ничего не замечаешь? У нас ведь гости!

— Гости? — Прокопий Фомич ничего не хотел понимать, мягко улыбался, не сводя с нее глаз.

— Нет, ты посмотри, кто у нас.

Снарский обернулся к нарам и сразу встал, худенький, узкоплечий в своей черной сатиновой косоворотке. На нижней полке нар, на полосатых тюфяках, разбросав ноги, спали в ряд восемь рослых парней. Широкие, исцарапанные в скалах руки их, как и у Снарского, были лимонного цвета. У самой стены, положив на грудь большую руку, запрокинув большую голову с черными прядями на потном лбу, спал бригадир взрывников Алексей Савельев, его любимец и воспитанник.

— Домой-то им не добраться теперь, — говорила Настя, гремя ложками. — Решили у нас заночевать по старой памяти. Обедать не стали, — как один свалились и храпят. Твое воспитание: все дело, дело и дело. И во сне о деле болтают. Я уж с них, с сонных, сапоги стаскивала...

— Вот вам, хлопцы, и Савельев, — тихо сказал Снарский; все трое взрывников подошли к нарам.

— Тебя, Снарский, ругали, — продолжала Настя. — Савельев ругал. Взрывчатки ты мало им припас, а то сегодня две годовых нормы отпраздновали бы!

— Значит, ругал... — Снарский босиком прошелся по половицам, наклонив плешивую голову. — Снарского ругают!..

Он остановился против окна.

— Газетой заклеила? Что это?

— Стекло вылетело от взрыва. Как рванули, — изба подпрыгнула.

Запахло борщом. Все сели к столу. Присутствие в избе знаменитого бригадира по-разному подействовало на каждого, и, пока шел обед, Прокопий Фомич несколько раз глубоко вздохнул, Мусакеев несколько раз взглянул на нары большими черными глазами, а Васька Ивантеев, покровительственно улыбаясь, все время экзаменовал Гришуку

по взрывному делу. Гришука бойко отвечал на его вопросы, запальчиво, с вызовом глядя ему в глаза.

Теплота избы и плотный обед разморили взрывников. К концу обеда взгляды их стали тяжелее, голоса глуше.

— Спать, спать, спать, отличник! — заторопил Снарский Гришуку. — Угрелся!

И тот послушно полез на нары, на вторую полку. Улеглись и Мусакеев с Васькой. Настя убрала посуду, убавила огонь в лампе и ушла за занавеску.

Наступила тишина. В этой тишине громче стали слышны тяжелые вздохи и всхрапывание. Снарский подошел к нарам. Перед ним лежал Алексей, откинув тяжелую руку на грудь соседа. «Взрослый человек стал!» — подумал Прокопий Фомич. Снарский уже давно понял, что Алеша — не просто бригадир лучшей бригады, а мастер, о котором скоро заговорят и в Москве, в министерстве. Как и Снарскому, Алеше поручали теперь самые ответственные работы. И если Алексей при встречах спрашивал иногда у Снарского совета, то это была только игра, ее подсказала алешина ласковая душа.

«И так каждый год, — Снарский откашлялся и опустил голову. — Не успеешь привязаться к человеку, глядишь: телеграмма. И уходит. И некогда ему старое помнить: поважнее дела есть. И на его место приходит другой... Гришука! — улыбнулся он. — Вот ведь еще талант открывается! — он уже слышал разговоры о переводе Гришуки на другой участок, как только сдаст экзамены. — Ничего не попишешь — кадры!»

— Снарский, — протянула Настя за занавеской. — Всего не передумаешь.

— Да, — Снарский крякнул, и лицо его опять стало озабоченно-суровым. — Да, да, — он надел мокрые сапоги, набросил плащ и вышел из избы.

Попрежнему за избой были слышны тяжелые шлепки и плеск потока. Снарский обошел избу и остановился на краю плиты. Темная грязь все так же плыла под ним внизу — та самая грязь, которой так боялись путейцы.

Он вернулся в избу и, не раздеваясь, лег за занавеской.

— Ты что? — спросила Настя.

— Избу нашу не подмыло бы, вот что!

— Не подмоет, спи, — Настя улыбнулась.

— В двадцать седьмом году ведь смыло геологов?

— Ну тебя, слушать не хочу!

— Ты говоришь, Алешка хорошо тряхнул?

— Сорок тонн заложил. Все так и заходило. Даже печка треснула.

— А там закупорка, думаешь, не заходила?

— Да ты что? Ну и иди сам на улицу, под дождь. Никуда не пойду. Избу нашу ведь люди строили? Знали, поди, куда сруб ставить?

— Утром схожу, посмотрю, что там с озером делается, — сказал Снарский миролюбиво.

Они замолчали.

— Слышь, Настя, — Снарский легонько толкнул жену. — Вот ведь еще талант открылся! Гришука-то! Да ты что?

— А ну тебя! Напугал, теперь не заснешь!

Но через полчаса он услышал ровное дыхание жены — она словно сдувала с губ легкую пушинку сна. Теперь Снарский был один. Широко открыв глаза, он смотрел в потолок и думал:

«Лет через десять всех растеряю. Пойду на пенсию. Будем с Настей с печки за ними следить. Писем, небось, не пришлют: некогда. Или нет, Алеша напишет. И Гришука — тоже. Вот ведь петух бесхвостый! Каков! Алексея перегнать собрался!»

Потом он представил себе красное озеро, окруженное сбегающими из-под облаков красными склонами и оползнями, и его маслянистую поверхность с лужей стоячей воды посредине. Он видел озеро летом — тогда оно спало, запертое в горах перемычкой из той же красной глины.

«Растрясло закупорку, — подумал он. — Да еще этот дождь. Утром надо будет подняться наверх, посмотреть».

Он закрыл глаза, как ему показалось, на секунду. Потом открыл — и долго не мог понять, что делается вокруг него. Поднял занавеску.

Огонек лампы мелко дрожал, изба скрипела, а через газетный лист в окне просвечивал синий рассвет. Все спали тихо, как спят на рассвете.

Сильный толчок заставил его спрыгнуть с топчана. Босые ноги его обожгло мокрым холодом. Он поднял ногу — по щиколотку она была в красной глине.

— Настя! — застонал он, бросаясь к окну.

Разодрал газетный лист и сразу же увидел дождливое серое утро и красную шлепающую быстрину под окном — уже с этой, с высокой стороны.

На секунду ему показалось, что изба, как паро́м, несется навстречу красным струям и воронкам.

— Настя! Ребята! — Снарский подбежал к нарам, потянул Савельева за босую ногу.

Алексей, шумно вздохнув, повернулся к стене.

Изба перестала скрипеть. Снарскому показалось, что он плывет. Потом избу опять легко толкнуло, лампа упала со стола, и наступили сумерки, стены затряслись скрипя. Снарский схватил за ноги Ваську Ивантеева и стащил с нар. Парень сразу проснулся, как только босые ноги его коснулись холодной лужи на полу. Он подбежал к окну.

— Настя! — крикнул Снарский, стаскивая с нар второго взрывника, соседа Алеши, и оглянулся; он увидел жену в полумраке. Она уже была в платье и сапогах, дергала за ноги Гришуку.

Прокопий Фомич почувствовал — изба плавно повернулась на месте, ткнулась углом в камень. Васька Ивантеев с треском выломал раму, пролез в окно и прыгнул на темный берег.

— Прыгай, ребята, близко! — донесся его голос.

— Вылезай на берег, не путайся здесь! — закричал Снарский на Настю, она молча выпрямилась перед ним; Снарский не увидел — почувствовал ее слезы. — Вы-ле-зай! — приказал он ей; он умел быть твердым в трудные минуты.

И Настя послушно полезла в окно. С берега ей подали руку. В этот момент изба опять двинулась вдоль каменистого берега. Проползла немного и остановилась. Один за другим четыре взрывника вылезли через окно и исчезли в сумерках.

— Скорей, ребята! — крикнул кто-то с берега. — С крыши прыгай!

Снарский отчаянно тормошил Алексея. Бригадир, не просыпаясь, отталкивал его вялыми тяжелыми руками, уползал от него в глубь нар.

— Скорей, скорей! — закричали с берега.

С верхней полки спрыгнул Гришука.

— Ты что, дядя Прокоп? — и сразу бросился к окну. — Ребята где?

— Ребята там. Давай в окно. Вот этого с собой прихвати, — он стащил с верхней полки сонного Мусакеева, подтолкнул его к Гришуке.

— Прыгайте, прыгайте! — закричали за окном.

Снарский стащил с нижней полки двух взрывников. Последние. Нет, не последние — еще Алеша! Он поймал Алексея за обе ноги, стащил его, спящего, на пол. Алеша так и пошел вперед: с закрытыми глазами, ступая по холодной луже, ловя плечо Снарского тяжелой большой рукой.

— На крышу, на крышу полезай! — Снарский подсадил его.

Босые, залитые красной грязью ноги мелькнули в воздухе. Снарский быстро пролез в окно. И, словно под его тяжестью, изба вдруг накренилась и, скользнув, треща, ухнула вниз, села углом в красный водоворот. Берег медленно стал удаляться в сторону, назад, в дождевой туман. Снарский успел только увидеть Настю — она вырывалась из рук Алексея и Гришуки. Все трое они боролись, стоя по колено в красном потоке.

— Дядя Проко-оп! — крикнул кто-то с берега.

Он не чувствовал дождя и холода, не боялся боли. И смерть не пугала его. Тридцать лет она ходила рядом со Снарским, лежала в его брезентовой сумке, даже в карманах. Теперь она плыла все быстрее, ему навстречу. Не замечая нарастающей скорости потока, Снарский сидел на подоконнике, свесив босые ноги. Отделенный от людей и от их дел, он жил теперь внутри себя. Один.

— Дядя Прокоп,— сказал он вслух и покачал головой, затем закричал: — Настя, прощай! Настя!

С хода изба ударилась углом о подводный выступ. Снарский не заметил этого. Изба остановилась, стала на ребро, медленно виляя из стороны в сторону под быстрым течением. Мимо избы, весь в воронках и бороздах, летел поток красного ила, нес желтые и черные глыбы земли все дальше и дальше — туда, где на самом краю обрыва стояли гранитные пальцы, разбивая поток на несколько стремительных рукавов. Снарский вымок. По его черной косоворотке, по брюкам струилась вода. Но он не чувствовал и не видел ничего.

— Ах, ты, — шевельнул он губами. — Не во-время...

Опять раздался треск, изба осела. Два бревна вывернулись из-под сруба и понеслись вниз. Мимо избы проплыла новенькая шпала. Снарский не заметил ее. Вторая шпала пронеслась по ту сторону избы. Должно быть, ее пустили выше по течению. Кто-то прицеливался шпалами в избу. Третья шпала приплыла сверху, нырнула под сруб, стала на дыбы. Еще и еще — две шпалы ударились в сруб. И их Снарский не заметил.

Но он очнулся, когда услышал сзади себя в красной быстрине нарастающий крик Алексея:

— Дядя Прокоп! Скорей дай руку!

Лицо Снарского мгновенно изменилось, словно похудело. Он свесился с окна. Новенькая шпала, обвязанная толстой веревкой, ударилась о сруб и перевернулась. Вслед за шпалой красная волна прибила к срубу залитого грязью человека. Снарский поймал локоть Савельева и — откуда сила взялась? — одной своей трехпалой рукой втащил в окно рослого взрывника, облитого красной глиной с ног до головы. Грудь его была обвязана веревкой, свитой из бикфордова шнура. Конец веревки плясал в потоке длинной восьмеркой.

— Быстро! — скомандовал Алексей. — Пролезай! — и, сняв с себя, надел на Снарского и туго затянул веревочную петлю. — Свяжемся с тобой веревочкой, чтоб ты от меня никуда не уплыл.

Твердые пальцы его сжали плечо Прокопия Фомича, повернули его, и он увидел гранитный палец посреди потока, над обрывом. Рассекая поток, высокий истресканный камень словно несся им навстречу, как нос корабля.

— Поплывем сейчас на этот камень. Только левее держи — несет здорово. А я заберу вправо, веревкой и зацепимся!

Перехватывая веревку, Алексей проворно спустился по срубу к водовороту, где три шпалы, прибитые течением, ударялись о стену избы. Он снял петлю со шпалы, пролез сам в эту петлю, затянул ее.

— Нам с тобой еще рано помирать! — крикнул он. — Только влево греби. Если не выберешься, попадем в один рукав. Тогда — крышка!

Снарский вдруг, словно впервые, увидел поток и камни на краю обрыва. Тридцать лет смерть ходила рядом с ним. «Должно, и на этот раз мимо», — подумал он и басисто засмеялся, угрожающе выпятив губы, раздув ноздри.

— Дядя Прокоп! Готов, что ли?

— Командуй! — Снарский повис над потоком, держась одной рукой за подоконник.

— Прыгаем!

Веревка, шурша, побежала через крышу на тот конец избы — Алеша прыгнул. Снарский разжал пальцы. Ледяной холод схватил, сдавил его и понес. Ноги задели каменистое дно, и он с силой оттолкнулся влево.

Каменный палец — уже не палец, а гранитный истресканный остров, быстро вырастая, летел на Снарского. Он увидел на секунду, почти рядом, голову Алексея, и тут же поток их разъединил на всю длину веревки. Скала налетела. Снарский с силой ударился несколько раз о ее колючие выступы. Веревка вдруг бросила его назад, натянулась. Тяжелая волна краски догнала и окатила его.

Он схватился за выступ, повис, поставил дрожащую ногу в широкую трещину и полез к вершине скалы. Вылез на площадку, покрытую зелеными лишаями, и упал локтями и грудью на мягкий слой, пузырящийся от воды,— на настоящую, хоть и каменную землю!

Около него в луже красного ила стоял Алексей и, потрясая кулаками, смотрел вверх, сквозь мелкую сетку дождя. Там, высоко над оврагом, на гранитной площадке, где обрывалось полотно дороги, плясали и прыгали люди — не разберешь, кто, не разберешь, сколько. Только эхо разносило их знакомые, настойчивые, радостные крики и свист:

— Дядя Проко-оп!

Вася Веселкин

Рассказ

Михаил **ПРИШВИН**

Рисунки О. Верейского

Когда снег весной сбежал в реку (мы живем на Москве-реке), на темную горячую землю везде в селе вышли белые куры.

— Вставай, Жулька! — приказал я.

И она подошла ко мне, моя любимая молодая собака, белый сеттер в частых черных пятнышках.

Я пристегнул карабинчиком к ошейнику длинный поводок, намотанный на катушку, и начал Жульку учить охоте (натаскивать) сначала по курам. Ученье это состоит в том, чтобы собака стояла и смотрела на кур, но не пыталась бы курицу схватить.

Вот мы и пользуемся этой потяжкой собаки для того, чтобы она указывала место, где спряталась дичь, и не совалась за нею вперед, а стояла. Такое поведение собаки называется у охотников стойкой: собака стоит, а он сам стреляет или накрывает сеткой дичь.

Непонятная сила, влекущая собаку к курице, у охотников называется потяжкой. Только не надо думать, что собаку тянет желание полакомиться курицей или какой-нибудь другой птицей. Нет, ее тянет страстное желание все живое, все способное двигаться, бежать, плыть, лететь остановить в своем движении.

Вот так и вышли на черную горячую землю белые куры, и Жульку к ним потянуло. Медленно приближаясь, Жулька остановилась перед одной курицей в двух или трех метрах. Когда же она так сделала стойку, я перестал отпускать поводок и крепко зажал его в руке. Постояв некоторое время, Жулька сунулась, чтобы схватить курицу, и та с криком взлетела, а я так сильно дернул за поводок, что Жулька опрокинулась на спину. Так сурово для острастки я поступил только раз.

— Лежать! — крикнул я в следующий раз, когда она опять сунулась.

И она, приученная к «Лежать!» еще зимой в комнате, легла.

И пошло так у нас изо дня в день, и в какую-то одну неделю я натаскал Жульку отлично по курам. Свободно пуская собаку, я иду по деревне, она делает стойку по курице и одним глазом глядит на нее, а другим следит за мной: как только я начну выходить из ее поля зрения, она бросает курицу и бежит ко мне.

Кроме кур, в нашей деревне никаких домашних птиц нет. Мы живем на берегу Москвы-реки, повыше Рублевского водохранилища, обеспечивающего Москву — столицу питьевой водой. Чтобы не загрязнять воду, у нас в деревне запрещено держать водоплавающую птицу. И я, хорошо натаскав Жульку по курам, совсем упустил из виду, что в селе на другой стороне реки один хозяин держит гусей.

Вот и не могу сейчас сказать, по какому это праву он их держит и почему никто не вступится за чистоту московской питьевой воды. Думаю, скорее всего люди в колхозе были очень заняты, им было не до гусей, да и гусиный хозяин, может быть, неплохой был человек, ни с кем не ссорился: вот и терпели гусей до поры до времени. Я и сам совсем забыл об этих гусях и спокойно шел, пуская Жульку свободно бегать перед собою справа налево и обратно, слева направо.

Ничего худого не подозревая, мы вышли в конце деревни в прогон к реке. Небольшой холмик разделял нас от реки, и по нем кверху поднималась по травке белая тропка — след больших и маленьких человеческих ног, босых и обутых. Жулька пустилась вверх по этой тропе. На мгновенье она показалась мне вся вверху на фоне голубого неба. У нее была поза именно такая напряженная, какая бывает у собаки на стойке. Не успел я ей крикнуть свое обычное «Лежать!», как она вдруг сорвалась и бросилась со всех ног вниз по другой невидимой мне стороне холма. Вскоре потом послышался всплеск воды и вслед затем крик, шум, хлопанье по воде крыльев такое, будто бабы на помосте вальками лупили белье.

Я бежал наверх и вслед за ударами сердца своего повторял про себя:

— Ая-яй! Ая-яй! Ая-яй!

Это потому я так испугался, что очень много в своей жизни страдал. Задерет собака какую-нибудь животину, и ничем не откупишься: так изругают, так осрамят, что весь сморщишься, как сушеный гриб.

Добежав до вершины холма, я увидал зрелище, потрясающее для учителя легавой собаки: Жулька плавала по воде, делая попытки схватить того или другого гуся. Смятение было ужасающее: гусиное гоготанье, хлопанье крыльев, пух гусиный, летающий в воздухе.

Звук моего свистка и крики были совершенно бессильны: достигнув одного гуся, Жулька пускала из него пух, а гусь, подстегнутый щипком, набирал силу и, помогая себе крыльями, частью водой, частью по воздуху уклонялся от второго щипка. Тогда Жулька повертывалась к другому гусю, пускала пух из него...

Пух, как снег, летел над рекой.

Ужасно было, что в разлив воды еще не возможно было сделать обычные мостки через реку, и я не мог приблизиться хоть сколько-нибудь к месту действия: все происходило на самой середине широко разлившейся Москвы-реки.

Всех гусей было восемь. Я не только успел всех сосчитать, но положение каждого гуся представлял себе, как представляет полководец положение всех частей его войска. У меня вся надежда была на гусей, что какой-нибудь гусак, раздраженный, наконец, озлится и сам попробует Жульку щипнуть. Она такая трусиха! Если бы хоть один гусь сделал такую попытку, Жулька бы немедленно пустилась ко мне под защиту от клюва храброго гуся...

И вот, казалось мне, один гусак как будто и догадался, и, наверно, все бы кончилось хорошо. Но в этот момент выбежал из кустов Витька с ружьем, сын хозяина гусей, и прицелился в плавающую голову Жульки...

Сердце у меня оборвалось. Но почему я не крикнул, не остановил мальчишку? Мне кажется теперь, как будто все было во сне, что от ужаса я онемел. На самом же деле, конечно, я бы крикнул, если бы только было мгновенье для крика. Все произошло так скоро, что крикнуть я не успел.

Грянул выстрел.

Я успел все-таки увидать, что чья-то рука из кустов толкнула Витьку в плечо, и дробь хлестнула по воде далеко от места побоища.

Витька хотел стрелять из второго ствола, но голос из кустов остановил его:

— Что ты делаешь? Собака законно гонит гусей: тут водоохранная зона, не собака, а гуси тут незаконные. Ты, дурак, своего отца подведешь!

Тут, конечно, и у меня язык развязался, да и Жулька опомнилась от выстрела, услыхала мой зов, поплыла к моему берегу.

Конечно, я тут не растерялся до того, чтобы открыть Жульке свою радость спасения. Напротив, я ждал ее на берегу мрачный и говорил ей своим видом, как я умею так разговаривать с собаками.

— Плыви, плыви,— говорил я,— ты мне ответишь за гусиный пух!

Выйдя на берег, она по собачьему обыкновению хотела укрыть свое смущение посредством делового встряхиванья, фырканья, катанья своего по песку. Но как она ни старалась, гусиный пух с ее носа и рта не слетал.

— Ты мне ответишь за гусиный пух! — повторил я.

Наконец и ей надоело притворяться, обернулась ко мне, и я прочитал по ее виду:

— Что же делать, хозяин, я уж такая...

— Нет, матушка,— отвечал я,— ты не должна быть такая.

— Что же делать? — спросила она и сделала шаг в мою сторону.

— Что делать? — сказал я,— иди-ка, иди ко мне на расправу.

Нет, этого она боится. Она ложится на брюхо, вытягивает на песке далеко от себя вперед лапы, кладет на них голову, большими человеческими глазами глядит на меня.

— Прости меня, хозяин! — говорит она глазами.

— Пух у тебя на носу! — говорю я,— отвечай за пух!

— Я больше не буду! — говорит она глазами с выступающими на белки красными от напряжения и раскаяния жилками.

— Ладно! — говорю я таким голосом, что она меня понимает и несется ко мне.

Так все хорошо кончилось, но одно я в радости своей упустил. Я не успел рассмотреть, кто же это был спаситель Жульки. Когда я вернулся домой и захотел приступить к своим обычным занятиям, мысль о неизвестном не давала мне работать... Любовь моя к охоте, к природе, к собаке не могла оставаться во мне теперь без благодарности спасителю моей прекрасной собаки... Так я отложил свои занятия и пошел к учителю в школу за несколько километров от нас. По маленькой руке, толкнувшей Витьку в плечо, по голосу я знал, что это был мальчик. По рассудительному окрику я знал, что мальчик, наверно, учился в школе.

Рассказав все учителю, я попросил его найти мне мальчика, спасителя Жульки, обещал, что подарю ему любимую мной книгу «Всадник без головы», в хорошем издании. Учитель обещал мне найти мальчика, и после того я уехал надолго учить Жульку в болотах.

Приближалось время охоты, когда, выучив Жульку, я вернулся домой и в первый же день направился к учителю. Оказалось, найти спасителя Жульки не так-то легко. Но только несомненно, что он был среди школьников.

— Он сделал хорошее дело,— сказал я,— мы ищем, чтобы поблагодарить его, почему же он не хочет открыться?

— В том-то и дело,— ответил учитель,— ему не хочется выхваляться тем, что самому ничего не стоило. Он стыдится, и это стыд здоровый: каждый должен был так поступить.

— Но не все же такие мальчики, нам нужно непременно найти его, нам нужен пример для других.

— Это правда! — ответил учитель.

И, подумав немного, сказал:

— Мне пришла в голову мысль. Мы найдем! Скажите, сколько было гусей?

— Их было восемь,— ответил я.

— Так помните: восемь,— сказал учитель,— и напишите рассказ об этом случае, напишите правдиво и подчеркните в нем, что было не сколько-нибудь, а именно восемь гусей.

Замысел свой учитель от меня скрыл. Я и не стал допытываться, скоро написал рассказ, и в одно воскресенье мы с учителем устроили чтение в школе веселых рассказов разных авторов. Так дошло и до чтения моего правдивого рассказа о собаке Жульке и о гусях. Нарочно для правдивости я и Жульку привел в школу, показывал, как она по слову «лежать!» ложится, как делает стойку. Веселье началось особенное, когда я читал про гусиный пух, и что я, как полководец, держал в уме поведение каждого гуся.

— А сколько их всех было? — спросил меня в это время учитель.

— Восемь гусей, Иван Семеныч!

— Нет,— сказал учитель,— их было пятнадцать.

— Восемь! — повторил я,— утверждаю: их было восемь.

— А я утверждаю,— резко сказал Иван Семеныч,— их было именно пятнадцать и могу доказать, хотите, пойдем сейчас к хозяину и сосчитаем: их у него пятнадцать.

Во время этого спора чье-то нежное, стыдливое сердце сжималось от боли за правду, и это сердце было на стороне автора рассказа о гусях и собаке. Какой-то мой слушатель, мой читатель будущий, мой сторонник горел за правду у себя на скамеечке.

— Утверждаю,— сказал учитель,— гусей было пятнадцать.

— Неправда! — закричал мой друг,— гусей было восемь!

Так мой друг поднялся за правду, весь красный, вихрастый, взволнованный, с глазами, гневно устремленными на учителя.

Это и был Вася Веселкин, стыдливый, застенчивый в своих добрых делах и бесстрашный в отстаивании правды.

— Ну, спасибо тебе, мой друг,— сказал я и подарил спасителю моей Жульки любимую в детстве книгу «Всадник без головы».

Наше ягнятко

М. ВОРОБЬЕВА

Длинная низкая кошара, три летних печурки с обвалившимися трубами да взлохмаченный ветрами хворостяной затишек — вот и все строения овцеводческой фермы «Красный Маныч», где работает старшим чабаном Антон Самойлович Дедик. Сегодня сюда для осмотра отар приехал старший зоотехник Карпов. Петр Федорович выходит из машины. Под ноги к нему с лаем кидается огромная лохматая овчарка, но сразу стихает, узнав частого гостя этих мест. К зоотехнику подходит невысокая пожилая женщина. Видимо, следуя установившемуся обычаю, она степенно докладывает, что в ее сакманах все благополучно: заболеваний и отхода нет.

Это Любовь Ивановна, жена чабана Дедика, — одна из многочисленных сакманщиц, работающих на ферме во время окота.

Новорожденные ягнята легко теряют своих матерей, и поэтому их пасут не в общей отаре, а небольшими группами — сакманами. Эту несложную, но кропотливую работу выполняют обычно домохозяйки и детвора. Антон Самойлович Дедик постоянно инструктирует их, поощряя старательных и распекая нерадивых. Впрочем, случаи плохого ухода за ягнятами крайне редки. Беззаветно преданный своему делу, чабан умеет всем окружающим внушить любовь к робким и беззащитным животным.

Старший зоотехник внимательно осматривает и маток и приплод. По его указанию Любовь Ивановна ловит за ногу специальным крючком — герлыгой — то одну, то другую овцу. Сосредоточенно насупившись, Карпов проверяет, выстрижена ли у них шерсть вокруг вымени, чтобы ягненку было удобно сосать, и вокруг глаз, чтобы матка сослепу не наступала на сосунков. Заодно Петр Федорович оценивает качество шерсти.

Зоотехник доволен: шерсть ровным слоем покрывает все тело животных и только с поверхности чуть сероватa. Стоит раздвинуть ее тугую массу, как забелеют тонкие, нежные волокна, густо устилающие чистую, розовую кожу. Каждый волосок имеет совершенно равную толщину от корня до конца, — значит, весь год матки кормились равномерно и правильно. Обычно даже несколько дней недоедания оставляют на шерсти утончения, так называемый «голодный перелед», и такая шерсть идет в брак.

Как и всегда, на этой ферме придраться не к чему. Карпов весело бросает в адрес Антона Самойловича:

— Ух, молодец! — потом добавляет, удивляясь в душе, что старший чабан против обыкновения что-то не спешит сегодня ему навстречу: — А где же старик?

Любовь Ивановна нехотя машет рукой в сторону кошары, похожей издали на огромную букву А. Предчувствуя недоброе, Петр Федорович спешит туда и обеспокоенно оглядывает длинные ряды станочков — «кучек»,— где помещаются только что окотившиеся матки. Около одной из них стоит пригорюнившийся Антон Самойлович. Он держит на руках еще не обсохшего ягненка с запавшим животом и скрюченными ножками.

— Много заболевших? — тревожно спрашивает Карпов.

— С пяток будет, а сдохло первенькое,— скорее выдыхает, чем выговаривает Дедик.— Вот оно... — Антон Самойлович приподнимает на ладони уныло свисающую головку ягненка, как бы надеясь еще обнаружить хоть какие-нибудь признаки жизни.

— Э-хе-хе, — снова вздыхает он. — Аж за сердце берет... Вот так-то у Юнды Трофима, как батрачили мы у него с отцом, за один день весь приплод полег.

— То у Юнды, а то у нас... — старается приободрить Дедика Карпов. — У нас Василий Прокофьевич этого не допустит.

Часа через полтора на ферму приезжает старший ветеринарный врач Василий Прокофьевич Говорухин.

Работники фермы налету ловят каждое его указание, любое распоряжение выполняют беспрекословно, и уже на следующий день повеселевший Антон Самойлович снисходительно журит свою жену:

— Разохалась вчера, как клушка перед ястребом... Креолин-то куда лучше твоих слез помог. Поди-ка глянь, как взбрыкивают!

За многие годы совместной работы Дедик давно убедился, что без помощи ветеринаров трудно уберечь от болезней и сохранить в отличном состоянии четвероногих питомцев.

Бичи овцеводства—сибирская язва, бруцеллез, чесотка, вертячка—давно забыли дорогу в Манычские степи. Все пути и перекрестки закрыты для них целым кодексом санитарной профилактики. А если вдруг где-нибудь и объявятся непрошенные гости, с ними расправятся по самым передовым методам ветеринарной науки. Их зловредную природу распознают тонкими анализами, в корень подсекают всевозможными прививками, вакцинами и чудодейственными лекарствами.

И каждую весну сверкающие никелем электрические машинки для стрижки снимают с ошалело блеющих овец целые вороха прославленной мериносовой шерсти. Это поистине золотое руно дает нам сальский меринос, выведенный специалистами и практиками конного завода имени Буденного.

Около восьми вагонов шерсти ежегодно отгружает завод для нужд камвольной промышленности. И какой шерсти! Длинной, тонкой и крепкой, с правильным, упругим завитком...

Большую роль в выведении новой отечественной породы мериносовых овец сыграл Антон Самойлович Дедик. Год назад он присутствовал на заседании зоотехнического совета при Министерстве сельского хозяйства в Москве. Вернулся оттуда каким-то просветленным и еще более степенным. На общем собрании коллектива завода его попросили рассказать о работе совещания. Дедик начал было читать по заготовленной записке, часто спотыкаясь от волнения на самых простых словах. Тогда сидевший в первом ряду старший чабан Мацегора по-дружески бросил ему:

— Оставь ты цию цыдульку... Шпарь посвоему...

Сразу повеселев, Дедик начал рассказывать, как «диву дались» в Москве, когда прослушали доклад о новой породе.

— Хвалили, здорово хвалили, — счастливо улыбаясь, сообщил Антон Самойлович. — И за рост, и за вес, и за настриг шерсти. А что спина ровная, ноги правильные, голова аккуратная,— одним словом, за весь экстерьер — об этом разговор был особый. Ну, ничего — опять одобрили: экстерьер что надо, придраться не к чему... Спросили: как молочность маток, как ягняток выкармливаем? Не жалуемся, говорю, растут, как на дрожжах. А холода как, не боятся? А на пастьбе не притомляются? Мне даже обидно стало! Как были, объясняю, в эвакуации, так ни одной овечке не пришлось валенки надевать, хоть и стояли там, в Казахстане, морозы поболе сорока. А как двинулись в 43-м году обратно, так 1620 километров прошли за 75 ходовых дней. И ведь не одну, не две овцы гнали, а восемь тысяч голов, а средь них сосунков-ягняток было не меньше трех тысяч... Какой же отход получился? — спрашивают. Смешно сказать: 0,7 процента. А у других на базу стоя — и то больше сдохнет... От-то, говорю, и судите сами: слабосильные у нас овцы или как?

Когда собрание окончилось, Антона Самойловича обступили молодые парни, недавно пришедшие на завод. Им хотелось узнать, как

это Дедику и его товарищам удалось вывести такую хорошую породу.

Задумчиво потирая кулаком раздвоенный подбородок и приподняв круглые рыжеватые брови, Дедик начал неторопливо рассказывать:

— Хуже, много хуже выглядывали наши овечки двадцать лет назад, как я сюда пришел. Разные да сборные... Начальником завода был тогда Михаил Иванович Чумаков. Любитель и труженик. Так он, бывало, где десяток, где два по случаю купит тонкорунных овец этого, как его, новокавказского типа, а то еще и мазаевские случались... Был такой овцевод — Мазай.

И были те овцы, надо сказать, никудышные. Все больше тощие да чесоточные попадались. Оно ж понятно, если кто и продает, так таких, какие себе негожи... И вот давай мы вместе с Михаилом Ивановичем тех овечек купать и кохать. Ходим за ними, ходим, а глядишь — самая лучшая матка килограмма четыре шерсти и даст... Дело ясное — выродились до отказа те породы. Как говорится, синичку хоть в пшеничку, а все одно от нее ни шерсти, ни мяса, ни молока. Чего тут делать? Прослышал Михаил Иванович, что в Ростов приехал один из дружков ученого-академика Иванова, вроде выученик его, — бонитер Сладкевич. Заманил его Михаил Иванович до нас на совет. Ну тот товарищ и определил: надо до нашей овцы крови рамбулье подбавить — была такая порода в соседнем совхозе. Добыли мы там четырех баранов. Незавидные были по себе бараны и на возрасте. Однако приплод получился ничего. Отобрали мы лучшеньких ягняток, дали им весь необходимый уход: чтоб в кошаре тепло и сухо, чтоб всю зиму паслись из-под снегу, чтобы воды всегда свежей было вволю и соль в кормушках. И вышли они против родителей — куда там! Сравненья быть не может... Некоторые, конечно, издевались: «Да если бы Жучку какую лысую так годувать, так и на ей пошла бы шерсть не хуже того мериноса...» Ан, врешь! Без совета Сладкевича ничего бы у нас не вышло... Это я со всей ответственностью говорю...

И вот тем же порядком приплод от наших ягняток вышел еще ровнее: сложеньем крепенький и правильный, намного плодущее и с лучшим настригом. Так дальше и пошло... Потом два года подряд мы на Сельскохозяйственной выставке в Москве чисто все медали позабирали. Тут уж к нам со всего Союза кинулся народ: дай на племя. Что ж, мы не жадовали — давали. И в Закавказье, и на Украину, и в Казахстан... Поди, тысяч сто голов пораздавали...

Антон Самойлович солидно крякнул и одернул пиджак нового костюма.

Ребята пощупали материал и поинтересовались:

— В Москве брал?

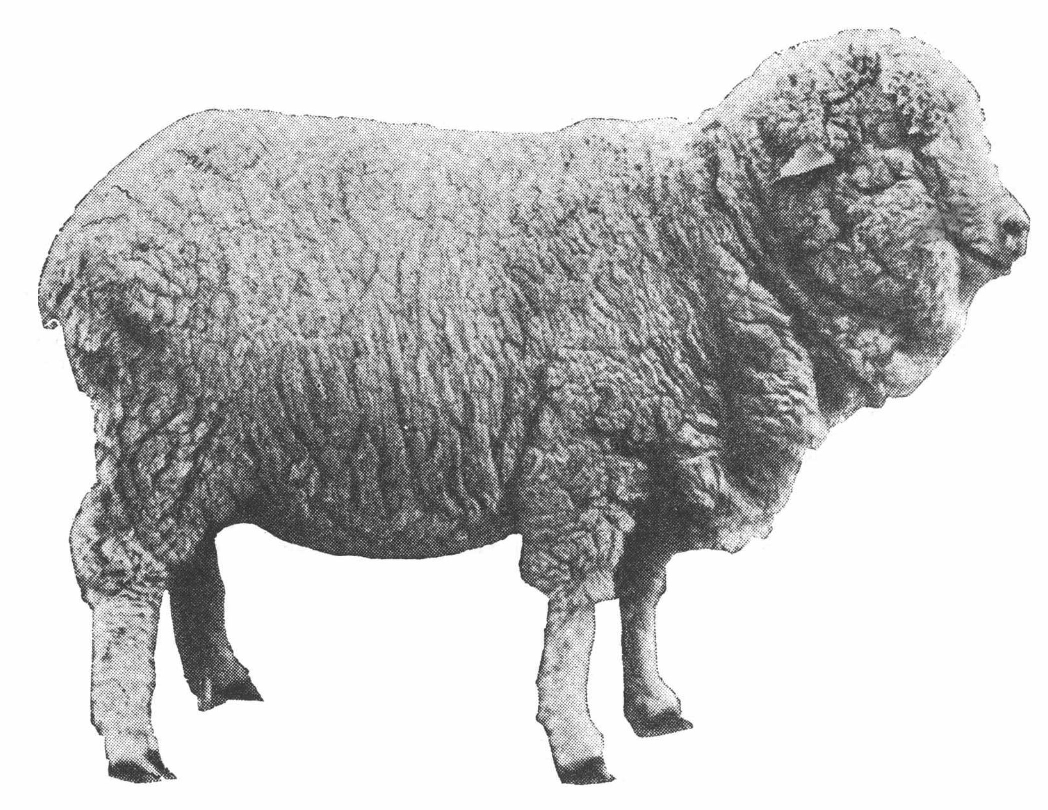
— Ага. В Мосторге.

— Может, как раз от твоих овечек шерсть-то?

— Куда там от моих! Со всего Союза, должно, шерсть... А завод, чую, наш! — хитро подмигнув, согласился Дедик. — И главное, обратите внимание: семьсот овец у меня в отаре, а все, как одна. Это что значит? Значит, стойкая порода. Лет пятнадцать мастеровал над нею Михаил Иванович сам. Конечно, советами специалистов не брезговал. К примеру, Василий Петрович Башкатов, что сейчас в тресте старшим животноводом, также записан комиссией как участник этого дела. И вот что интересно: который год теперь Михаил Иванович начальствует над всеми нашими заводами в Ростове, а ягняток своих не выпускает из внимания. На что уж наш Карпов, поди, всю книгу академика Иванова наизусть знает, а все нет-нет да за советом к Михаилу Ивановичу идет.

Потом Дедик повел своих слушателей в кабинет Петра Федоровича Карпова и показал им прекрасно выполненные фотографии лучших представителей новой породы. Это были крупные животные с большими рогами, закрученными спиралью вокруг ушей. Тела их от кончика носа до копыт были покрыты густой, плотной шерстью так, что, как объяснил Дедик, если не выстричь ее у баранов вокруг глаз, то они ровно ничего не увидят, хоть и будут по-верблюжьи задирать вверх свои горбоносые головы на толстых, складчатых шеях. Рядом с фотографиями висели образцы отличной шерсти до 12 сантиметров длиной — стойкий жиропот предохранил ее от разлохмачивания и загрязнения.

Пришлось как-то молодым чабанам завернуть на ферму «Пятилетка», где хозяйничает Дмитрий Макарович Горобченко. И показалось им тут, будто выпрыгнули из рам виденные ими в кабинете Карпова экспонаты и спокойно разгуливают здесь по зеленой травке. Ребята даже чертыхнулись от восторга, а Горобченко сейчас же воспользовался подходящим случаем и начал расхваливать своего любимца — племенного барана номер 312, дающего 13 килограммов шерсти в год. Баран ходил во время эвакуации за Урал, вернулся оттуда на своих ногах домой, и, несмотря на это, до сих пор сыновей его продают в другие хозяйства тысяч по восемь за голову. А всего баран номер 312 дал за свою жизнь свыше четырех тысяч ягнят.

Племенной баран из отар конного завода имени Буденного.

— Околеет, чучело с него набью и в клубе на память поставлю... — со вздохом сказал Горобченко.

И хотя своим благополучием баран номер 312 во многом обязан Горобченко, сам Дмитрий Макарович говорит о себе весьма сдержанно:

— Какой я чабан? Я же гуртоправ по происхождению. И чабаную-то всего с 21-го года. Ну, а все ж таки разбираюсь, об чем овца кричит и от какой неприятности она вздыхает...

От Горобченко же ребята узнали, что Дедик — чабан потомственный. С пяти лет он начал пасти овец около своего деда в поселке Малая Джалга, Ставропольского края. Вместе с Михаилом Ивановичем Чумаковым бедовали они потом у того самого Трофима Юнды. И кнута им иной раз попадало за подгоревшую кашу, но главная беда была в том, что не вольны они были чужим добром распоряжаться: отберут, бывало, подходящих овечек на племя, а хозяин возьмет, да и продаст их на шашлык...

Зато теперь и Дедик и Чумаков — оба хозяева. Чумаков там — наверху, в Ростове, а Дедик — у себя на ферме «Красный Маныч». Много орденов и медалей у Михаила Ивановича Чумакова — генерала в отставке, а Антон Самойлович Дедик недавно получил вторую правительственную награду — орден Ленина. Орденом Трудового Красного Знамени наградили его после возвращения из эвакуации за то, что сохранил он за далеким Уралом все поголовье племенных маток.

Другие чабаны — Горобченко, Жданов, Мацегора, Седых, Чемерис — тоже не в обиде: ордена Трудового Красного Знамени есть и у них. Получили они их вместе с зоотехником Карповым и ветврачом Говорухиным, награжденными орденами Ленина.

В 1948 году у всех чабанов показатели пошли вверх: Горобченко со своих баранов настриг по 11,6 килограмма шерсти на круг, Дедик — по 7,4 килограмма в среднем с каждой племенной матки, а лучшие из них дали до 10 килограммов. Но главная заслуга Антона Самойловича в том, что вырастил он от каждых 100 маток по 143 ягненка.

* * *

Подошла осень, и подросших ягнят отбили от матерей. Трое суток день и ночь подряд истошно кричали матки. Жители фермы, страдальчески морщась, жаловались друг другу:

— От разоряются! Аж голова пухнет!..

И снова все стихало... Сразу раздобревшие и уже обросшие зимней шерстью матки спокойно паслись по богатой осенней отаве.

Зима выдалась тяжелая — влажные моросящие туманы внезапно сменялись трескучими морозами с гололедицей и ураганными восточными ветрами. Опять жалобно блеяли затомившиеся взаперти овцы, и Антон Самойлович с медно-красным от стужи лицом сновал вокруг кошары, затыкая все щели...

Но вот повеяло теплом, по-весеннему высоким и прозрачным стало небо.

Уже совсем рассвело, когда Дедик вышел из кошары. Круглая щербатая луна еще маячила неясным контуром на блеклом желтоватом небе.

Осторожно неся тугие круглые бока, степенно выходили из загона неокотившиеся матки и, часто двигая узенькими челюстями, принимались жевать разложенное кучками сено.

Антон Самойлович по-хозяйски оглядел овец, начинающую зеленеть степь, с разбросанными кое-где рыжими клочьями бурьяна, штабеля новых корытцев, заготовленных для подкормки молодняка, и подумал:

«Сотни б полторы ягняток на сто маток дать... Да и с шерстью не подкачаем... Отто тогда с охоткой можно начинать сначала!»

Ростовская область, Сальский район.

В Афганистане

В. СВЕТЛАНОВ

Начало путешествия

Знакомясь с древними памятниками Термеза — руинами буддийских монастырей и мавзолеем Хакима-аль-Термези, — мы незаметно вышли к пограничной Аму-Дарье. Через неширокую в этом месте реку был ясно виден берег Афганистана — страны, куда предстояло нам ехать на следующий день.

Утром мы собрались у речной пристани. Посадка на небольшой пароход заняла немного времени, и вскоре мы начали медленно отплывать от советского берега. Впереди нас ожидали новые впечатления, но наши взоры долго были прикованы ко все отдаляющейся родной земле. Тем временем пароход приближался к афганскому берегу, покрытому высокими зарослями многолетнего камыша... Отчетливые слова команды капитана, пароход пришвартовывается к берегу, и через несколько минут мы уже на территории Афганистана.

Солнце безжалостно бросало на нас отвесные, обжигающие лучи. Бесчисленные раскаленные песчинки носились в воздухе и, как осы, жалили лицо и руки. Не видя вокруг никаких средств транспорта, мы уже готовы были обратиться со своим недоумением к афганским пограничникам. Но тут мы заметили, что нам подвели оседланных верховых лошадей. В седла садились мы по-разному. Некоторые проделывали эту процедуру чуть ли не впервые, вызывая у более опытных ездоков улыбки и слова дружеского подбадривания. Гуськом, друг за другом, сопровождаемые, проводником-афганцем, мы тронулись в путь к сердцу высокогорного Афганистана — к его древней столице Кабулу.

От Аму-Дарьи до местечка Аскар-Хана, одиноко расположенного в степи, наш путь лежал через небольшую песчаную пустыню шириной в 15—20 километров. Прямо в лицо дул сильный ветер, создававший песчаные вихри. Лошади часто проваливались по колено в зыбкий песок.

Наконец, трудный участок пути был пройден. После короткого отдыха у Аскар-Ханы мы уселись во вместительные автомобили и снова двинулись в путь. Кругом — безжизненные степи, прорезанные единственной грунтовой дорогой. Вскоре недалеко от дороги показались какие-то строения. Мы вышли из машин. Перед нами были развалины некогда значительного селения Диядирд. Теперь здесь царило гробовое молчание. На наш вопрос к проводнику, чем объясняется уход жителей из Диядирда, последовал краткий ответ: «Ушла вода, ушли и люди».

Мы продолжали путь. Ни одного жилого населенного пункта, никаких признаков живого существа. Лишь изредка над нами величаво пролетали степные орлы, мерно махая своими огромными крыльями.

Мазар-и-Шериф

Через три часа езды перед нашими глазами внезапно вырос город. Шофер-афганец, обернувшись к нам, произнес с ноткой торжественности в голосе: «Мазар-и-Шериф!» Уважение мусульманина к Мазар-и-Шерифу вполне объяснимо: здесь находится суннитская святыня — гробница халифа Али. Заглянув в справочник, мы увидели, что население этого крупнейшего в северном Афганистане города составляет более 60 тысяч человек. При въезде в Мазар-и-Шериф шофер, должно быть, для эффекта, повел машину с большой скоростью. Промелькнули окраинные улицы с глинобитными домами, и машина, оставляя за собой густое облако пыли, выехала на небольшую площадь и остановилась у одноэтажной гостиницы, единственной в городе.

Из окна гостиницы было видно, как по пыльной, немощеной улице шли неспеша в разных направлениях мужчины в белых рубашках ниже колен и таких же белых штанах. Головы их были покрыты чалмой. Иногда за мужчиной на почтительном расстоянии следовала женщина, укутанная чадрой, в длинном — до пят — черном платье, ведя за руку ребенка. Все пешеходы были босы. Среди пешеходов, уныло опустив головы, брели ослы и мулы, и погонщики их безостановочно выкрикивали на одной ноте одно и то же слово: «Хабардар!» («Берегись!»)

На снимках вверху: слева — дом в пустыне, справа — на Кандагарской хлопкоочистительной фабрике. Внизу: на базаре в Кабуле.

Выйдя из гостиницы, мы двинулись по улице и вскоре очутились на базаре. Это длинные ряды однообразных построек из кирпича и кое-как слепленных из глины лавчонок. В общей сложности их было около тысячи.

Выставленные товары отражали экономику края. Здесь продавали пшеницу, мерлушку, шерсть, кожи, опиумный мак, ковры местного производства. Много импортных товаров, ввезенных из Англии, Соединенных Штатов, Индии и других стран: хлопчатобумажные ткани, обувь, сахар, изделия из резины, металлы. Даже спички были заграничного производства: единственная в Афганистане спичечная фабрика, находящаяся в Кабуле, не в состоянии удовлетворить спрос населения на спички. Как мы узнали, торговля основными товарами в Мазар-и-Шерифе сосредоточена в руках «шеркетов» — торговых акционерных обществ. Шеркеты искусственно взвинчивают цены, и многие товары становятся недоступными для населения, в особенности для бедняков-крестьян и кочевников.

Начинало темнеть. С минарета доносился голос муллы, призывавшего правоверных к молитве. С наступлением темноты жизнь на улицах быстро замерла. Она перенеслась за высокие стены глинобитных домов.

Афганские дети.

Вечером мы познакомились в гостинице с приехавшими из столицы афганскими чиновниками. В завязавшейся беседе выяснилось, что в Афганистане до сих пор не было переписи населения и число его определяется примерно в 8—9 миллионов человек, из них около 70 процентов заняты сельским хозяйством. Общая площадь обрабатываемой земли составляет приблизительно полтора миллиона гектаров, из которых значительная часть находится во владении помещиков и церкви. В Афганистане живет около 4,5 миллиона афганцев, до 2 миллионов таджиков, примерно 800 тысяч узбеков, около 850 тысяч хезарейцев. До сих пор четверть населения ведет кочевой образ жизни. Это специфическая черта Афганистана.

Собеседники рассказали нам, что около пяти миллионов афганцев, иначе — патанов, находится вне территории Афганистана. Это — прямое следствие колониальной политики британского империализма. В конце XIX века Англия навязала Афганистану англо-афганское соглашение, согласно которому населенная афганцами полоса территории, находящаяся на юге страны, была отторгнута от Афганистана и включена в состав Британской Индии. Свободолюбивые патаны не признавали английской власти и беспрерывно вели борьбу с английскими захватчиками. После недавнего раздела Индии патанские племена оказались в составе Пакистана.

Беседа шла по-персидски. Но иногда наши собеседники обменивались между собой фразами на незнакомом нам языке. На наш вопрос они разъяснили, что разговаривают на своем, афганском языке, называемом пушту. Этот язык скоро станет государственным языком Афганистана. Правительственный указ об обязательном изучении пушту был опубликован еще в 1936 году. С тех пор афганское правительство принимает энергичные меры к распространению этого языка, принадлежащего к индо-иранской ветви. Организованы специальные курсы, выплачиваются надбавки к жалованью чиновникам учреждений, изучающим пушту, издаются учебники, вводится в обязательном порядке изучение пушту в школах.

Афганские крестьяне

...Ранним утром, когда солнце посылало на землю свои первые бодрящие лучи, мы направились к стоянке почтового автобуса. Город уже не спал: на базар спешили торговцы и крестьяне-покупатели из окрестных деревень. «Хабардар!» — звучало всюду...

У шофера автобуса мы купили билеты до Кабула. Стоимость каждого билета 52 афгани, что значительно превышает месячный заработок афганского рабочего. Некоторые пассажиры взобрались на крышу автобуса, уплатив за проезд по 8—10 афгани. Автобус двинулся в путь лишь тогда, когда он был набит доотказа пассажирами и багажом.

Наш путь в Кабул лежит через Таш-Кураган, Айбак, через ущелье Дерре-и-Шикари и дальше — через перевал Шибар. Предстояло проехать в течение двух суток около 600 километров. Дорога убедительно показывала, что Афганистан — это страна гор. Лишь изредка встречались небольшие участки пахотных земель в долинах и на склонах холмов.

Машина часто останавливалась, то из-за прокола шины, то задерживаясь у чай-ханэ, где пассажиры обстоятельно закусывали, а шофер запасался бензином. Это давало нам возможность знакомиться с хозяйством местных крестьян. Нас поразили крохотные земельные наделы крестьян-бедняков, составлявшие два—три джериба, т. е. примерно половину гектара. Прокормиться урожаем с такого участка немыслимо, а купить землю нет средств: один джериб поливной земли стоит от 500 до 1200 афгани. Поэтому крестьянин вынужден идти в кабалу к помещику и кулаку. Земельные владения некоторых помещиков составляют тысячу и более джерибов.

Господство полуфеодального землевладения — одна из главных причин отсталости и низкой урожайности сельского хозяйства Афганистана. Мы видели крестьянскую «технику»—деревянный плуг, деревянную борону без зубьев, простую железную лопату.

Тяжел и безрадостен труд крестьянина, и это отражается и на его внешнем облике. Обычно он одет в рубище, в лучшем случае носит самодельную одежду из домотканки. Идти крестьянину на заработки некуда. Во всей промышленности занято не более 30 тысяч рабочих. Недра страны, богатые серебром, золотом, нефтью, углем, мало разрабатываются.

Из Дуаба, что означает «слияние двух рек», дорога пошла по узкому ущелью вдоль шумной речки вверх на Гиндукуш, главный хребет всей горной системы Афганистана. Незаметно мы поднялись на перевал Шибар. Перевал находится на высоте 2500 метров. Зимой он нередко бывает занесен снегом и закрыт для движения, но, несмотря на это и на бесплодие почвы, здесь тоже живут афганцы, тяжелым трудом добывая средства к жизни.

Наша машина начала головокружительный спуск. Временами на крутых поворотах казалось, что мы вот-вот слетим в пропасть. Наконец горный хребет остался позади. На дороге стали чаще встречаться населенные пункты, обнесенные высокой каменной стеной караван-сараи и чай-ханэ, в которых мы провели две ночи. Через попадавшиеся изредка крупные населенные пункты машина следовала без остановок на ночлег, так как плата в гостиницах слишком дорога для небогатых путешественников-афганцев: от 5 до 20 афгани. В чай-ханэ мы все время слышали разговоры афганцев о трудностях послевоенного времени, о застое в торговле, о росте цен и налогов.

Черные шатры

Навстречу нам нескончаемым потоком передвигались к перевалу Шибар кочевники. Их незамысловатый скарб был погружен на лошадей и осликов. Многие шли пешком, неся огромные узлы на плечах, а женщины и даже подростки тащили на себе, в особых мешках за спиной, маленьких детей. Покрытые пылью и обжигаемые знойным солнцем, кочевники совершают ежедневные переходы по 15—20 километров. Встречались нам и предводители кочующих племен, гордо восседавшие на чистокровных лошадях и мулах.

Недалеко от дороги группа кочевников разбила черный шатер. Мы подошли и вступили с ними в беседу. Эти люди прошли пешком уже более 200 километров. Через 50—60 километров они достигнут намеченного пункта, где будут жить до наступления холодов и пасти там свой скот. А потом? Потом они вновь соберут шатер и двинутся в обратный путь.

Кочевники.

В попутных городах кочевники продают скупщикам, действующим от акционерных обществ — шеркетов,— шерсть, каракулевые шкурки и купят необходимые им ткани и хлеб. Шеркеты устанавливают единые, крайне низкие цены на сельскохозяйственные товары и этим буквально грабят кочевников, не имеющих возможности сбывать свое сырье другим путем.

Позже мы узнали, что поголовье свец в Афганистане определяется примерно в 18 миллионов голов, среди которых 2,5 миллиона каракулевых. По производству и экспорту каракуля Афганистан занимает одно из первых мест в мире. Общий выход каракулевых шкурок достигает более миллиона штук в год. Каракуль вывозится в европейские страны и в Соединенные Штаты Америки. По данным иностранных экономистов, экспорт каракуля в годы второй мировой войны давал Афганистану доход в размере 4 миллионов фунтов стерлингов в год. Товарной шерсти Афганистан дает от 7 до 9 тысяч тонн ежегодно.

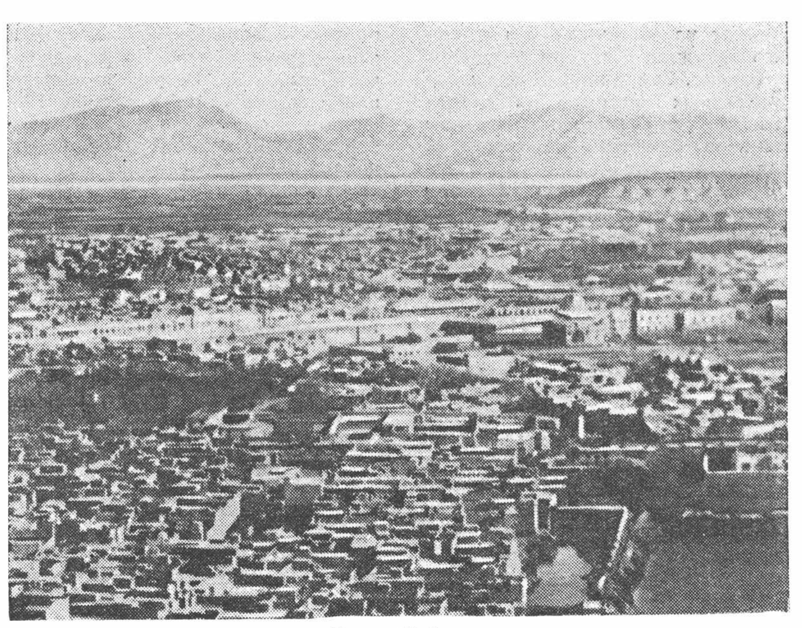
Кочевка целых племен происходит из года в год, из поколения в поколение. По существу, это жизнь в постоянном движении.

Женщины кочующих племен не покрываются чадрой и этим отличаются от горожанок, которым коран запрещает появляться на лю-

дях без чадры. Одетые в рубища, они производили тяжелое впечатление. О каком образовании могут мечтать они и их дети, рожденные и воспитываемые в скитаниях, не всегда имеющие вдоволь хлеба? Не удивительно, что грамотных в Афганистане не более одной десятой части населения.

Кабул

Город Кабул.

Мы снова тронулись в путь. Все чаще попадались навстречу тяжело нагруженные машины иностранных марок. Но и караваны верблюдов встречались нам нередко. Автотранспорт, верблюды, мулы и ослы используются для переброски товаров в разные концы страны и к границам. В Афганистане нет ни одного километра железных дорог.

Мы проехали последний перед Кабулом город Чарикар, напоминающий большую деревню, с неизбежным базаром в центре. До столицы Афганистана оставалось около ста километров. Время летело быстро. Крутой спуск, поворот дороги — и перед нашими глазами предстал Кабул.

Невольно в этот момент вспомнились факты мужественной борьбы афганского народа против английских империалистов, стремившихся превратить страну в свою колонию, в буферное государство. Трижды англичане организовывали военные наступления с индийской территории. Одна из попыток завоевать Афганистан была предпринята в 1838—1842 годах. Британские войска вошли в 1839 году в Кабул и оставили здесь свой гарнизон. Но не прошло и трех лет, как в столице вспыхнуло народное восстание против иноземных угнетателей. Английский гарнизон был вынужден выдать восставшим большую часть артиллерии и отступить в Индию, но до Джелалабадского форта, находившегося в руках англичан, добрался только один человек — доктор Брайдон, который рассказал о гибели своего отряда.

Карл Маркс так описывает эту победу афганцев над английскими захватчиками: «...Часовые на стенах Джелалабада (близ Шахджеханпура) увидели человека в английском мундире, висевшем клочьями, верхом на заморенной лошади, и конь и всадник были жестоко изранены; это был доктор Брайдон, единственный уцелевший из 15.000 человек, за три недели до того выступивших из Кабула. Он умирал с голоду».

В начале 1919 года Афганистан объявил независимость. В мае того же года советское правительство признало полную независимость Афганистана. Великобритания была вынуждена безоговорочно признать эту независимость страны только после третьей англо-афганской войны (3 мая — 3 июня 1919 года).

...Вот и Кабул. На его окраине мы увидели здание европейского типа. Здесь размещается английская миссия. Дальше наше внимание привлекли развалины форта Бала Гисар. Промелькнули торговые ряды, мастерские, дворцы, окруженные высокими каменными стенами, и снова машина остановилась у здания гостиницы, на этот раз — двухэтажного.

Столица Афганистана с населением в 120 тысяч человек расположена на высоте почти двух тысяч метров над уровнем моря. Она окружена с севера и юга скалистыми, местами малодоступными горами. Кабул пересекает летом почти пересыхающая река Кабул-Дарья, которая принадлежит к бассейну Инда. Город был основан еще в глубокой древности, и тогда он был известен под наименованием Кабура. Это был город-крепость. До сих пор сохранились остатки стены, сложенной в давние века из камня.

Весь кабульский оазис, как нам рассказывали, создан искусственно из земли, которую привозили на ослах и переносили на руках. Поэтому земля в Кабульской долине ценится исключительно дорого.

Кабул—резиденция короля Афганистана. Здесь же находится правительство и периодически созывается «Луй Джирга» — «Собрание представителей всех социальных групп Афганистана».

Только в Кабуле издается некоторое количество книг, журналов и газет и работает единственный в стране кинотеатр. Открытием в 1933 году в столице медицинского факультета положено основание афганскому университету.

Промышленность афганской столицы — это военный арсенал, государственная авторемонтная мастерская, кожевенно-обувная, спичечная, шерстопрядильная и ткацкая фабрики и другие предприятия. Продолжительность рабочего дня — 11 — 12 часов. Заработная плата составляет для мужчин 2—3 афгани в день, для женщин и детей — 1—2 афгани, что ниже самого скудного прожиточного минимума.

В центральной части Кабула широкие мощеные улицы, вдоль которых тянутся здания европейского типа, особняки, магазины. Правобережный Кабул—типичный мусульманский город. Каждый дом окружен высокой стеной — «дувалом». В Кабуле, как и в других городах Афганистана, женщины до сих пор носят чадру и именно среди них особенно велик процент неграмотных. Они полностью устранены из общественной жизни. Их удел — домашнее хозяйство, уход за мужем и детьми. Женщины лишены даже возможности посещать кино.

Жизнь в Кабуле, как и во всем Афганистане, течет крайне размеренно, но по-разному для богатых и бедных. Бедное население ютится в лачугах, лишенных света и каких-либо коммунальных удобств, и исключительно скученно. Местная знать, торговая буржуазия имеют прекрасные резиденции в центральной части Кабула, а также и других городах, как, например, в Пагмане и Джелалабаде.

Пагман — летняя резиденция эмира, город-парк, расположенный на расстоянии 25 километров от Кабула,— является спасением от знойного лета. Джелалабад находится в 200 километрах от столицы, недалеко от индийской границы. В Джелалабадской низине субтропический влажный климат, мягкая, весьма непродолжительная зима, богатая растительность. Здесь вызревают апельсины, финики, лимоны и сахарный тростник. Джелалабад представляет собой как бы зимний курорт для богатых людей Афганистана.

Вторая мировая война отрицательно сказалась на экономическом положении страны. Кроме того стихийные бедствия в 1943—1945 годах — засуха, а в Кабульской провинции проливные дожди весной 1945 года — еще более ухудшили материальное положение трудящихся масс. Экспорт афганского сырья резко снизился, в то время как налоги на население возросли на одну треть.

Трудящиеся массы Афганистана с тревогой наблюдают активизацию американских монополий в Афганистане. Американской фирме «Моріссон Надсен компани» поручено строительство шоссейных дорог.

Иранская газета «Кияме Иран» сообщала, что в конце 1948 года афганское правительство предоставило американцам концессии на разработку в Афганистане нефти, драгоценных металлов, а также хромовой руды.

Все это говорит об усилении экономического проникновения в Афганистан американского финансового капитала, преследующего далеко идущие экспансионистские цели.

БЫТ И НРАВЫ ЗА РУБЕЖОМ

БЕЛЫЕ РАБЫ В АМЕРИКАНСКОМ ТОРГОВОМ ФЛОТЕ

Странные дела творятся в районе Саутстрит в Нью-Йорке. Поздним вечером здесь можно увидеть, как здоровенный детина тащит под руку сильно захмелевшего матроса. У одного из домов «проводник» стучит в дверь. Передав пьяного каким-то субъектам и получив установленную мзду, детина отправляется на поиски нового «клиента». Он будет обходить ночные кабаки и прочие увеселительные места, где можно подобрать пьяного моряка, готового во хмелю подписать любую бумажку, в том числе контракт на работу на торговом пароходе. Этими уголовными операциями занимается в районе Саутстрит специальное «агентство». Оно получает от пароходных компаний по 12 и более долларов комиссионных за каждого «законтрактованного» таким образом матроса.

Очутившись в открытом море, пойманный в сети матрос обнаруживает, что он находится на американском пароходе, но на мачте почему-то развевается флаг Панамы или, скажем, Гондураса. Рядом с собой он видит английских, норвежских, греческих, португальских матросов, завербованных тем же способом, как и он сам. Жаловаться на мизерную плату, плохую пищу и зверское обращение он может разве что панамским властям, если только пароход когда-либо появится у берегов этого государства.

Журнал «Нэйшэн» отмечал, что в результате махинаций американских судовладельцев в Панамской республике, при населении в 600 тысяч человек, числится торговый флот в 1500 единиц!

«Приписывая» свои суда к какой-либо «банановой республике», американские пароходные компании убивают сразу двух зайцев: превращают «законтрактованных» матросов в белых рабов и заодно уклоняются от уплаты налогов американской казне.

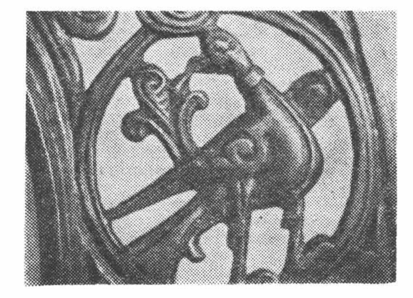
Эти темные проделки происходят не во времена «классических» морских пиратов, а в наши дни, когда пропаганда США наперебой рекламирует «американский образ жизни».

Ремесло древней Руси

Н. Н. ВОРОНИН,
доктор исторических наук

В 1866 году в Петербурге вышла книга историка Н. Аристова «Промышленность древней Руси». Она содержала письменные сведения о русском ремесле с древнейших времен до XV века. Скудость собранных данных привела Аристова к неутешительному выводу.

«Истрачивая свой труд почти исключительно на добывание тех

Деталь бронзовой арки работы мастера Константина (XII век).

произведений, какие давала природа страны, наши предки,— с горечью писал он,— не имели ни времени, ни уменья на их обработку и в сыром виде пускали их в оборот... Истрачивая время и силы на черную разработку широкой и скупой страны своей, русский народ, естественно, не в состоянии был быстро двигаться по пути цивилизации в древнюю пору...»

Сочинение Аристова надолго утвердило глубоко ошибочные представления о русском ремесле и ремесленниках. Буржуазно-дворянская наука, равнодушная к судьбам трудового народа, создателя материальных основ жизни, не возвращалась более к пересмотру этого важнейшего вопроса. Напротив, идея об извечной «отсталости» древней Руси прочно вошла в обиход прописных истин.

Даже яркий и многоликий мир подлинных древнерусских вещей, открытый первыми археологическими раскопками, не поколебал эти извращенные взгляды. Большинство найденных предметов упорно считали привозными. Предполагалось, что якобы только торговля с иноземцами двигала русскую культуру, а на долю русских мастеров доставались глиняные горшки.

Угодливые низкопоклонники перед иностранщиной рисовали древнюю Русь ареной, где скрещивались и господствовали разнообразные внешние «влияния». Такая позорная, холопская лжетеория могла существовать лишь в царской России. Этой «теорией» пользовались и пользуются зарубежные враги великого русского народа, враги Советской страны, грязные фальсификаторы истории. Они стремятся очернить и опорочить наш народ, подорвать его любовь к Родине, его чувство национальной гордости.

Вот почему огромное значение имеет далекая, казалось бы, от современности книга профессора Бориса Александровича Рыбакова «Ремесло древней Руси», удостоенная Сталинской премии 1-й степени. Она дает бой взглядам об отсталости и несамостоятельности древнерусской культуры и об отсутствии на Руси своей развитой ремесленной промышленности.

Каждая страница фундаментального труда — метко нацеленный удар по застарелым антипатриотическим предрассудкам, удар сокрушительный и неотразимый, ибо каждое положение обосновано огромным количеством фактов. Книга Рыбакова — крупная победа передовой советской археологической науки, одержанная в борьбе с реакционной идеологией космополитизма.

Автор поставил перед собой подлинно богатырскую по размаху и смелости задачу—воссоздать историю русского ремесла на протяжении тысячелетия — от его истоков в IV веке и до образования Русского национального государства в XV столетии. Б. А. Рыбаков изучил гигантский археологический материал в музеях Советского Союза, где хранятся коллекции вещей, извлеченных из 20 тысяч курганов, и богатые собрания ремесленных изделий, обнаруженных при раскопках древнерусских городов.

Он определил время, когда были сделаны вещи, заставил каждую заговорить, добился от нее ясного ответа. Например, удалось выяснить масштаб деятельности мелких деревенских ремесленников XI—XIII веков, иначе говоря, выделить вещи, сделанные одним мастером в одной литейной форме. Каждая отливка обладает микроскопическими особенностями, передающими те или иные дефекты литейной формы. Исследователь подверг кропотливому анализу литые вещи; для одной серии он сделал 93 тысячи сопоставлений, для другой — 58 тысяч. Так русский размах сочетался с математически точной новаторской методикой.

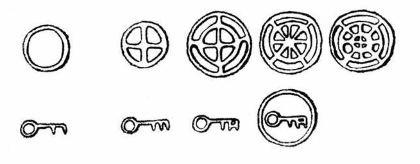
Однако Б. А. Рыбаков не ограничился этим. Он подкрепил свои выводы дополнительными данными, извлеченными из письменных, лингвистических, этнографических, изобразительных, литературных и иных источников, неустанно проверяя правильность своих заключений.

В первой части своего труда ему удалось показать, что еще до образования Киевского государства у славянских племен Поднепровья началось становление ремесла, традиции которого прослеживаются в IX — XIII веках. Следовательно, рост городов древней Руси шел не за счет внешней торговли, а вследствие развития отечественного ремесла; не отряды варяжских авантюристов создали древнейшую русскую культуру, а она имеет глубокие и прочные древнеславянские корни. Так вместо обветшавших и мешавших движению вперед антинародных представлений возникла подлинно научная концепция самостоятельности истоков русской культуры.

Наиболее ярки и увлекательны главы второй части, посвященные развитию ремесла в IX — XIII веках. Это—время великой Киевской державы и преемников ее культуры — городов феодальной Руси. Автор рисует широкую картину русского ремесла в городе и в деревне. Свое изложение он начинает со сложнейшей темы, показывая, как в глубинных уголках Руси трудились сотни деревенских ремесленников. Крошечные мастерские гончаров, кузнецов, ювелиров и других мастеров обслуживали не только свое село, но и ближайших соседей. Анализ клейм, которыми гончары метили свои изделия, позволил восстановить любопытный факт наследственности ремесла.

Иным было городское ремесло, разветвленное и специализированное. Оно насчитывало свыше 60 отраслей, часть которых дробится в свою очередь. Так, например, ювелирное дело представлено художественным литьем, кружевной филигранью и зернью, эффектной чернью, позолотой и инкрустацией, драгоценной эмалью. Немецкий монах, ученый X века, Теофил в трактате «О различных ремеслах» признавал, что Русь «в тщательности эмалей и разнообразии черни» превосходила мастеров других стран. И в ряде других отраслей древнерусское ремесло опережало техническую мысль Запада.

Б. А. Рыбаков разгадал технические приемы и производственные секреты древнерусских мастеров, показал всю их творческую изобретательность в создании новых методов работы, которые обеспечивали массовость и высокое качество изделий, появление элементов механизации производ-

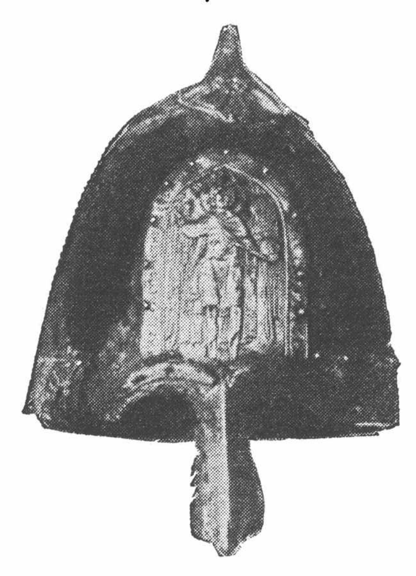

Клейма гончаров - ремесленников XI—XIII веков. Слева — древнейшая схема, далее — ее усложнение при переходе ремесла от отца к сыну.

ства. Ему удалось установить границы распространения изделий — обычно они расходились в радиусе ста километров, но некоторые находили сбыт на огромной территории.

Отвергая мрачные домыслы Аристова о том, что до XV столетия даже железные изделия якобы изготовлялись на Руси «иноземцами», Рыбаков раскрывает картину мощного развития русского ремесла.

Определена карта распространения болотных железных руд, служивших сырьем для древнерусских металлургов, кузнецов, оружейников. Эти мастера снабжали превосходными изделиями сельское хозяйство, вооружали русских воинов первоклассным оружием и доспехами. Их продукция славилась и за рубежами Руси — в Чехии, Польше, Херсонесе, Волжской Болгарии.

Шлем русской работы XIII века.

«Культура русских княжеств XI—XIII веков,— пишет Б. А. Рыбаков,— предстает перед нами высокоразвитой, полнокровной, блещущей изобретательской мыслью, быстро совершенствующей свою технику».

Третья часть книги посвящена периоду XIII—XV столетий — темной, мало изученной поре монгольского ига. «Перед русским ремеслом, — говорит автор, — открывалась такая же широкая дорога дальнейшего развития, как перед ремеслом североитальянских городов этой же эпохи. Монгольские завоеватели растоптали и расхитили эту цветущую культуру в момент ее наивысшего подъема». Б. А. Рыбаков приводит скорбный перечень исчезнувших отраслей ремесла, картину уничтожения производительных сил страны, угон в плен мастеров, разрушение русских городов.

Однако с середины XIV века начинается возрождение Руси, оживают ремесла в городе и деревне. Автор воссоздает картину сравнительно быстрого подъема, когда ремесло, частично повторяя пройденный до татарского нашествия путь, начало новый этап своей истории. Возникла сложная отрасль крупного литья: пушек, колоколов, металлических частей для соляного и мукомольного производств. Воскресло и прославившее древнюю Русь ювелирное искусство, создавшее новые превосходные произведения.

Росло политическое значение городских ремесленников, игравших важнейшую роль в классовой борьбе того времени и ставших крупной силой в образовании Русского национального государства...

Таково в общих чертах содержание превосходной книги Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси». Книга кладет конец злобным бредням об «отсталости» древней Руси и выбивает из рук наших врагов отравленное оружие клеветы. Огромной силой патриотического воодушевления, жаром любви к великому русскому народу и гордостью его многовековой культурой проникнут этот замечательный труд.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Свет с Востока

(О романе В. Ильенкова «Большая дорога»)

О смоленской деревне начала сороковых годов рассказывает недавно опубликованный роман В. Ильенкова. В нем повествуется о колхозном труде на смоленской земле и о победах передовой артели «Искра». Колхозные вожаки и рядовые труженики проходят перед читателем. Одни являются главными героями, другие — второстепенными и третьестепенными действующими лицами романа. Одни нарисованы художником сочно и ярко, другие даны беглыми штрихами. Литератора можно упрекнуть в том, что он несколько упрощает положения и ситуации.

Трудно поверить, например, в то, что два колхоза могут отличаться друг от друга, как небо от земли; что если в колхозе «Искра» уже явственно проступают черты и явления коммунистического века, то в колхозе «Веселый труд» бьют в глаза факты иного порядка.

«Шемякино спало. Спало не потому, что люди устали от работы, а потому, что сон был для них единственным способом одолеть длинную зимнюю ночь. Сумерки наступали в четыре часа дня, а рассветало в восемь утра — шестнадцать часов уходило каждый день без пользы. Молодежь топталась под гармошку в душной избе, но и это был сон, только более страшный — сон души».

Мы цитируем Ильенкова, но, право же, это больше похоже на Бунина! Есть, конечно, разные колхозы и разные люди, есть колхозы передовые и отстающие, но нет между соседними колхозами той полярной противоположности, какую рисует автор. И уж слишком затянулся у некоторых из его героев «сон души».

Этот схематизм, однако, искупается многими достоинствами романа. В. Ильенков написал книгу талантливую, умную, большую по идее. Эту книгу мы хотели бы назвать новаторской. Пожалуй, только у Ильенкова мы встречаемся впервые с фигурой крестьянина-интеллигента.

Николай Андреевич Дегтярев, председатель колхоза «Искра», является подлинно интеллигентным человеком по своему подходу к жизни и к людям, по своему умению осмысливать и обобщать явления быстротекущей действительности. Он не пришел в деревню с университетской скамьи, он вообще не покидал деревню. Сама деревня с ее новыми производственными и общественными отношениями, с ее новой, социалистической культурой была единственным университетом колхозного вожака. Изумительный процесс ликвидации противоположности между физическим трудом и трудом умственным происходит в советской деревне, и Николай Дегтярев, олицетворяя этот процесс, становится характерным представителем интеллигенции нового типа, подлинно народной интеллигенции. И нет ничего нарочитого и искусственного в том, что крестьянин Дегтярев, встречаясь с дипломированным ученым, академиком Куличковым, кое-чему учит последнего, и академик благодарит крестьянина за эту учебу.

Мы видим в романе В. Ильенкова крестьян, овладевающих наукой наук — наукой коммунистической партии.

«...Он прочитал и теперь снова перечитывал четвертую главу. Читал он медленно, потому что впервые в жизни он прикоснулся к тому, что всегда звучало для него непостижимой мудростью, — теория. Ум его привык иметь дело с конкретным, физически ощутимым миром, где всего занимало свое, раз и навсегда определенное место, где все ясно укладывалось в простой закон жизни: «Трудись честно!» Теперь он узнал, что к этой простой истине люди пришли через горы ошибок и предрассудков, через страдания и муки, через тысячелетия поисков правильной жизни, и пришли к истине, движимые непреложными законами общественного развития, так же неотвратимыми, как неотвратимо зима сменяется весной, а весна — летом.

Прочитанное Дегтярев проверял на опыте собственной жизни, и все удивительно верно и точно совпадало с тем, что было написано в книге. И мысль, что он, вчерашний мужик, сделал первый шаг из царства необходимости в царство свободы, наполнила его взволнованной радостью».

«Царство свободы» пришло в смоленскую деревню. Многие люди ее очистились от старой коросты мелкого собственника, единоличника, обитавшего в вековом «царстве необходимости». В романе В. Ильенкова говорится о «книге добра», которую ведет старый большевик Семен Семенович. Это летопись благородных дел и поступков деревенского жителя, свидетельствующих об утверждении новых, социалистических начал в деревне, о рождении в ней новой морали. Эту летопись продолжают и сам председатель колхоза Дегтярев, пришедший к мысли о помощи отстающему шемякинскому колхозу, и молодая колхозница Маша, пошедшая руководить звеном в этом отстающем колхозе и увидевшая свое «личное счастье» в «счастье всеобщем».

Носители новой морали в деревне — подлинно здоровые, полноценные, счастливые люди. Такими людьми являются герои романа «Большая дорога». Писатель, в полном соответствии с жизненной правдой, рисует этих людей в дни мира и в дни войны.

Герои романа ощущали, предчувствовали надвигающуюся военную бурю. Зимой в колхозе «Искра» собрались на праздник четыре брата Дегтяревых: председатель колхоза, генерал, мастер-металлург, лесник. Среди московских гостей — сын председателя колхоза, студент Московского университета Владимир и академик Викентий Иванович Куличков, выходец из Смоленской губернии. Эти люди рассуждают, философствуют, спорят.

«За завтраком Викентий Иванович сказал, обращаясь к Владимиру:

— Вы правы: сама история возложила на Россию великую миссию спасения человечества. Россия спасла Европу от татарского нашествия, загородив своим телом путь на Запад. Россия спасла Европу от Наполеона, пожертвовав сотнями тысяч своих лучших людей... Вивекананда — индус-философ, никогда не бывавший в России, — за тысячи километров ощутил ее могучую силу. Вивекананда сказал: «Спасение миру придет из России или совсем не придет никогда...» Вы правы — свет с Востока!

— Я не могу согласиться с вами, Викентий Иванович, — сказал Владимир, хотя ему было приятно, что академик заговорил на любимую его тему.— Вы исходите из какого-то мистического предопределения этой исторической миссии России, русского народа, «избранника божьего»... Это, конечно, чепуха. Вспомните, как русские войска подавляли венгерскую революцию, польское восстание... Нет, не всегда с Востока был свет. Но теперь мы действительно ведем человечество вперед, и не потому только, что мы русские люди, а потому, что мы строители нового мира, самого справедливого, самого человечного... Да, теперь мы вправе сказать: с Востока свет!»

Фашисты, ворвавшиеся на смоленскую землю, считали себя победителями, но уже в первые месяцы войны они были морально побеждены воинами нового и благородного века. Вместе с московскими ополченцами выступают на борьбу с захватчиками смоленские колхозники и колхозницы, проявляя в этой борьбе большую нравственную силу. Высокие идеи нового мира побеждают в серьезном испытании. Только эти идеи могли породить тот героизм советских людей, которым отмечены страницы военных летописей.

В романе «Большая дорога» мы видим, как становятся героями молодые и старые, мужчины и женщины, отцы и дети. В огне войны очищаются от былого груза люди, находившиеся в стороне от большой дороги нашего движения. Один из братьев Дегтяревых, лесник Тимофей, считался в своей семье отщепенцем. «Темный, нелюдимый, он, казалось, жил на земле для того, чтобы люди видели, что было бы с ними, если бы старая жизнь осталась непотревоженной». Тимофей идет в расположение врага и, выполняя боевое задание, погибает смертью героя, ибо и для этого человека дорога родная земля и советская власть, сделавшая его хозяином этой земли.

Погибают на войне, утверждая своей смертью торжество нового мира, студент Владимир Дегтярев, академик Викентий Куличков, генерал Михаил Дегтярев, колхозный пчеловод и поэт Шапкин, колхозная девушка Таня. Мы с душевным напряжением читаем волнующие страницы романа, посвященные их судьбам. Но светла наша печаль о погибших, и животворны наши мысли и думы об их судьбах. Смерть не властна над такими людьми, и бессмертно дело их рук и ума.

В. Ильенкова советский читатель давно узнал и полюбил за его книги о нашем времени и наших людях. Новый роман свидетельствует о растущем и крепнущем мастерстве талантливого писателя.

И. РЯБОВ

В. Ильенков. Большая дорога. Журнал «Октябрь» №№ 1 и 2 за 1949 год.

Сказания о нартах

Из иллюстраций народного художника Северо-Осетинской АССР М. Туганова к книге «Осетинские нартские сказания».

Издание большого свода осетинского богатырского эпоса — сказаний о нартах — крупное событие в нашей культурной жизни. Закончена многолетняя работа по собиранию, записи и обработке устных сказаний и песен, и теперь мы имеем героический эпос, повествующий о подвигах нартов, и на осетинском и на русском языках. Нартские сказания обогащают сокровищницу народного творчества нашей Родины. Они должны быть поставлены в один ряд с армянским эпосом о Давиде Сасунском, узбекскими сказаниями об Алпамыше и в первую очередь с великолепными циклами русских богатырских былин.

Почти невозможно установить, когда возник осетинский эпос о нартах. Но в этих сказаниях звучат отголоски древнейших времен, поры родового общества. Сказания о нартах группируются вокруг нескольких древних родов, представители которых связаны между собой родственными отношениями.

Читая нартские сказания, мы входим в необычайно яркий и разнообразный поэтический мир. Недаром эти сказания называются осетинской энциклопедией: в них, как в чистом, ничем не замутненном зеркале, отражаются правдивые, жизненные черты быта свободолюбивых и мирных людей, любящих свой труд, но готовых в любую минуту встать на защиту родного края от злобных захватчиков.

Герои нартского эпоса — легендарные люди богатырского племени — не скроены безымянными певцами по одному образцу, а представляют собой правдиво и четко обрисованные характеры. Так в повествовании предстают мудрый старец Урузмаг, храбрый воитель, булатногрудый юноша Батрадз, рассудительная и добродетельная хозяйка дома Шатана, хитроумный и ловкий Сырдон и многие другие нарты. Они ведут борьбу со злыми силами, грозящими гибелью их народу. Эти силы олицетворены в образах одноглазых великанов — уаигов, злых духов — кадзиев, и вражеских князей — алдаров.

И в том, как в нартском эпосе изображается эта борьба, явственно выступают идеалы народной мудрости. Нартский богатырь прежде всего любит свою родину и свой народ. Он не хочет склонить голову не только перед врагом, но и перед богом: «Двери своих жилищ мы строим высокие, иначе, переступая порог, пришлось бы наклонять голову, и бог подумал бы, что это мы ему кланяемся».

Нарты наделены неукротимой волей к борьбе с врагами, к подвигам. По нартскому сказанию, бог предложил богатым выбор: вечную жизнь без славы или гибель со славой, — и нарты предпочли последнее. Они готовы в любую минуту погибнуть со славой, сражаясь против врагов-насильников. Совершая нечеловеческие подвиги, нарты смертны, подобно всем людям.

Мифологическая основа нартского эпоса сложна и противоречива. Это объясняется тем, что за долгие века его существования видоизменялись и наслаивались различные взгляды и верования народа, шедшего от многобожия к вере в единого бога. Вот почему в нартском эпосе много сказочных, сверхъестественных сил, мелких божков и покровителей, которые активно вмешиваются в жизнь нартов, помогают отважным богатырям в их доблестных действиях, участвуют в их пирах, выступают в качестве сватов. Однако фантастический фон повествования и сказочный характер эпоса не противоречат его реалистической основе. Высокая человечность пронизывает все действия нартских богатырей, которые являются воплощением лучших черт народного характера.

Юрий Либединский сделал прозаический перевод нартских сказаний. Писатель хорошо усвоил эпический стиль повествования и сумел сохранить живость речи и яркость образов подлинника. Богатство народной фантазии раскрывается в нартских сказаниях и увлекает читателя, любящего народное творчество.

Ал. ДЕЙЧ

Осетинские нартские сказания. Перевод с осетинского Юрия Либединского. Вступительная статья К. Д. Кулова. Государственное издательство Северо-Осетинской АССР. Дзауджикау. 1948.

Коротко о новых книгах

Ф. Н. САМОЙЛОВ. ПО СЛЕДАМ МИНУВШЕГО. С предисловием Ем. Ярославского. Издание второе, дополненное. Государственное издательство политической литературы.

Записки старого большевика рабочего-революционера Федора Никитича Самойлова относятся к тем минувшим годам, которые никогда не умрут в памяти благодарных поколений. Автор рассказывает о деятельности большевистской организации города Иванова накануне и в период первой революции. Он рассказывает также о работе фракции большевиков в IV Государственной думе, депутатом которой он был, о суде над фракцией, ссылке и жизни в Сибири. В мемуарах приведены воспоминания автора о его встречах с товарищами Лениным и Сталиным.

ЖОРЖ СОРИА. СТАНЕТ ЛИ ФРАНЦИЯ АМЕРИКАНСКОЙ КОЛОНИЕЙ? Перевод с французского. Вступительная статья Д. Мельникова. Издательство иностранной литературы.

Книга французского журналиста Жоржа Сориа вышла во Франции в мае прошлого года, но время лишь усилило его разоблачения легенды о так называемом «американском бескорыстии» в планах «помощи» Европе. Показывая механизм экономического подчинения Франции Соединенным Штатам Америки, автор раскрывает и те внутренние демократические силы своей страны, которые помогут ей избавиться от судьбы американской колонии.

Лауреат Сталинской премии Е. В. ВУЧЕТИЧ. Скульптурный портрет Героя Социалистического Труда **Назарали Ниязова**.

ИЗ СОБРАНИЙ ЭРМИТАЖА

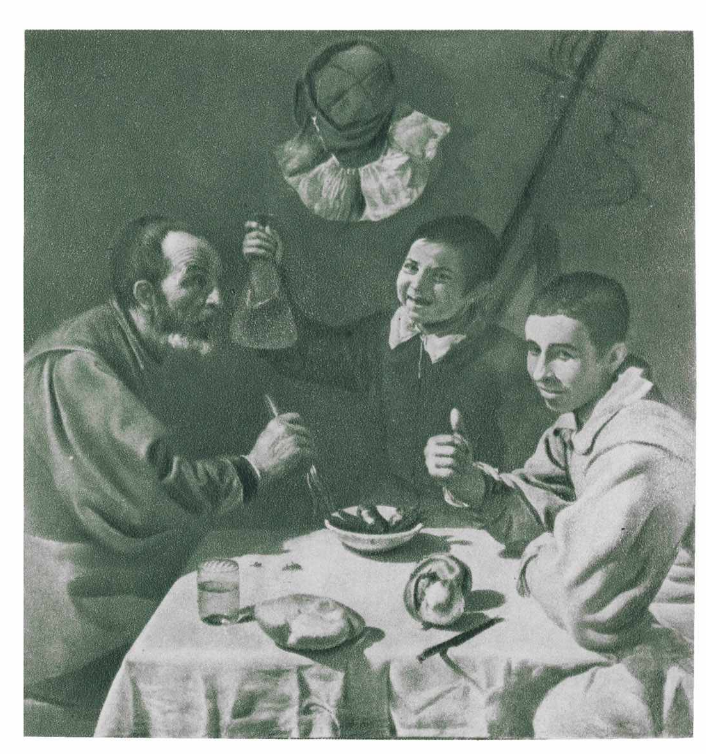
«РЫБНАЯ ЛАВКА». Картина фламандского художника Франса Снейдерса (1579—1657).

«ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА». Картина голландского художника Рембрандта ван Рейна (1606—1669).

ПОРТРЕТ СТАРУХИ. Картина голландского художника Рембрандта ван Рейна (1606—1669).

«ЗАВТРАК». Картина испанского художника Диего Веласкеса (1599—1660).

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

Н. ЖУРАВЛЕВ

В Америке додумались до нового применения бессмертных картин Леонардо да Винчи. Штат Калифорния, в котором расположен Лос-Анжелос с Голливудом, праздновал в апреле этого года сто лет со дня своего основания.

Директор музея в Лос-Анжелосе Валентинер вспомнил, что во всем мире существует немногим больше десяти картин Леонардо да Винчи и две из них — «Мадонна Литта» и «Мадонна Бенуа» — находятся в Ленинграде, в Государственном Эрмитаже.

Предприимчивый американец разослал письма во все музеи Европы, где имеются полотна Леонардо: так, мол, и так, вышлите нам вашего Леонардо да Винчи по случаю юбилея нашего штата.

Одно из таких писем было получено и Эрмитажем.

Мы не удивимся, узнав, что полотна Леонардо да Винчи спешно отправлены из музеев капиталистических стран на юбилей Калифорнии. Маршаллизированные европейцы не смеют отказать в чем-либо своим американским хозяевам.

В последнее время музеи буржуазной Европы вообще сильно «американизируются». Чтобы угодить заокеанским посетителям и привлечь их, распорядители западноевропейских музеев прибегают к невероятным трюкам. На полотна величайших мастеров прошлых веков направляются цветные прожекторы. Скульптурные изображения драпируются в современные ткани и также освещаются переменным светом цветных прожекторов. И все это только затем, чтобы Рембрандт, Рубенс и Рафаэль не показались господам американцам слишком однообразными! Кто посмеет протестовать против того, что дешевая иллюминация, предпринятая ради развлечения современных дикарей с чековыми книжками в карманах, искажает рисунок, цвет, свет на полотнах величайших художников?

Нет, мы не удивимся, узнав, что сокровищницы Европы поспешили выслать на юбилей штата Калифорния бесценные произведения Леонардо да Винчи. Другое отношение встретило предложение Валентинера в Эрмитаже.

Директор Эрмитажа академик И. А. Орбели сообщил в своем ответе, что «Эрмитаж не усматривает никакой логической связи между юбилеем Калифорнии и устройством по этому поводу международной выставки, посвященной творчеству Леонардо да Винчи».

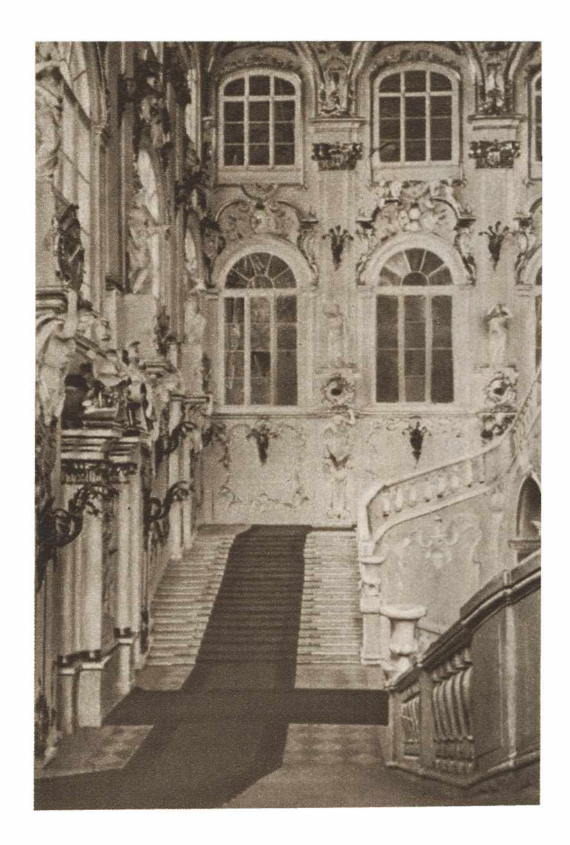
В письме Орбели сказано также, что Эрмитаж не мог бы даже на время расстаться с полотнами Леонардо да Винчи, так как «общественность Советского Союза проявляет к этим картинам большой интерес».

За один только 1948 год почти миллион человек смотрел и изучал эти картины, так же как и другие сокровища музея. Большинство этих людей не только осматривали залы Эрмитажа. Они внимательно слушали лекции об искусстве.

Теперь Эрмитаж, после того как ему был предоставлен весь Зимний дворец стал самым большим в мире музейным зданием. Два миллиона ценнейших памятников культуры и величайшие произведения живописи хранятся в более чем трехстах его залах. Здесь можно изучить историю развития культуры и искусства всех времен и народов, начиная с истории первобытных культур. Полнее, чем где-либо в мире, представлен в музее Восток. Греция, Рим, античные поселения на юге нашей страны воскресают в античных залах Эрмитажа. Среди произведений живописи и скульптуры западноевропейских стран — творения величайших художников мира: Леонардо да Винчи, Рафаэля, Тициана, Тинторетто, Микель-Анджело, Рембрандта, Рубенса, Ван-Дейка, Иорданса, Снайдерса, Гальса Пуссэна, Миньяра, Буше, Фрагонара, Гудона, Веласкеса, Мурильо, Сурбарана и т. д. Уникальные произведения выставлены в громадных залах фарфора, серебра, шпалер, мебели.

Октябрьская революция сделала эту мировую сокровищницу достоянием народа. И с той поры продолжался непрерывный рост Эрмитажа. Ныне он крупнейший в мире музей.

Для гитлеровцев Эрмитаж был «военным объектом». 32 артиллерийских снаряда и 2 фугасных авиабомбы нанесли великолепному зданию, созданному величайшими русскими зодчими, тяжелые ранения. Достаточно сказать, что, восстанавливая Эрмитаж, пришлось вставить 22 тысячи квадратных метров оконных стекол. Отопительная система вышла из строя. Иней покрывал драгоценную лепку потолков. Коробились стены, с которых, к счастью, картины были во-время сняты и эвакуированы далеко на Восток. Горы мусора, битого стекла, щебня лежали на чудесных паркетах. Многие галлереи, главный вход со знаменитыми мраморными атлантами, сказочной красоты Иорданская лестница работы Растрелли были изуродованы, разбиты. Сейчас, глядя на фотографии разрушенных залов Эрмитажа, воспринимаешь восстановление этого здания как чудо.

Иорданская лестница в Государственном Эрмитаже — творение зодчего В. Растрелли.
Фото С. Иванова

Гордость англичан — прославленный Британский музей — в дни войны пострадал куда меньше, чем Эрмитаж. Сравнивать разрушения Британского музея с разрушениями нашего Эрмитажа все равно, что сравнить легкий укол булавки с действием разрывной пули. И тем не менее советский Эрмитаж не только полностью восстановлен, но даже расширился: для обозрения открыто в нем больше залов, чем до войны. А знаменитый Британский музей в Лондоне сумел открыть только небольшую часть своих залов. Значительная часть его окон, все еще забитых фанерой, красноречиво свидетельствует о судьбе культуры в маршаллизированных странах Европы.

...Мы сидим в кабинете директора Эрмитажа. Академик Иосиф Абгарович Орбели восхищенно рассказывает о посетителях Эрмитажа:

— Был у нас один такой лектор, до войны считали его любимцем публики. Как экскурсия, так его подавай. Популярно читал, но все больше громкими фразами отделывался. А сейчас и слушать его не хотят. Не удовлетворяются общими фразами, серьезный анализ требуют! За годы войны наш народ стал еще культурнее. Люди мыслят глубже, чувствуют тоньше. И знать еще больше хотят. Вот ведь какой народ!

Слушая академика Орбели, я невольно вспоминал корреспонденцию в «Британском союзнике», в которой хвастливо говорилось о том, что английские рабочие и работницы имеют возможность в свои выходные дни развлекаться верчением на «гигантских» колесах. Советский рабочий счел бы себя оскорбленным, если бы ему предложили подобную «программу» на его выходной день. Возможно, конечно, что точно так же какой-нибудь научный сотрудник Британского музея счел бы себя оскорбленным, если бы ему предложили читать лекции об искусстве или по истории культуры в цехе завода во время обеденного перерыва или в рабочем общежитии. А вот всемирно-известный советский ученый, стоящий во главе Эрмитажа, академик И. А. Орбели и его многочисленные сотрудники охотно читают такие лекции и гордятся тем, как их слушают в общежитиях и цехах. Прослушав лекторов и получив ответы на сотни вопросов, рабочие идут в Эрмитаж и изучают памятники культуры и произведения искусства.

Среди постоянных посетителей Эрмитажа — рабочие, учащиеся, солдаты и офицеры Советской Армии, экономисты, электротехники, народные судьи, кондукторы и вожатые троллейбуса и трамвая, домашние хозяйки, продавцы в магазинах, артисты, каменщики, педагоги, колхозники...

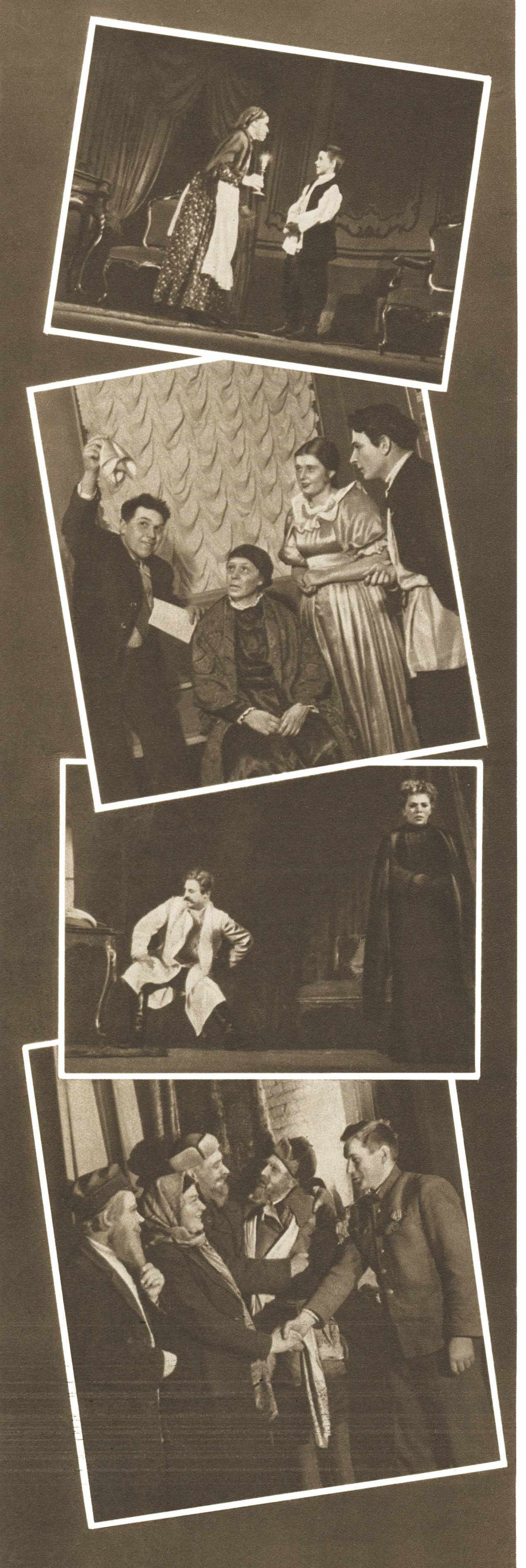
Недавно к дебаркадеру одного из ленинградских вокзалов подошел специальный поезд, все вагоны которого были заполнены колхозниками Мгинского района, Ленинградской области. Колхозники приехали в Ленинград только затем, чтобы побывать в Эрмитаже. Перед этим у себя в колхозах они успели прослушать цикл лекций по истории культуры. Лекции читали по их приглашению прибывшие из Ленинграда научные сотрудники Эрмитажа. Колхозники с интересом осматривали новый отдел — «Истории русской культуры» — с галлереей Петра I, выставкой «Культура России XVII века» и выставкой «Героическое прошлое русского народа».

Передо мной кипа фабрично-заводских газет города Ленина: «Трибуна кировцев», «Кировец», «Большевик», «Сталинская вахта» и другие. И в каждой из них статьи, письма, заметки, посвященные Эрмитажу.

Жаль, что Эрмитаж не издает хотя бы избранных мест из своей переписки со всей страной. Это была бы интереснейшая книга! Она дала бы наглядное представление о широте духовных интересов советского общества, о судьбе культуры в стране, строящей коммунизм.

Откуда только не пишут советские люди в адрес Государственного Эрмитажа! Пишут Скороглядов из села Занадворка, Барабинского района, Приморского края; служащий А. Соколов из Краснотурьинска; Дмитрий Заксар из села Диппы, Комсомольского района, Хабаровского края; учитель Ласточкин из Усть-Камчатска; сотни людей из сел и городов, ближних и дальних, пишут в Эрмитаж, интересуясь различными вопросами истории искусств и культуры, просят выслать им те или иные издания Эрмитажа.

И за всем множеством писем встает образ рядового советского человека — строителя коммунизма — с его многогранной духовной жизнью. Он — наследник и подлинный хранитель той мировой культуры, на которую потеряла последние права одичавшая буржуазия.

На сельской СЦЕНЕ

Недавно москвичи познакомились со спектаклями коллективов — участников смотра сельской театральной самодеятельности Московской области. Эти спектакли были отобраны из двух тысяч постановок, подготовленных в колхозных кружках и районных Домах культуры. В репертуаре смотра были лучшие пьесы советской драматургии: «Егор Булычев и другие», «Любовь Яровая», «Слава», «Нашествие», «Московский характер». Заслуженный успех постановок самодеятельного колхозного театра служит красноречивым доказательством богатства советского народа талантами, его любви к искусству.

...Марью Тимофеевну Карякину, колхозницу села Горы, Озерского района, пожилую женщину, с веселыми, живыми глазами и низким, грудным голосом, мы встретили после спектакля «Гости в Стукачах» В. Овечкина, где она играла роль знатной доярки Василисы.

— Вы спрашиваете, с чего началась моя дружба со сценой? — сказала она. — Смолоду я очень робела. Бывало, на собраниях женщины смело выходят, обо всем с народом говорят. Я же боялась рот раскрыть, дух от страха захватывало. А мыслей у меня множество скопилось, очень хотелось о новой, советской жизни и свое слово сказать. В нашем селе учитель Николай Николаевич Покровский образовал тогда из молодежи кружок и начал ставить спектакли для крестьян. Пришла я в кружок и попросила роль мне какую-нибудь дать: может, я храбрости наберусь. Посмеялись надо мной ребята, а роль дали. Было это лет тридцать назад, с тех пор я и играю. В пьесах Островского, почитай, всех купчих да свах переиграла, Квашню в пьесе Горького «На дне» играла, госпожу Мерчуткину в «Юбилее» Чехова, Кабаниху в «Грозе». Театр я полюбила всей душой и детям эту любовь передала. Недавно моя дочь в пьесе Островского роль Липочки хорошо исполнила, так вся наша семья радовалась! А зять мой — главный гример в кружке, без него ни один спектакль не обходится.

В Горском колхозном самодеятельном театре сейчас около шестидесяти участников. Тракторист А. Смирнов — душа коллектива. Он хороший исполнитель характерных ролей, постановщик и режиссер, любовно обучающий новичков. Свой театральный опыт передают молодым и А. Деев, игравший еще тридцать лет назад Ляпкина-Тяпкина в «Ревизоре», и старейшая учительница М. Карякина, организовавшая вместе с Н. Покровским этот кружок. Престарелый учитель и сейчас — лучший друг сельского театра. Колхозный театр села Горы любят во всем районе. Постановку «Гости в Стукачах» коллектив показал в одиннадцати отдаленных колхозах и несколько раз в районном Дворце культуры.

Поэтический спектакль «Бедность не порок» создал коллектив села Любичи, Луховицкого района. Простые и глубокие чувства героев Островского, их образная речь, задушевные народные песни — все это искренно передавали исполнители.

Татьяна Михайловна Попова, бывшая колхозница, а ныне заведующая сельской библиотекой, руководит Любичевским самодеятельным театром с 1920 года. Талантливая исполнительница, прекрасный организатор и режиссер, она воспитала три поколения самодеятельных артистов.

В спектакле «Бедность не порок» участвовали пчеловод В. Ушаков (Яша Гуслин), парторг колхоза А. Сушилин (Африкан Саввич), заведующий клубом В. Слукин (Гордей Торцов). До недавнего времени их родители также были активными участниками этого же кружка.

— В нашем селе что ни дом, то династия артистов,— шутит Татьяна Михайловна,— от отца к сыну переходят талант и любовь к театру.

Московский Художественный академический театр имени Горького шефствует над сельской самодеятельностью Дмитровского района. Артисты А. Гузеев, Н. Ковшов, подолгу живя в колхозе, помогли режиссерам-общественникам подготовить спектакли.

В Москве степановский сельский кружок (Дмитровский район) показал отлично подготовленные сцены из спектакля «Не все коту масленица».

Соревнуясь со старыми, опытными колхозными театрами, на смотре с успехом дебютировали молодые, недавно организованные кружки. Свою первую постановку показал кружок колхоза «Труд» (Загорский район) — пьесу А. Луковского «На страже безопасности». Колхозники Спас-Заулковского сельского клуба (Клинский район) подготовили спектакль «Пути-дороги» Г. Федорова; драматический коллектив Дома культуры Ленинского района сыграл пьесу В. Семенова «Там, где не было затемнения».

Смотр закончился. Началась весенняя страда. Колхозники вышли на поля, и среди них наши знакомые, участники спектаклей. Летними вечерами, после рабочего дня, в полевом стане зазвучат стихи Пушкина, Маяковского и широко разольется окрест советская песня.

Ф. ПЕЩАНСКАЯ.

Сцена из спектакля «Бедность не порок» в исполнении коллектива Любичевского сельского клуба (Луховицкий район). На снимке: Арина — заведующая библиотекой Т. Попова, Егорушка — ученик пятого класса Шура Гридин.

Председатель шефской комиссии МХАТ артист М. Баташов проводит репетицию пьесы «Не все коту масленица» в подшефном драматическом кружке Степановского сельского клуба (Дмитровский район). На снимке: артист МХАТ М. Баташов, колхозница С. Тюльнева (Феона), медицинская сестра Е. Лукичева (Агния), колхозник П. Круглов (Ипполит).

Драматический кружок Нижне-Мячковской избы-читальни (Раменский район) показал на смотре шутку Чехова «Медведь». На снимке: заведующий избой-читальней А. Еремичев в роли помещика Смирнова и колхозница А. Соловьева в роли помещицы Поповой.

После спектакля драматического коллектива Горского сельского клуба (Озерский район) «Гости в Стукачах» парторг колхоза пришел поздравить товарищей с успехом. На снимке (слева направо): тракторист А. Смирнов, колхозница М. Карякина, бухгалтер А. Деев, колхозник В. Савинов, парторг А. Аксенов.

Фото Э. Гутгарца и В. Евграфова

„Ревизор" в Малом театре

«...—Видели ли вы «Ревизора»?— вот вопрос, несколько недель тому назад повторявшийся по Москве, — и в гостиных, и в гостиницах, и на перекрестках уличных, и на прогулках загородных... «Ревизор» разбрелся отдельными сценами по всем закоулкам Москвы...»— писал Белинский вскоре после первого представления гоголевского «Ревизора» в Малом театре, состоявшегося 25 мая 1836 года.

А в этот день Гоголь, удрученный недавней премьерой «Ревизора» в Александринском театре, жаловался из Петербурга:

«Ревизор» сыгран, и у меня на душе так смутно, так странно... Мое же создание мне показалось противно, дико и как будто вовсе не мое... никто не знает и не слышит моих страданий... мне опротивела моя пьеса...»

тельной соли гоголевского шедевра, в котором, по выражению его создателя, единственный положительный персонаж — смех.

Русская демократическая интеллигенция с триумфом приняла комедию, вознесла ее на щит, как действенное орудие борьбы против николаевской реакции.

Реалистическая сатира, беспощадно бичевавшая бюрократический произвол с его хищениями и взятками, сильно возмутила всех «бравших и дававших» из официальных чиновничьих и реакционных кругов. Они считали пьесу дерзким, антиправительственным выпадом.

Созданная вокруг «Ревизора» злобная шумиха побудила впечатлительного Гоголя уехать из России. После длительных творческих поисков он дополнил пьесу некоторыми сценами и закончил

Гоголь, боровшийся против засорения русской сцены мелкой развлекательной иностранщиной, требовал от театра самобытности, народности, неприкрашенного изображения русской действительности.

«...Ради бога, дайте нам русских характеров, нас самих давайте нам! Наших плутов, наших чудаков! На сцену их! На смех всем! Давайте нас самих!..» — взывал он.

Свыше столетия продолжается яркая сценическая жизнь «Ревизора». Незабываемы страницы, вписанные в ее историю Малым театром, шесть раз ставившим комедию, из них четыре — в советские годы. Ведущие мастера всех поколений Малого театра успешно исполняли основные и эпизодические роли «Ревизора». В предпоследний, пятый раз эта

и намека на карикатурность или преувеличения, и поэтому пленяет искрящейся правдой.

Вся галлерея типических лиц — от основных и до последних — ожила в подлинно художественных, запоминающихся сценических образах.

И. Ильинский в чудесно сыгранном пустейшем «ревизоре», с его «легкостью в мыслях необыкновенной», обобщил всю тронутую тленом дворянскую хлестаковщину николаевской поры.

Ф. Григорьев воплотил в характерном стяжателе-городничем все продажное управление крепостной Руси.

Очень хороши Бобчинский — Н. Светловидов, смотритель училищ Лука Лукич — А. Сашин-Никольский, Осип — Н. Шамин, судья Ляпкин-Тяпкин — А. Ржанов, Земляника—Н. Рыжов, почтмейстер-

Заключительная сцена.

Фото А. Горнштейна

Актеры, не поняв истинного смысла гениальной комедии, разыграли ее приемами привычного водевиля. Но и московская постановка, спешно подготовленная, без участия Гоголя, не была безупречной. Спектакли вызревали и шлифовались уже в процессе дальнейшей творческой работы.

Отдельные недостатки обеих премьер не помешали, однако, их успеху и выявлению обличи-

в 1842 году шестую, последнюю ее редакцию, наиболее совершенную по психологической правдивости, сатиричности и блестящей реалистической форме. «На зеркало неча пенять, коли рожа крива», — красноречиво утверждал эпиграф к этому окончательному тексту, запрещенному к постановке вплоть до 1870 года.

Сюжет комедии не вымышлен: он был рассказан Гоголю Пушкиным как достоверное событие.

комедия была поставлена в 1938 году. Недавно показанная шестая постановка осуществлена В. Цыганковым и красочно оформлена по эскизам декораций художника Д. Кардовского, сделанным к постановке 1922—1923 года.

Вновь прочитанная гоголевская сатира, обогащенная социалистическим реализмом, остро сыграна на старейшей нашей сцене. Выдержанный в духе памятных указаний Гоголя, спектакль лишен

В. Савельев. Сочный образ жены городничего Анны Андреевны создала В. Пашенная; искренно, непосредственно играет молодая актриса О. Хорькова роль Марии Антоновны.

Бессмертный «Ревизор» снова убедительно продемонстрировал незыблемость высоких реалистических традиций в доме Щепкина — Островского.

И. ЗЛОТНИКОВА

Портрет героя

В фондах Государственного Русского музея в Ленинграде хранится около двух тысяч рисунков и акварелей князя Г. Гагарина (1810—1893), известного художника-любителя и исследователя византийской культуры.

В период с 1859 по 1872 год Гагарин был вице-президентом Академии художеств. Как рисовальщик, он обладал незаурядными способностями. В собрании гагаринских рисунков особенное внимание искусствоведов привлекал небольшой набросок. На нем изображены трое мужчин, мирно беседующих в кают-компании за чашкой чая. Интерес к этой зарисовке, выполненной с натуры, неудивителен, ибо кудрявый, щеголеватый мужчина, сидящий слева,— это великий русский живописец Карл Брюллов, а молоденький капитан, рядом с ним,— Владимир Алексеевич Корнилов, будущий адмирал, герой Севастопольской обороны.

История рисунка такова.

Гагарин был учеником Брюллова. Он познакомился с ним еще в 1824 году в Риме, куда знаменитый живописец был послан на средства Академии художеств. Брюллов и Гагарин участвовали в любительской постановке фонвизинского «Недоросля». Князь играл Митрофанушку, а неутомимый Брюллов исполнял сразу две роли — Простакова и Вральмана.

С той поры Гагарин часто виделся с Брюлловым. В 1835 году он встретился с ним в Афинах. Гагарин уговорил художника направиться в Константинополь на парусном бриге «Фемистокл», которым командовал 29-летний Корнилов. На борту корабля Брюллов был в отличном расположении духа и восхитил экипаж своей находчивостью. В Дарданеллах, где встречный резкий ветер и течение задержали плаванье, Брюллов приметил, что в час заката устанавливается пятиминутный штиль и что около берега проходит узкая полоса относительно спокойной воды. В этот «пятиминутный перерыв» русское судно и обогнуло «коварные скалы», к зависти всех других иностранных судов, которые так и остались в проливе в ожидании перемены ветра.

20 лет спустя Гагарин опубликовал в закавказском альманахе «Зурна» воспоминания о Брюллове, в которых писал:

«Брюллов был необыкновенно оживлен и весел во время нашего морского путешествия. Здесь нарисовал он свой акварельный портрет вместе с портретами моим, капитана и всех офицеров брига».

Приглядимся к гагаринскому рисунку кают-компании, хранящемуся в Русском музее. За спиной Корнилова лист бумаги, на котором изображен морской офицер. Не это ли упоминаемый Гагариным портрет Корнилова работы Брюллова? Точный ответ на этот вопрос мог быть получен лишь в случае обнаружения брюлловского оригинала. Но местонахождение его оставалось неизвестным.

И вот недавно Государственная закупочная комиссия в Ленинграде приобрела портрет капитана.

В нижнем правом углу портрета подпись: «К. Брюллов. 1835. Августа 15. Бриг Фемистокл».

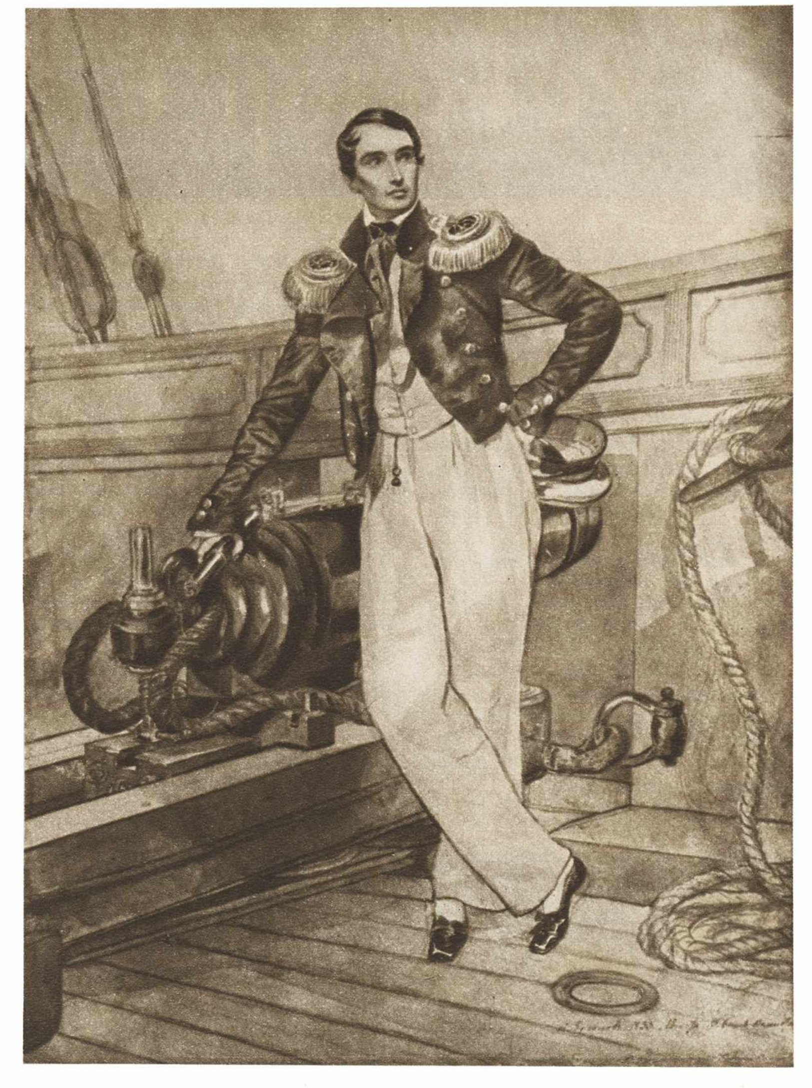
Портрет Корнилова находился в частных собраниях и сейчас, наконец, передан в Русский музей.

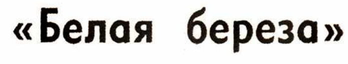
По технике исполнения это рисунок, искусно подцвеченный акварелью. Нежный оливково-голубой колорит несколько пожелтел от времени.

С гениальной простотой нарисовано волевое лицо. Глубоко посажены задумчивые глаза. Во всем облике Корнилова чувствуются спокойная сила, твердость, отвага. Орудие, на которое оперся капитан, направлено в ослепительную синеву моря. Пышет жаром раскаленная лазурь неба.

Портрет В. А. Корнилова — великолепное творческое достижение великого русского художника.

В заключение остается сравнить портрет с тем эскизным наброском, что изображен на рисунке Гагарина. Они идентичны, и нет сомнения в том, что Гагарин запечатлел начатую работу Карла Павловича Брюллова.

К. Брюллов. «Портрет В. Корнилова». 1835.

Г. Гагарин. «В кают-компании «Фемистокла». Слева направо: К. Брюллов, В. Корнилов, Г. Гагарин. 1835.

«Белая береза»

Мастер художественного слова Сусанна Магдесян выступила с чтением подготовленной ею композиции по роману М. Бубеннова «Белая береза». Созданный из монументального произведения литературный вариант, рассчитанный на двухчасовое исполнение с эстрады, несомненно, удачен. Автор композиции не только передал основную идею романа, но и сохранил самые значительные сцены, сюжетные линии главных героев.

В исполнении С. Магдесян много душевной теплоты. Артистка переносит слушателей в леса Подмосковья, на поля боев в суровую осень 1941 года. Она показывает людей, защищающих Родину, крепнущих, духовно растущих в испытаниях. Словно живые, возникают Андрей Лопухов, Матвей Юргин, комиссар Яхно, капитан Озеров — простые и вместе с тем величественные советские воины.

Исполнение Сусанной Магдесян романа «Белая береза» волнует и захватывает слушателей. Композиция одинаково интересна для тех, кто читал роман М. Бубеннова, и для тех, кому еще предстоит познакомиться с этим произведением.

Ф. П.

Мастер художественного слова С. А. Магдесян.

Знамя сильных

Евг. ВАСИЛЬЕВ

Фото О. Кнорринга

Экс-чемпион Тихоокеанского флота, рабочий мартеновского цеха, П. Волков.

В годы Великой Отечественной войны советский моряк Петр Волков попал на некоторое время в Сан-Франциско. Кроме воинского звания старшины первой статьи, он имел еще и высокий спортивный титул чемпиона по плаванию Тихоокеанского флота. Естественно, что советскому спортсмену, оказавшемуся в Америке, захотелось познакомиться здесь со спортом. Поэтому Волков и направился в один из крупнейших плавательных бассейнов Сан-Франциско.

В бассейне старшину сразу же удивило одно обстоятельство: никто из находящихся в воде пловцов не тренировался. Пловцы плескались, ныряли, делали короткие разминки, но ни один из них не упражнялся в стильном плавании, не занимался с тренером. Оказалось, что американские пловцы никогда не готовятся к соревнованиям публично, на виду у товарищей. Тренинг, его методы, предварительные результаты спортсмена — все это строжайшая тайна, в которую не должен проникнуть «конкурент». Такова одна из отвратительных сторон капиталистического спорта, с которой воочию познакомился Петр Волков.

В беседе с Волковым американцы высказали предположение, что там, где спорт не является хорошим бизнесом, вряд ли можно стать приличным пловцом. Тогда старшина первой статьи не выдержал, разделся и вошел в воду. Достаточно было ему проплыть излюбленным «кролем» несколько десятков метров, как лучшие тренеры Сан-Франциско многозначительно переглянулись и вынули секундомеры.

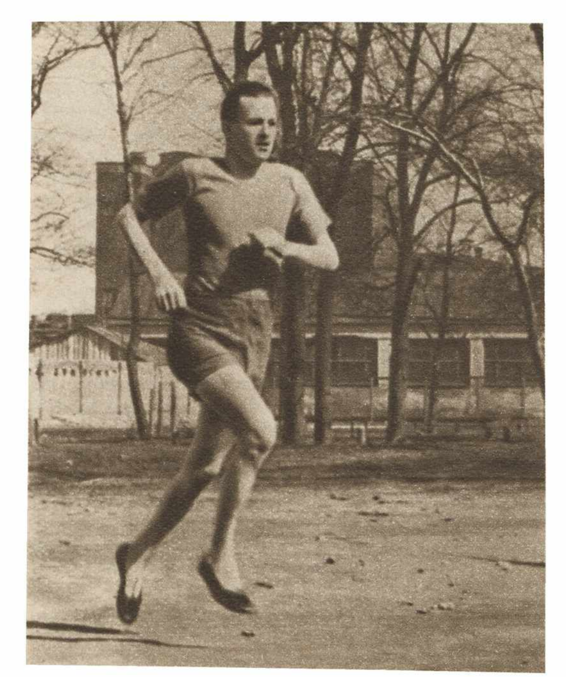
Волков вышел из бассейна, и его окружили плотным кольцом.

— Превосходно! У вас отличный стиль!.. А скажите, мистер Волков, где вы учились плавать?

— В Москве, в спортивном обществе «Металлург»,—отвечал «мистер», натягивая матросскую тельняшку.

— А где вы жили до войны? Где работали?

— В Москве же... На заводе «Серп и молот»... Подручным сталевара!

Инженер Н. А. Баранов на первой тренировке.

Снова раздались возгласы удивления. И слово «Металлург» — название русского спортивного клуба — передавалось из уст в уста.

Через полчаса Волков шагал в порт по улицам чужого, незнакомого города. Он вспоминал Москву, заставу Ильича, огромные корпуса родного завода. И вспомнил он еще самого себя, идущего в колонне заводских физкультурников. Колонна направляется к Красной площади, и над рядами спортсменов струится и рдеет оранжевое, цвета пламени знамя, на полотнище которого изображен ковш с льющимся из него металлом,—знамя спортивного общества «Металлург».

Петр Волков пришел на завод «Серп и молот» тринадцать лет назад, совсем еще юношей и стал учеником школы ФЗУ.

С замиранием сердца наблюдал Петя за работой огнедышащих мартенов и могучих прокатных станов, почтительно поглядывал на знатных сталеваров и вальцовщиков, с радостным трепетом входил в недавно отстроенный заводской клуб. Завод раскрывался перед Волковым все новыми сторонами своей техники, своего коллектива, всей своей жизни. И Петя Волков очень скоро узнал о спортивном обществе «Металлург», об успехах заводских футболистов и лыжников, пловцов и легкоатлетов, хоккеистов и городошников. А узнав, захотел и сам стать физкультурником. Он записался в юношескую команду секции плавания.

С детства Волков плавал неплохо. Но только тут, в юношеской команде, постиг он искусство стильного плавания. Уже через несколько месяцев Волков получил третий спортивный разряд. На следующий год он перешел из юношеской команды в мужскую и стал пловцом-перворазрядником.

Вскоре осталась позади школа ФЗУ, и Петр Волков был назначен подручным сталевара.

У мартеновских печей молодой рабочий-металлург защищал честь заводской марки, которой метят отлитую сталь, а на водяной дорожке он отстаивал спортивную честь заводского коллектива общества «Металлург». Все роднее, дороже становилась Волкову большая и славная спортивная семья, одетая в майки цвета пламени, полыхающего в цехе.

Но по-настоящему понял Волков, насколько сроднился он с «Металлургом», когда пришла пора расстаться со своим спортивным обществом: Волкова призвали на военную службу и направили во флот на Дальний Восток.

Сколько раз молодой матрос вспоминал водную станцию на Москве-реке, заводской стадион у Землянки, оранжевые майки! Как-то там у них? На какое место вышли пловцы «Металлурга»? Не сдают ли футболисты? Как дела у знаменитых городошников?

Волков пишет письма на завод, в совет общества, в свою секцию. Ответы радуют моряка: завод работает хорошо, немало новых успехов и у «Металлурга».

Однажды, уже на второй год военной службы, у Волкова произошла во Владивостоке замечательная встреча. На водной станции к нему подошел человек в одних плавках и заключил его в мощные, мускулистые объятия. Да кто это? Смотрите!.. Ведь это Дмитрий Агафонов! Металлурговец!.. Вместе работали в одном цехе. Вместе занимались в одной секции. Оказалось, что и Агафонов направлен во флот и служит на другом корабле. Радостная встреча! Сколько тут было у земляков-одноклубников воспоминаний о Москве, о заводе, о своем спортивном обществе!

Началась война. Петр Волков доблестно служил Родине. Ему пришлось избороздить много морей и океанов. Но нигде и никогда не забывал он своего завода. Бережно хранил Волков в матросском сундучке членский билет спортивного общества «Металлург».

Настали радостные дни Победы, демобилизация, сняты бушлат и фуражка с ленточками. Волков возвращается на родной «Серп и молот», в свой мартеновский цех и в общество «Металлург». Он снова защищает на водяной дорожке честь дорогого ему спортивного знамени, о котором с грустью вспоминал в далеком и чужом Сан-Франциско.

Но разве Волков один? Горячими патриотами своего спортивного общества, ревнителями его славы являются все, кто носит оранжевую майку.

У большинства металлурговцев спортивные занятия тесно переплелись с производственной и общественной работой. Спорт прочно вошел в их жизнь, в повседневный быт. Многие спортсмены, как и Волков, вместе со своим заводом и обществом росли, мужали, и заодно со спортивным мастерством приходило к ним искусство отличных сталеваров, вальцовщиков, слесарей, электроаппаратчиков.

Вот инженер Николай Андреевич Баранов. Он начальник передовой смены калибровочного цеха, руководитель молодежного политкружка, отличный лыжник, способный легкоатлет, организатор физкультурников.

Спортивные интересы Николай Баранов всегда сочетал с другими широкими и смелыми стремлениями советского человека. Семнадцать лет назад пришел он на «Серп и молот»

Люди советского спорта

Метростроевка Женя Честных

Эта девушка пришла на строительство четвертой очереди московского метрополитена, когда у Курского вокзала только еще начинали бить ствол шахты № 1.

Теперь в обе стороны от этой шахты уже проложены под Садовым кольцом тоннели, а на строительстве станции «Курская» работают мраморщики, отделывая стены нового подземного дворца. Евгения Честных может гордиться: в новой линии метро есть немалая доля и ее труда. Пятый год работает она на шахте камеронщицей, пятый год воюет со злейшим врагом метростроевцев — водой.

Женя Честных перед спуском в шахту.

Камерон—это водоотливная станция, состоящая из нескольких мощных электронасосов. Женя Честных управляет станцией, следит за работой насосов, регулирует их нагрузку. Тут надо быть внимательной и точной, действовать уверенно, хорошо разбираться в механизмах, знать все капризы подземных вод. Молодая камеронщица отлично справляется со своими обязанностями.

Когда Женя в высоких резиновых сапогах и теплом комбинезоне обходит насосы, никак не подумаешь, что эта девушка — отличная гимнастка: уж больно неуклюжей делает ее спецовка. Но взгляните на Евгению Честных во время занятий гимнастической секции в спортивном клубе Метростроя. Сколько в ней легкости! Сильное тело спортсменки ритмично взлетает над брусьями, выгибается на кольцах, балансирует над бумом...

Гимнастикой Женя начала увлекаться лет десять назад, когда еще училась в школе. Война прервала ее занятия. Но после войны Честных снова вернулась к гимнастике— теперь уже в спортивном обществе «Локомотив».

Ей понадобился не один месяц, чтобы вновь приобрести спортивную форму. Затем Женя начала выполнять все более сложные и трудные упражнения. С увлечением работала она над повышением своей спортивной квалификации, упорно добивалась четкости, точности, чистоты движений во всем гимнастическом шестиборье.

В конце 1946 года Евгении Честных присвоили третий спортивный разряд. Но она хочет совершенствоваться дальше и попрежнему посещает занятия секции. Комплексы гимнастических упражнений на снарядах становятся все сложнее, но все более сильной и ловкой становится от месяца к месяцу и камеронщица с шахты № 1. Начиная с 1947 года Евгения Честных без труда выполняет норму второго спортивного разряда.

Женя — не только гимнастка. Зимой она ходит на лыжах, летом играет в волейбол, бегает, плавает. Будучи спортсменкой, она в то же время и отличный организатор физкультурников. На своей шахте Честных — председатель низового совета спортивного общества «Локомотив».

Гимнастика для Жени Честных — лучший отдых.
Фото А. Бочинина

На шахте пятьдесят физкультурников. Они имеют футбольную и волейбольную команды, небольшую группу легкоатлетов. Есть среди них боксеры, городошники, пловцы.

В летнем спортивном календаре немало соревнований между низовыми коллективами физкультурников Метростроя.

— От других не отстанем и в спорте,— говорит Евгения Честных.— Не такая наша шахта, чтобы отставать!

М. ЕРЕМЕЕВ

новичком-теплотехником и сразу же вступил в лыжную секцию «Металлурга». Летом Баранов усиленно занимался легкой атлетикой. Его спортивная выучка постепенно росла. Но он хотел расти и как специалист и поступил в вечерний металлургический институт при заводе. Через три года он стал инженером.

Проходит еще несколько месяцев, и Баранова назначают начальником смены. Так же, как в цехе, он стремится к высокой производственной культуре; в лыжной секции он требует от товарищей культуры спортивной. Чем объяснить, что некоторые лыжники не занимаются легкой атлетикой? Почему недостаточно тщательно готовятся к гонкам?

Война. Николай Андреевич воюет на Брянском и на 2-м Украинском фронтах, служит в группе советских оккупационных войск. После демобилизации он возвращается на «Серп и молот», в тот же цех, на ту же должность. И почему так слаженно и ритмично работает теперь смена инженера Баранова, почему из месяца в месяц перевыполняет она план? Не потому ли, что почти все в смене занимаются спортом? Даже после ночной работы инженер Баранов прямо с завода ведет своих рабочих-физкультурников зимой на лыжную базу, а летом на стадион.

...Надежда Анисимова из электроцеха, обмотчица высокой квалификации, начинала в спорте с подготовки к сдаче норм на значок «ГТО». Теперь Анисимова — чемпион завода в беге на средние дистанции, физорг цеха, тренер-общественник. Спорт занял большое и важное место в жизни Надежды Анисимовой, сыграл значительную роль в духовном и физическом развитии работницы. Может ли она не гордиться после этого своим спортивным обществом, не любить и не ценить его?

Председатель заводского совета общества «Металлург», старый лыжник и футболист, В. Г. Григорьев показывает молодым физкультурникам призы, завоеванные коллективом.

Многочисленна на заводе старая гвардия спортсменов-металлурговцев. Знатный вальцовщик мастер спорта П. Строков и бригадир С. Любушкин, инженер Н. Бугров и работник заводоуправления В. Набатов, заместитель секретаря парткома мастер спорта К. Сиземов и электромонтер И. Леонтьев, рабочие Н. Поспехов и С. Кузьмин, десятки других футболистов и городошников, лыжников и легкоатлетов являются ветеранами физкультурного движения на «Серпе и молоте», первыми организаторами заводского спортивного коллектива. Свою любовь к «Металлургу», преданность ему, страстную заинтересованность в его успехах эта старая гвардия передает сотням молодых рабочих вставших уже в последние годы под оранжевое спортивное знамя.

В прошлом году городошники «Металлурга» завоевали всесоюзное первенство и установили новый рекорд, выбив 15 фигур двадцатью одной битой.

Весть об этом разнеслась по заводу с такой же быстротой, с какой узнают здесь о рекордной выплавке стали. Команду поздравляли дирекция и партком, в обеденный перерыв городошников качали, заводская газета «Мартеновка» посвятила им обстоятельную статью.

Традиционная весенняя эстафета вокруг территории завода привлекает тысячи зрителей.

На заводе «Серп и молот» любят спорт, хорошо его понимают, гордятся успехами металлурговцев, остро переживают их неудачи.

Но сколько неприязни, презрения вызвали к себе спортсмены, покинувшие завод и «Металлург» в поисках лучших «условий»! Впрочем, случаи таких переходов буквально единичны. Настоящие спортсмены кровно связаны с заводом, живут его интересами, дорожат его добрым именем. Во славу завода, на пользу ему повышают металлурговцы свое спортивное мастерство, свою физическую закалку.

...Началось спортивное лето. Все шумнее и многолюднее становится на стадионе и физкультурных площадках «Серпа и молота». Бегуны выходят на старт. Метатели берут в руки копья и диски. Городошники поднимают биту. Футболисты ждут сигнала начать игру. И сотни взволнованных лиц обращены к пламенеющему на ветру знамени, на котором из ковша льется металл,— к знамени сильных.

ПЕТУХ

Борис ЗУБАВИН

Рассказ

Рисунок Г. Валька

Я сидел у начальника цеха. Мы проверяли листы нарядов, когда вошел дядя Паша и спросил, как дела с его изобретением. Уж если что-нибудь взбредет ему в голову, так он не может успокоиться до тех пор, пока не добьется своего. Теперь он придумал какой-то круг, который мог заменить пятерых работниц, снимавших напильником фаску у деревянных катушек. Он уверял, что стоит поставить круг, который он выдумал, и на все это дело хватит одной работницы.

В цехе его все звали дядей Пашей. Он работал у нас токарем по дереву, был самым лучшим стахановцем и еще зимой закончил свою пятилетку.

— Так как же насчет моего изобретения? — спросил он.

Начальник цеха пожал плечами.

— Нечего было связываться с этим бризом,— проворчал дядя Паша.— Мы бы сами быстрее все сделали. Давайте-ка я лучше сам завтра приду и все сделаю.

— Верно, сделай-ка ты сам. Все-таки если на неделю раньше, так мы чуть не полтысячи рублей сэкономим.

— Так я выйду завтра и все сделаю,— сказал дядя Паша.— Пускай и монтеры тоже прямо с утра выходят.

Мы с ним жили в одной квартире. Вечером я слышал, как он объяснял своей старухе, зачем он в выходной должен поработать с полчасика на заводе.

— Другие мужики норовят по дому в выходной день помочь — накинулась старуха на дядю Пашу,— а тебя, ровно волка, все в лес тянет. Я день-деньской, как карусель, кручусь на ногах: и готовлю, и на базар бегу, и за птицей ухаживаю!..

Про птицу мы уже слышали от нее не раз. У нее было четыре курицы.

Кто-то сказал, что если бы у нашей старухи был еще и петух, то куры давно бы неслись. Старуха вбила себе это в голову и стала приставать к дяде Паше, чтобы он сходил на рынок и купил петуха.

Теперь, как только она заикнулась про свою птицу, дядя Паша сразу приуныл. Я тоже почувствовал, что дело его — дрянь и старуха сейчас опять начнет упрекать его этим несчастным петухом.

— Подождет твой петух,— хмуро заметил дядя Паша, которому, видно, начинало не нравиться все это.

Старуха удивленно раскрыла рот, у нее даже губа затряслась от негодования.

— Ка... как это подождет? — спросила она, подбоченясь, и, приняв воинственный вид, подошла к мужу.

— Недельку, говорю, потерпи,— испуганно поправился дядя Паша и тоскливо переступил с ноги на ногу.— Одну только недельку, мать!..

— Да ты знаешь ли, сколько яиц за ту недельку куры нанесут? Вот завтра пойдешь и купишь мне петуха. Нечего нам недельку ждать. Слышишь?

Утром я видел, как дядя Паша попробовал незаметно проскочить мимо старухи, пока она возилась на кухне. Старуха гремела посудой, склонившись над раковиной. Лопатки ее так и ходили под кофтой. Дядя Паша на цыпочках прокрался за ее спиной к двери и уже взялся было за ручку, как вдруг она окликнула его:

— Хотела бы я знать, куда это ты собрался!

При этом она даже не обернулась к нему и продолжала яростно тереть мочалкой тарелки, расплескивая вокруг раковины воду.

Он замер около двери.

— Я спрашиваю, далеко ли ты собрался? — повторила она.

— За петухом.

— Что же ты, как самый последний вор, крадешься мимо меня?

— Так ведь ты работаешь, матушка, чего же тебе мешать?

Она бросила мыть посуду и, вытирая руки о фартук, вразвалку подошла к нему.

— Вот что я тебе скажу: ты не финти у меня, не девчонка я тебе! — она оглядела его с ног до головы.— На дворе холод, а он крадется нараспашку, лыжник какой. Где кепка? — она выхватила у него кепку, которую он все еще держал за спиной, и надела ему на голову.

— Смотри, породистого выбирай! — говорила она, застегивая на нем пальто.— И не вздумай без петуха приходить. Я тебе устрою концерт почище, чем по радио, места себе не найдешь!

Прошло часов шесть, а дядя Паша все еще не возвращался.

Под вечер я вышел на улицу и около трамвайной остановки увидел дядю Пашу. Он старался сесть в трамвай, отправлявшийся в сторону птичьего рынка. Народу садилось много, мне захотелось узнать, уедет ли он, и когда он остался, я подошел и спросил:

— Куда ты собрался?

— За петухом,— сказал он, беспокойно оглядываясь.— Как там старуха моя?

— Ругается.

— Ничего,— сказал он, словно хотел успокоить меня,— сейчас я привезу ей петуха — перестанет ругаться.

— Где ты пропадал весь день? — спросил я.

— Да на заводе,— он нетерпеливо поглядел в ту сторону, откуда должен был появиться его трамвай.— Моторчик мне ребята живо поставили. Я ему на шкивок деревянный круг надел, оклеил этот круг наждачной бумагой, так теперь... — он подмигнул мне, засмеялся и опять посмотрел, не идет ли его трамвай.— Теперь вот только бы петуха купить! Я бы раньше на базар успел, да не терпелось попробовать, как у меня вышло.

— Хорошо вышло?

— Хорошо! Как прижмешь катушку, так фаска и готова, как прижмешь,— так готова. Знаешь, сколько я за два часа сделал?

Я не знал.

— Вот я тебя сейчас ошарашу,— сказал он.— Шестьдесят штук, вот сколько! Шестьдесят штук за два часа, стало быть, в день двести сорок,— больше, чем пять работниц! Видал? — он подмигнул мне, очень довольный тем, что так хорошо все у него вышло.— Теперь петуха бы только старухе купить! Поедем со мной петуха покупать,— предложил он.— Вдвоем-то мы быстрее купим.

И мы поехали.

На птичьем рынке торговля шла на убыль. Кое-где еще продавали коноплю, голубей. Мы обошли весь рынок. Петухов нигде не было. Парень, продававший старую, кривоногую собачонку, участливо спросил:

— Чего ищете?

— Петуха,— сказал дядя Паша.— Не видал ли, где тут петуха продают?

— Купи лучше собаку,— предложил парень.— Смотри, какая умная. Служи! — крикнул он собаке.— Служи, подлая!

— Мне петуха надо,— сказал дядя Паша,— а ты овчарку предлагаешь.

— Это не овчарка, а такса. Она премию имеет,— обиделся парень.

— Все равно,— решительно сказал дядя Паша.— Кур-то она мне топтать не будет, верно?

Пока мы разговаривали с парнем, на улице совсем смерклось, народ стал уходить с базара, и посреди большой площади, утоптанной за день сотнями ног, остались только голые столы. Днем вокруг этих столов шла веселая торговля синицами, гусями, морскими свинками, поросятами, собаками, золотыми рыбками, голубями, чижами и всяческой другой живностью для любителя. На базаре стало пусто и уныло, и длинные столы стояли, как нагие.

Вдруг мимо нас быстро прошел человек, держа в руках петуха.

— Стой! — закричал дядя Паша, бросившись вслед за ним.— Стой, друг любезный! Продаешь петуха?

— Продаю,—нерешительно сказал человек, останавливаясь.

Он глядел на нас недоверчиво, словно боялся, что мы шутим.

Но мы не шутили. Дядя Паша выложил ему денежки, и петух перекочевал к нам в руки. Это был большой, красивый, хотя и довольно костлявый петух.

— Породистый,— говорил дядя Паша, неся петуха.— Палевый. Старуха моя только такого и хотела. Такого или белого. Чтобы породистый был. Видал? Вот как надо оборачиваться: и дело свое сделал и петуха купил! — он весело подтолкнул меня локтем, а подмышкой у него спокойно сидел большой костлявый петух.

— Знаешь что, — предложил он,— давай-ка мы сегодня не будем показывать старухе петуха. Подсунем его к курам, а ей скажем, что на базаре не было петухов. Или нет, скажем, были там какие-то квелые. Тебе она поверит. Ну, поругается немного, ничего, но зато завтра пойдет она кур своих кормить, а там — петух! Сделаем?

К счастью нашему, старуха была так мрачна, что даже не стала разговаривать с нами. Открыв нам дверь, она тут же ушла в свою комнату. Дядя Паша, подсунул петуха в курятник и весело подмигнул мне.

В цеху его нехитрое изобретение всем понравилось. Он сам обточил при нас несколько катушек, и мы сразу поняли, насколько это действительно все просто придумано. Начальник цеха тут же распорядился, чтобы на съемке фасок теперь оставалось только по одной работнице, а остальных перевел на другой участок, где нехватало народу.

Мы обещали сэкономить до конца года сто тысяч рублей, и дядя Паша еще на собрании, где обсуждалось это дело, сказал, что чего-нибудь придумает, чтобы нам сэкономить побольше. Теперь у него все спрашивали, как это он додумался до такой простой штуки, и он каждому обстоятельно все объяснял, а попутно рассказывал и про петуха: как он в выходной день успел и свое изобретение соорудить и петуха старухе купить.

Он и по дороге домой все говорил про петуха.

— Как-то там моя старуха сейчас? — рассуждал он.— Вот, небось, ахает: откуда у нее такой петух взялся?

Старуха встретила нас на кухне. Подбоченясь, подступила к дяде Паше, презрительно оглядела его с ног до головы.

— Хотелось бы мне знать,— сказала она,— кто это мне в курятник дохлого петуха подсунул?

— Что ты, мать! — сказал дядя Паша, пятясь от нее.— Петух-то ведь был хороший!

— Поди погляди, какой он хороший! У него ноги перебиты, он на них стоять не может. Да он за весь день ни крошечки не клюнул и с полден все глаза закатывает. Это ты, что же, в насмешку мне такого петуха принес?

Дядя Паша снял кепку и смущенно почесал затылок. Потом он укоризненно взглянул на меня, вздохнул и примиряюще сказал своей старухе:

— Ладно, мать. Может, ноги-то у него еще заживут когда-нибудь. И к корму он тоже, может, привыкнет потихоньку... Я ведь его целый день выбирал.

Отжурчали ручьи.

Все светлее и светлее вода в реке. С каждым днем уровень ее ниже, течение тише. Река входит в свои берега...

На солнечном припеке зазеленела травка.

Не терпится рыболову-любителю. Копнул землю. Только что оттаявшая земля влажная и рыхлая. Вот и червячок! Их много, разные... Но рыболов все же большее внимание уделяет навознику — лучшей весенней насадке. В это время ни одна рыбешка не пройдет мимо такой лакомой приманки.

Солнце склоняется к лесу. Угомонился ветер. Вечерняя заря обещает быть теплой и тихой.

Рыболов спешит к своим излюбленным местам. В одной руке пара удочек, в другой — ведерко. Вот и любимые места! Всю долгую зиму о них можно было только мечтать.

Могучий весенний поток удивительно чисто подмел берег, очистил от всего ненужного. Песок строго рассортирован: крупный к крупному, мелкий к мелкому.

Хороша небольшая заводь! Место тихое, глубокое. Здесь непременно должна стоять всякая рыба.

Налажена одна удочка. На крючок надет шустрый навозник.

Взмах удилищем — и на ровную гладь воды лег поплавок. Он слегка покачивается. Первый заброс!

Не успел рыболов наладить вторую, как поплавок скрылся под водой. Но рыболов не прозевал. Подсечка — и удилище согнулось в дугу. Леса звенит, как сильно натянутая струна. Того и гляди, не выдержит сопротивления и лопнет.

Наконец на поверхности показывается красавец-окунь. На боках темносиние полосы, плавники яркооранжевые. Ведет себя бойко, норовит «зарыться» в глубину. Но упругий кончик удилища не дает рыбе разгуляться, все время держит ее на «смычке».

Круги все меньше. Из воды показалась голова. Окунь глотнул воздух, «опьянел» и повалился на бок.

Еще несколько секунд, и борьба кончена. Первый трофей на песке.

Непослушные пальцы коекак насаживают нового червяка, и поплавок снова покачивается на поверхности воды.

Рука тянется к другой удочке. Глаза устремлены на воду. Поплавок исчез!.. Только кто-то сгибает к воде удилище, словно готов выдернуть и утащить его.

И снова такой же красавец. Видать, стая. Проголодались за долгую зиму. Вторая удочка бесцельно лежит на берегу. Не до нее. На одну, и то только успевай действовать.

Но вот какая-то странная поклевка. Поплавок «танцует» на месте, будто пескарь балует. Танцовал-танцовал и уверенно пошел против течения, не погружаясь в воду.

Наилучший момент. Резкая подсечка. Ни с места! Будто зацеп. Нет, не зацеп. Что-то рвануло в сторону.

Завязалась борьба. И неизвестно, кто выйдет победителем. В конце концов на поверхности показывается «зубастая». Оказывается, и она непрочь полакомиться червячком. Отощала после нереста. Ведет себя особенно дерзко. Мечется из стороны в сторону. И каких только трюков не выделывает!

Борьба затягивается, но перевес на стороне рыболова. Утомилась «зубастая». Движения ее делаются спокойнее. Доверчиво подходит к берегу. Еле заметно шевелит хвостом. Пасть широко раскрыта. Остается только подсачить и выбросить на берег.

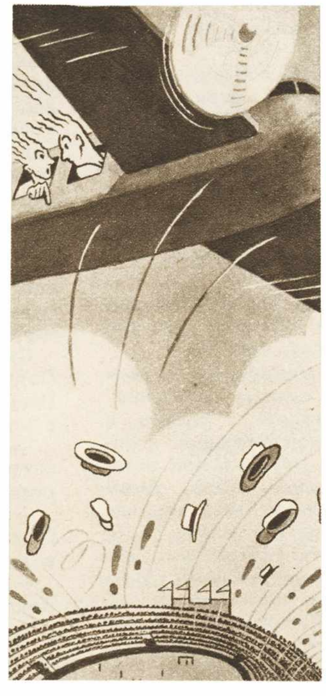
Но щука делает резкий рывок, и леса ослабла. В недоумении стоит рыболов и смотрит на свою снасть. Очень обидно!

Незаметно солнце скрылось за горой. От воды повеяло сыростью и прохладой. Со свистом разрезая крыльями воздух, пронеслась стая уток. Пора сматывать удочки.

Сезон открыт. В ведре шумно плещется рыба.

С. МИНАЕВ

Гул стадиона

— Отчего это так подбросило наш самолет?

— Воздушная волна... Наверное, ЦДКА или «Динамо» гол забили.

ЛЕС

Очерк-задача

Прекрасен лес в весеннюю пору!

Вот он окутался синевой — предвестницей весны. Проснулись от зимней спячки звери. Прилетели птицы. Они ищут в лесу пристанища и заняты кропотливой работой по устройству своего жилища.

Набухли почки. Появились крошечные, ласкающие взор листочки, и лес зазеленел. Корни жадно потянули из земли соки. Кора торопливо подает их к вершинам. Деревья стали глубже дышать. Они днем, как и человек, поглощают кислород, а ночью в отличие от человека с жадностью поглощают углекислый газ; его много накопилось в воздухе.

Что может быть прелестнее весны в лесу!

Конец зимней тишине: вокруг все проснулось, зашуршало, застрекотало, зажужжало, защебетало. Весенний лесной концерт не умолкает ни на одну минуту.

Высокие, стройные сосны гордо оглядывают своими вершинами неисчислимые лесные богатства страны. Они первыми встречают солнце и последними провожают его за горизонт. Вот белоснежные кудрявые березы, степенные развесистые дубы. А там — тополи, липы, осины...

Но затем картина резко меняется: исчезли нежножелтые сосны, вечнозеленые ели, прекрасные березы, важные дубы; вместо них остались пни, стоящие, словно надгробные памятники.

На каждом памятнике полная биография дерева: его род, возраст, годы хорошей жизни, годы напряженной борьбы за существование. На срезе, как циркулем, очерчены из центра круги. Нет ни одного дерева на земном шаре без этих годичных слоев, по которым, как по иероглифам, можно прочитать биографию растения. Вот здесь стояли когда-то две почтенные старушки — ель и береза; по числу годичных слоев каждой более трехсот лет.

Пни — печальное зрелище. Но жизнь берет свое: каждый пень дал поросль — молодое, еще хрупкое деревцо. Как малые ребята, стоят у пней сосенки, елочки, березки, дубки... Они появились на смену своим родителям.

Полезен лес во все времена года.

Он дает пристанище путнику летом от палящих лучей солнца, в дождливую осень — от пронизывающих ветров, зимой — от безжалостных и свирепых метелей.

Он оберегает дороги от заносов и города от пыли.

Он влечет к себе охотника...

Нужен лес для жизни человека. Он предохраняет колхозные поля, сады и огороды от засухи, сохраняет влагу, ревностно оберегает реки, ручьи и озера.

Он защищает поля от знойных ветров и от движущихся песков.

Лес — это дом для подавляющего большинства живых существ земного шара. Лес — это родина цветов, ягод, грибов, орехов.

Без дерева немыслимо существование человека.

Любите лес, растите и оберегайте его!

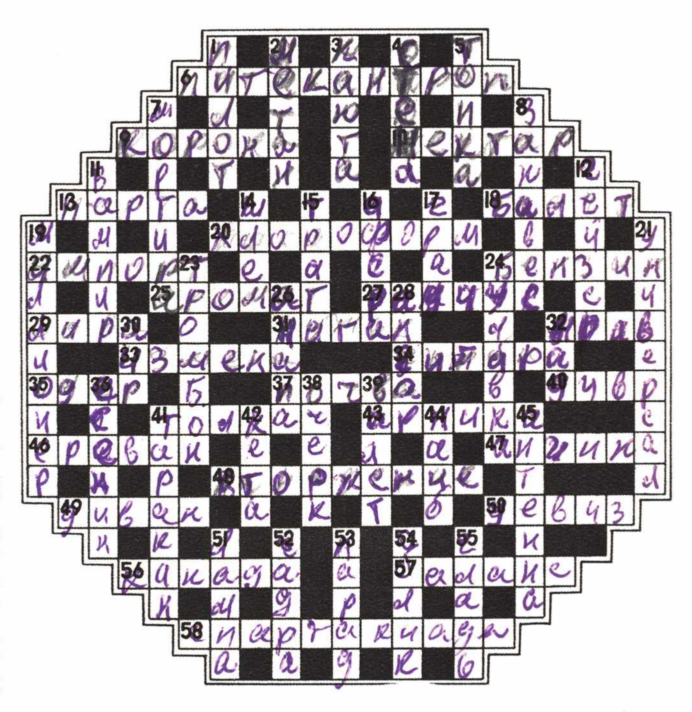
* * *

Прочтите очерк еще раз и найдите в нем ошибки, противоречащие жизни и законам природы (таких ошибок шесть).

М. БЕЛОУСОВ

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» Б. ЧЕРЕПЕНИН (Советская Армия)

По горизонтали:

6. Обезьяно-человек. 9. Венец. 10. Сладкий сок цветка. 13. Школьный инвентарь. 18. Вид искусства. 20. Наркотическое вещество. 22. Ввоз в страну заграничных товаров. 24. Горючее. 25. Приятный запах. 27. Геометрическое понятие. 29. Птица. 31. Огнестрельное оружие. 32. Характер. 33. Предательство. 34. Музыкальный инструмент. 35. Река в Европе. 37. Грунт. 40. Порт в Англии. 41. Паровоз специального назначения. 43. Растение. 46. Столица союзной республики. 47. Болезнь. 48. Нашествие. 49. Мебель. 50. Краткое изречение. 56. Английский доминион. 57. Бухгалтерский термин. 58. Спортивный праздник.

По вертикали:

1. Летчик. 2. Болотный газ. 3. Комната на судне. 4. Часть здания. 5. Печь. 7. Артиллерийское орудие. 8. Портьера. 11. Кровопийца. 12. Горячий фонтан. 14. Головной убор. 15. Расход. 16. Неблаговидная сделка. 17. Вид атмосферных осадков. 19. Крупный богач. 21. Марка трактора. 23. Музыкальный инструмент. 24. Заколка. 26. Город на Черноморском побережье. 28. Аэродромное сооружение. 30. Растение. 32. Предлог. 36. Русский поэт. 38. Литературный жанр. 39. Игральная карта. 41. Насекомое. 42. Рыба. 44. Наместник в старой Турции. 45. Прибор для улавливания или излучения электромагнитных волн. 51. Осветительный прибор. 52. Покрывало у мусульманских женщин. 53. Военный смотр. 54. Внешний вид. 55. Способ вышивки.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 19

По горизонтали:

5. Торжество. 6. Прожектор. 9. Гвардия. 11. Миномет. 12. Новатор. 14. Микенас. 18. Кантария. 19. Некрасов. 21. Газета. 22. Багратион. 23. Клятва. 28. Заря. 31. Щорс. 33. Коса. 34. Кожедуб. 35. Указ. 36. Мир. 37. Приказ. 38. Победа 39. Май. 45. Лазо. 46. Кошевой. 47. Трак. 48. Рота. 49. Сила. 52. Одесса. 54. Кавалерия. 55. Кремль. 59. Летопись. 60. Гастелло. 63. Албания. 65. Авиация. 66. Свобода. 67. «Полюшко». 69. Лейтенант. 70. Крепление.

По вертикали:

1. Родина. 2. Стяг. 3. Воля. 4. Лопата. 7. Орден. 8. Пехота. 10. Солдат. 11. Москва. 13. Руднев. 14. Маршал. 15. Сектор. 16. Партизан. 17. Доблесть. 20. Фадеев. 21. Герой. 24. Аврал. 25. Храбрость. 26. Созидание. 27. Нахимов. 29. Доватор. 30. Суворов. 32. Куранты. 40. Радио. 41. Мересьев. 42. Медаль. 43. Чиаурели. 44. Часть. 50. Защита. 51. Миссия. 53. Дружба. 56. Ладога. 57. Подвиг. 58. Дерево. 61. Салют. 62. Пионер. 64. Россия. 67. План. 68. Орел.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ

ЗАДАЧА НАСЫРА МАНСУРОВА (№ 16)

1. d4 — b2 f6 : a7 (A); 2. b2. — c1h 8 : f6; 3. g1 — f2 a7 : g1; 4. f4 — e5 f6 : d4; 5. c1 — e3d 4 : f2; 6. a5 — e1 X. (A) 1. . . . f6 : a1; 2. b6 — c7h 8 : f6; 3. c7 — e5 f6 : 4; d4. a5 — c3 d4 : b2; 5f4 — c1 X.

РУССКИЕ О РУССКОМ (№ 16)

1—2. М. Ломоносов. 3. А. Пушкин. 4. Н. Гоголь. 5. И. Тургенев. 6. В. Белинский. 7. М. Ломоносов. 8. Н. Гоголь.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

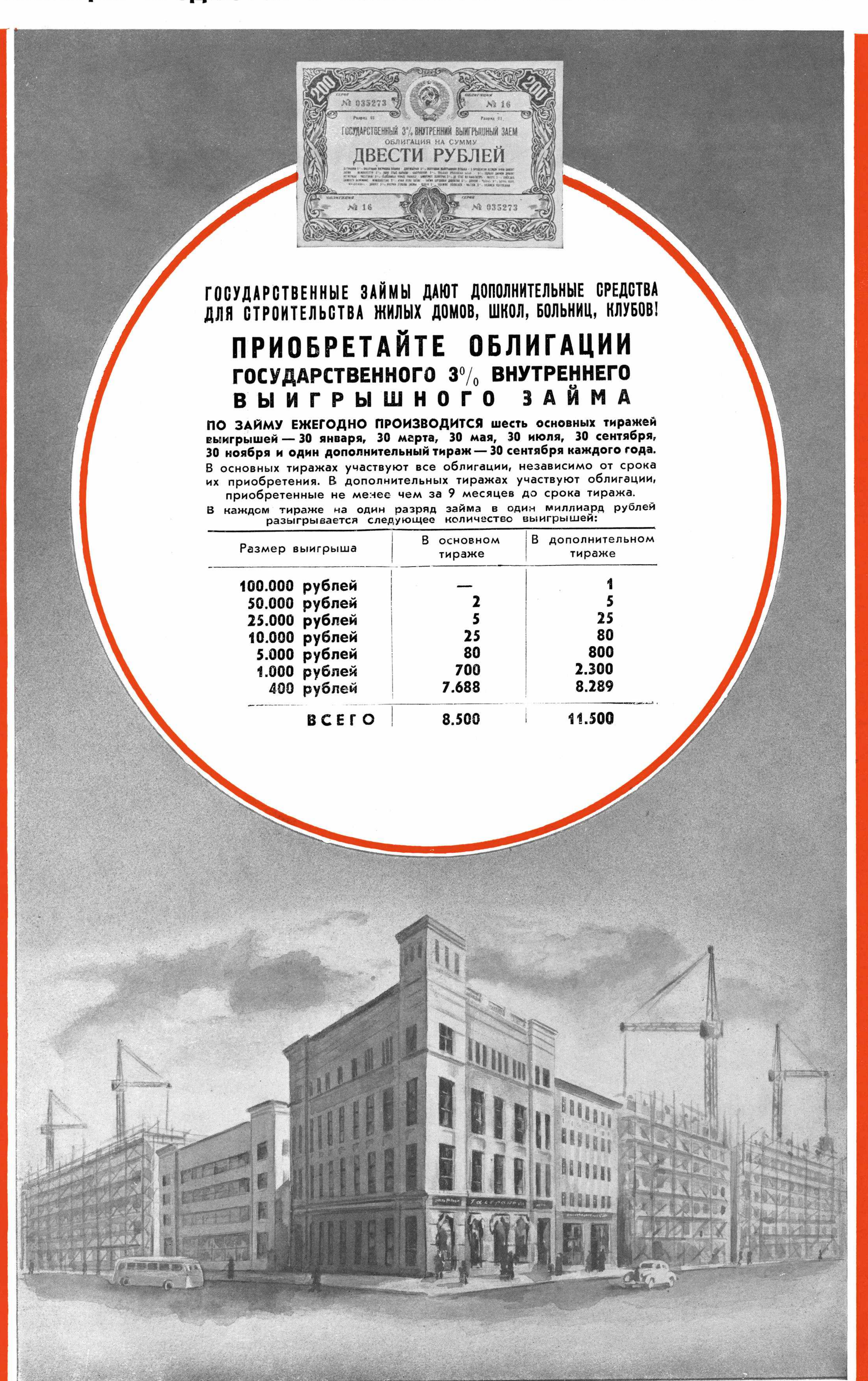
Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

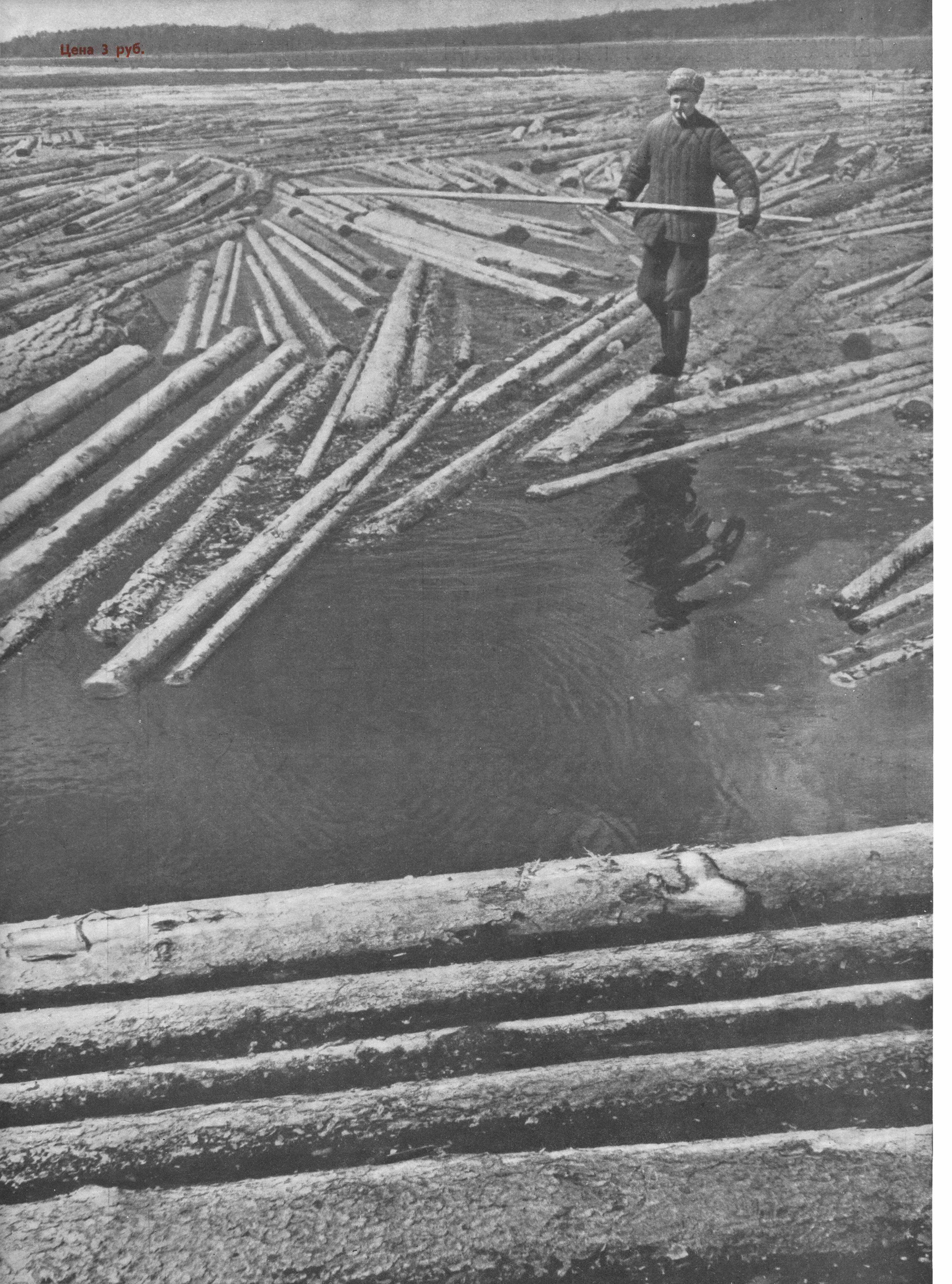
Оформление И. Уразова.

А—05218. Подписано к печати 10/V—49 г. Изд. № 372. 5½ печ. л. Тираж 350.000. Заказ 1053. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Размер выигрыша	В основном тираже	В дополнительном тираже
100.000 рублей	—	1
50.000 рублей	2	5
25.000 рублей	5	25
10.000 рублей	25	80
5.000 рублей	80	800
1.000 рублей	700	2.300
400 рублей	7.688	8.289
ВСЕГО	8.500	11.500

Цена 3 руб.